

10 ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
С С С Р
1974

Студенты юридического факультета МГУ в «третьем семестре» работали на строительстве в совхозе «Красный Балтиец» Можайского района Московской области. На фото: бойцы строительного отряда «Юрист-74» Борис Емец и Нина Мартынова.

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
СССР

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница: телепередачу для школьников старших классов из цикла «Основы советского законодательства» ведут советник Президиума Верховного Совета СССР Александр Федорович Горнин и старший консультант Министерства юстиции СССР Маргарита Павловна Казакова.

10	ОКТЯБРЬ
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА	
(46)	1974 год

В НОМЕРЕ

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Стр.

Основы советского государства и права

П. Гуреев. Советское государство и общественные организации

3

М. Панкин. Трудовые споры: где и как они разрешаются

12

А. Наумов. Мотив преступления

21

Е. Лосев. Хлеб. Очерк

29

СОБЕСЕДНИК

39

Юбилей братских республик

54

Раздумья писателя

Эрнст Сафонов. Голоса в песках

55

Лариса Куликова. Как всегда, до полуночи... Очерк

65

Медаль ВДНХ — юристу

77

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

78

Время. Законы. Люди

Алексей Ефимов. В трудные годы... (Окончание)

90

Четвертая страница обложки: несколько машин потерпели аварию из-за того, что водитель грузовика нарушил статью 153 Правил дорожного движения, устанавливающую порядок перевозки грузов.

Представляем юридические журналы

«Социалист ганунчулугу» («Социалистическая законность») 101

Информация 102

Виктор Пронин. «Прошу вас сохранить мне жизнь» 104

Приз журнала «Человек и закон» — самым кор- ректным футболистам 113

Опыт друзей

Ангел Узунов. Мальчик с женским именем 114

Уильям Фолкнер. Монах. Рассказ 124

ИМЕНЕМ САТИРЫ 139

Главный редактор С. А. ВЫСОЦКИЙ

Редакционная коллегия: Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПА- ТОВ, М. П. МАЛЯРОВ, Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ, П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора), А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА

Корректоры Т. И. НИЗАМОВА, А. В. ЕЛИЗАРОВА

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32. Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем и кон- сультаций 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

Сдано в набор 1/VIII-74 г. Подписано в печать 9/IX-74 г. А08869. Фор- мат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладки. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,29. Заказ 1566. Тираж 3 050 000 экз. (1-й завод — 1 500 000 экз.). Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном ко- митете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

© «Человек и закон», 1974.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

основы советского
государства и права

П. ГУРЕЕВ,
заведующий юридическим от-
делом Президиума Верховного
Совета СССР

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Важнейшая особенность социалистического общественного строя состоит в том, что советский народ управляет делами общества и государства не только через государственные органы, но и через общественные организации и коллективы трудящихся.

Государственные органы, общественные организации, общества и коллективы трудящихся образуют систему советской социалистической демократии. Они действуют в неразрывном единстве.

В необходимых случаях взаимоотношения общественных организаций с государственными органами, формы участия общественных

организаций в управлении государственными делами закрепляются в законодательном порядке.

Поле деятельности общественных организаций в нашей стране обширное. Совместно с государственными органами они управляют политическим, экономическим и социальным развитием общества. Для наглядности приведем такой пример. В июне этого года в нашей стране проходили выборы в Верховный Совет СССР. Положением о выборах в высший орган государственной власти предусмотрено, что Центральная избирательная комиссия составляется из представителей профессиональных организаций рабочих и служащих, кооперативных организаций, коммунистических партийных организаций, организаций молодежи, культурных, технических и научных обществ и других общественных организаций и обществ трудящихся, а также от коллективов предприятий, учреждений, колхозов и совхозов, от собраний военнослужащих. И если мы посмотрим в список утвержденного состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР девятого созыва, то убедимся, что в комиссию, в частности, вошли представители коммунистических организаций, профессиональных союзов, Ленинского комсомола, ДОСААФ, Союза писателей СССР, союза потребительских обществ.

РУКОВОДЯЩАЯ РОЛЬ КПСС В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В статье 126 Конституции СССР подчеркивается, что Коммунистическая партия Советского Союза представляет собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Она объединяет передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. К 1974 году в рядах КПСС насчитывалось около 15 миллионов человек — почти 10 процентов взрослого населения страны. В том, что именно марксистско-ленинской партии принадлежит руководящая роль в жизни советского народа, проявляется одна из закономерностей развития социалистического общества. Коммунистическая партия выражает волю и интересы всех трудящихся. На основе марксистско-ленинского учения и практики общественного развития она вырабатывает научно обоснованную программу деятельности всех государственных органов и общественных организаций.

Деятельность Коммунистической партии строится на принципах демократического централизма и пролетарского интернационализма, на основе строжайшей сознательной дисциплины. Партия цементи-

рует единство социалистического общества, руководит всей созидательной деятельностью советского народа, придает организованный и планомерный характер его движению к светлому коммунистическому будущему.

Коммунистическая партия, по выражению В. И. Ленина, есть «ум, честь и совесть нашей эпохи».

Раскрывая содержание руководящей и направляющей деятельности Коммунистической партии в Советском государстве, В. И. Ленин писал: «Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии».

Коммунистическая партия осуществляет руководство деятельностью государственных органов и общественных организаций через работающих в них коммунистов, а также через партийные группы во внепартийных организациях. КПСС руководит подбором, расстановкой и воспитанием кадров, контролирует деятельность государственных органов, проводит большую воспитательную и организационную работу среди трудящихся масс. Главное в этой работе — метод убеждения, научная обоснованность партийных решений, высокий моральный авторитет партии.

Основой Коммунистической партии являются первичные организации, создаваемые по месту работы членов партии. Могут также создаваться территориальные первичные парторганизации в селах и при домоуправлениях, которые объединяют коммунистов по месту жительства.

Первичные партийные организации играют большую роль в жизни коллективов трудящихся. Они выкают во все вопросы, возникающие в повседневной деятельности предприятия, учреждения, организации. Одна из важнейших их функций — контроль за деятельностью администрации. Этим правом обладают первичные парторганизации предприятий промышленности, транспорта, связи, строительства, материально-технического снабжения, торговли, общественного питания, коммунально-бытового обслуживания, колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, проектных организаций, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов, учебных заведений, культурно-просветительных и лечебных учреждений.

Партийные организации министерств, государственных комитетов и других центральных и местных советских, хозяйственных учреждений и ведомств осуществляют контроль за работой аппарата по выполнению директив партии и правительства, соблюдению советских законов.

Коммунисты самоотверженно трудятся во всех областях хозяйственного и культурного строительства, активно участвуют в управлении государственными и общественными делами, твердо и неуклонно проводят решения партии в жизнь, разъясняют трудящимся ее политику, заботятся об укреплении связей партии с народом.

Выступая 14 июня 1974 года перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы, Л. И. Брежнев говорил: «Подлинный демократизм пронизывает все сферы нашего общества, эффективно обеспечивает как интересы и права всего народа, так и интересы и права каждого гражданина. И главным носителем принципов социалистической демократии, гарантом ее успешного поступательного развития выступает наша ленинская партия».

Направляя деятельность всех государственных органов и общественных организаций, партия постоянно развивает их инициативу и активность, создает благоприятные условия для выполнения стоящих перед ними задач.

В капиталистическом обществе буржуазные партии представляют различные группы и слои буржуазии. Они находятся в зависимости от крупных монополий. Решающее влияние на деятельность государственных органов и буржуазных партий оказывают различные объединения капиталистов, которые держат в своих руках экономику страны и определяют политику государства. Например, в столице США Вашингтоне 300 промышленных объединений страны имеют своих специальных уполномоченных, которые предопределяют назначения на важнейшие должности в государственном аппарате, влияют на деятельность конгресса и министерств США.

Подобного же рода группы давления на членов парламента, так называемые «лобби», имеются в Англии, ФРГ и других капиталистических странах. В ФРГ официально зарегистрировано 650 лоббистских объединений и союзов. В связи с этим одна западногерманская профсоюзная газета писала: «Английское слово «лобби» означает по-немецки «действовать втайне, интриговать, заниматься махинациями», а также «оказывать влияние» и «обрабатывать». Итак, лоббикратия вместо демократии?».

РОЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Советское государство — социалистическое общенародное государство трудящихся, руководимых рабочим классом. Оно занимает центральное место в системе советской социалистической демократии.

Государственная власть в Советском Союзе едина — это стройная система Советов депутатов трудящихся, составляющих в соответствии с Конституцией нашей страны политическую основу СССР.

С помощью Советов и создаваемых ими других государственных органов наш народ реализует принадлежащую ему государственную власть, осуществляет руководство социалистическим обществом.

Советы — подлинные органы народного представительства. Депутаты Советов избираются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Кроме органов государственной власти и управления в государственный механизм СССР входят суд и прокуратура.

Советское государство возникло как государство диктатуры пролетариата. Обеспечив полную и окончательную победу социализма в нашей стране, оно превратилось в общенародное государство, в орган, выражающий интересы и волю всего советского народа, руководимого рабочим классом.

В настоящее время, в период строительства коммунистического общества, наше общенародное государство призвано решать следующие основные задачи: организовать создание материально-технической базы коммунизма и преобразование социалистических отношений в коммунистические, осуществлять контроль за мерой труда и мерой потребления, обеспечивать подъем благосостояния народа, охранять права советских граждан, социалистический правопорядок и социалистическую собственность, воспитывать трудящихся в духе сознательной дисциплины и коммунистического отношения к труду, надежно обеспечивать оборону и безопасность страны, развивать братское сотрудничество с социалистическими странами и отстаивать дело всеобщего мира.

Многогранная деятельность Советского государства подчинена великой цели — все для блага человека, все для блага народа. Руководствуясь этой благородной целью, Советское государство успешно претворяет в жизнь девятый пятилетний план, осуществляет программу мира, разработанную XXIV съездом КПСС.

В результате активной миролюбивой внешней политики КПСС и Советского государства в мире начался поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, укрепились позиции СССР и социалистического содружества на международной арене.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ

В систему советской демократии входят также профсоюзы, комсомол, колхозы и другие кооперативные организации, творческие союзы (например, Союз писателей СССР, Союз журналистов СССР), Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) и другие массовые общественные организации и общества, через которые трудящиеся участвуют в осуществлении государственной власти, в управлении делами общества и государства. Следует отметить, что роль общественных организаций в системе социалистической демократии неуклонно возрастает.

Профсоюзы. Их называют школой управления, хозяйствования, школой коммунизма. В нашей стране они объединяют около 100 миллионов рабочих и служащих. Профсоюзы много делают для развития экономики, привлекают трудящихся к управлению производством и общественными делами, воспитывают у людей коммунистическое отношение к труду.

Законодательство предоставляет профсоюзам большие права. Они, например, участвуют в разработке и реализации государственных планов развития народного хозяйства, в решении вопросов распределения и использования материальных и финансовых ресурсов, защищают интересы рабочих и служащих, контролируют соблюдение трудового законодательства, ведают государственным социальным страхованием. Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) пользуется правом законодательной инициативы, то есть может вносить проекты законов в Верховный Совет СССР. Так, проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде был внесен в Верховный Совет СССР Правительством и ВЦСПС. По многим вопросам государственного социального страхования, охраны труда, возмещения ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой, контроля профсоюзов за соблюдением законодательства о труде действуют правовые нормы, установленные ВЦСПС или ВЦСПС совместно с соответствующими государственными органами.

Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1971 года, законодательно закрепило широкие права, полномочия ФЗМК во взаимоотношениях с администрацией предприятий, учреждений и организаций (право на участие в управлении производством, на определение условий труда и другие).

Закон, по общему правилу, запрещает увольнять рабочих и служащих по инициативе администрации без предварительного согласия фабричного, заводского или местного комитета профсоюза.

Комсомол. В его рядах около 35 миллионов юношей и девушек, которые трудятся на заводах, фабриках, стройках, в колхозах, совхозах.

Комсомольские организации осуществляют предоставленное им право широкой инициативы в обсуждении и постановке перед соответствующими партийными организациями всех вопросов жизни предприятия, колхоза, учреждения, организации. Вместе с Советами депутатов трудящихся, другими государственными органами, профсоюзами и иными общественными организациями они заботятся о воспитании, обучении молодежи, организации ее труда, быта и отдыха. Вопросы, затрагивающие интересы молодых работников (примирение, предоставление жилья, охрана труда, увольнение, использование средств, выделенных на развитие культурно-массовой и спортивной работы и другие), решаются с участием представителей комсомольских органов.

Комсомол привлекает юношей и девушек к активному участию в общественной жизни, в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Среди депутатов Верховного Совета СССР девятого созыва 174 члена ВЛКСМ (11,5 процента), а среди депутатов местных Советов комсомольцы составляют более 17 процентов.

Главная задача комсомола — воспитывать молодежь в духе коммунистической идейности, советского патриотизма, интернационализма, высокой организованности и дисциплины, добиваться того, чтобы каждый молодой человек был активным строителем нового общества.

По поручению партии комсомол руководит деятельностью Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Колхозы и другие кооперативные организации. Они объединяют миллионы трудящихся, вовлекая их в строительство коммунизма. Колхозный строй — неотъемлемая часть социалистического общества. Он полностью отвечает интересам советского крестьянства и обеспечивает успешное развитие производительных сил в сельском хозяйстве, дает возможность самим колхозникам управлять сельскохозяйственным производством на подлинно демократической основе. Высшим органом управления колхоза является общее собрание колхозников, на котором решаются все жизненно важные вопросы.

Большое место в жизни колхозов занимает коммунистическое воспитание сельских тружеников, вовлечение их в общественную

жизнь. Все более полно удовлетворяются материальные и культурные потребности колхозников, улучшаются их бытовые условия. Деревни и села постепенно превращаются в благоустроенные поселки.

Активную роль в управлении государственными и общественными делами играют и многие другие общественные организации и органы общественности. К ним относятся, например, **добровольные народные дружины**. Они создаются коллективами трудящихся на предприятиях, в учреждениях, организациях, а также по месту жительства граждан для усиления охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями. Их деятельность строится на строгом соблюдении социалистической законности.

Руководят дружинами Советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты. Местные органы власти организуют и направляют деятельность дружинников, устанавливают их взаимодействие с государственными и общественными организациями, участвующими в охране правопорядка, заслушивают отчеты командиров и начальников штабов дружин, а также отчеты о работе дружин руководителей предприятий, учреждений, организаций, заботятся о материально-техническом обеспечении дружин.

Дружины зарекомендовали себя надежными стражами правопорядка. Людей с красными повязками на рукаве можно увидеть на улицах, площадях, в парках, на транспортных магистралях, вокзалах, пристанях, в аэропортах и других общественных местах. Дружинники оказывают содействие органам внутренних дел, прокуратуры, юстиции и судам в борьбе с правонарушениями — хулиганством, самооговариванием, хищением государственного и общественного имущества, нарушении правил торговли, спекуляцией и другими общественно опасными явлениями. Дружинники помогают обеспечивать безопасность движения транспорта и пешеходов и предупреждать дорожно-транспортные происшествия.

Важная функция добровольных народных дружин — проведение воспитательной работы в трудовых коллективах и среди населения с целью предупредить антиобщественные поступки. Дружинники активно участвуют в мероприятиях по охране природных богатств, борьбе с браконьерством, нарушениями правил охоты и рыболовства.

Добровольные народные дружины оказывают также помощь пограничным войскам в охране государственной границы СССР.

Трудовые коллективы играют большую роль в жизни советских людей, в управлении производством, государственными и общественными делами. Рабочие и служащие участвуют в управлении про-

изводством через общие собрания, производственные совещания, конференции и другие формы общественной самодеятельности. Всемерно расширяются и укрепляются демократические начала непосредственно на производстве. Повысилась роль общественных организаций и коллективов трудящихся в совершенствовании всей деятельности предприятий, учреждений, организаций. Они участвуют в подготовке проектов планов производственно-хозяйственной деятельности, в разработке и осуществлении мероприятий по их выполнению, улучшению условий труда и быта рабочих и служащих.

Общественным организациям и коллективам трудящихся предоставляются и другие права, используя которые они могут активно влиять на все стороны деятельности предприятий.

Трудовые коллективы выполняют не только производственные, воспитательные, но и государственно-правовые функции. Например, общие собрания рабочих, служащих и колхозников пользуются правом выдвижения кандидатов в депутаты Советов, а также правом возбуждения вопроса об их отзыве. В трудовых коллективах обсуждаются отчеты исполкомов Советов, руководителей отделов и управлений местных органов власти.

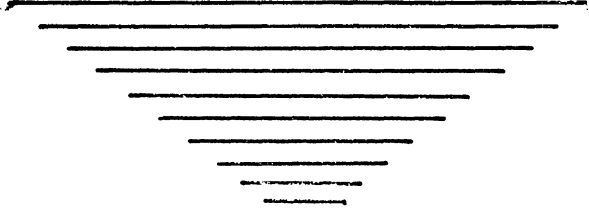
«Смысл и содержание социалистической демократии,— говорил товарищ Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС,— мы видим в участии все более широких масс в управлении страной, общественными делами. Вся политическая система общества, постоянно растущая инициатива трудящихся поставлены у нас на службу строительству коммунизма. Такая демократия — это для нас жизненная потребность, необходимое условие развития и укрепления социалистических общественных отношений».

Советская демократия — эффективный инструмент коммунистического строительства.

Коммунистическая партия постоянно заботится о развитии и совершенствовании советской демократии, видя в этом одно из важнейших условий успешного решения грандиозных задач строительства коммунизма.

М. ПАНКИН,
старший юрисконсульт юриди-
ческого отдела Госкомтруда

ТРУДОВЫЕ СПОРЫ ГДЕ И КАК ОНИ РАЗРЕШАЮТСЯ

Трудовыми спорами именуются разногласия, которые не были урегулированы при непосредственных переговорах работника с администрацией предприятия. (Здесь и далее имеются в виду также учреждения, организации, цеха). Поводы для их возникновения могут быть самыми различными. Нередко они являются следствием нарушения требований закона или других нормативных актов со стороны отдельных должностных лиц. Вот пример. «Мы,— пишут молодые специалисты,— окончили Великолукский строительный техникум и были направлены на работу в другую местность. В техникуме нам выдали стипендию за отпуск и аванс в счет единовременного пособия в связи с переездом. По новому месту работы из единовременного пособия удержали полученную стипендию, и отпуск оказался без оплаты. Исправить свою ошибку администрация отказалась». Другая причина — необоснованные просьбы работников, не предусмотренные законодательством. Кроме того, отсутствие точных указаний по тому или иному вопросу либо разное их понимание также иногда приводят к трудовым спорам.

В нашей стране создана система органов, дающая возможность трудящимся участвовать в рассмотрении трудовых споров. Такими

органами являются: комиссии по трудовым спорам (КТС); фабричные, заводские, местные (цеховые) комитеты профессиональных союзов (фабзавместкомы); районные (городские) народные суды; вышестоящие в порядке подчиненности органы. Принципиальные вопросы организации и деятельности всех этих органов решены в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Кроме того, **порядок рассмотрения трудовых споров регулируется Положением, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 года.** Нормы по этому вопросу содержатся также в законодательстве союзных республик (кодексы законов о труде, гражданские процессуальные кодексы) и в некоторых других нормативных актах.

Новое Положение закрепляет и развивает демократические начала в разрешении трудовых споров. Установлено, что в комиссии должно быть равное число постоянных представителей фабзавместкома и администрации, а на заседании — равное число представителей сторон. Недопустимо участие в заседании комиссии, например, трех постоянных представителей фабзавместкома и двух — администрации и наоборот.

Надо отметить и еще одну деталь. По ранее действовавшему Положению, комиссии по трудовым спорам могли организовываться во всех цехах и других производственных подразделениях предприятий, где имелись цеховые комитеты профсоюза. В этом случае решение цеховой комиссии могло быть обжаловано в общезаводскую комиссию. Сейчас цеховые комиссии, как правило, упразднены. Исключение сделано только для тех предприятий, где фабзавместкомам предоставлены права районного комитета профсоюза. На таких предприятиях могут создаваться цеховые комиссии, которые действуют на тех же основаниях, как и общезаводские комиссии. Таким образом, обеспечивается более быстрое рассмотрение возникшего спора.

На предприятиях, где нет фабзавместкомов, комиссия по трудовым спорам, как и раньше, образуется в составе профсоюзного организатора и руководителя предприятия, а в случае его временного отсутствия — в составе заместителя или другого работника, на которого возложено исполнение обязанностей руководителя.

Главная задача органов по рассмотрению трудовых споров — проверить обоснованность требований работника или решения администрации, устранить нарушение, если оно было допущено, и тем самым обеспечить строгое соблюдение норм, регулирующих трудовые отношения рабочих и служащих. Круг этих норм весьма разнообразен. Они касаются таких важных вопросов, как применение

установленных систем оплаты и условий труда и премирования, перевод на другую работу и прекращение трудового договора, оплаты при невыполнении норм выработки, простое и браке, компенсация за работу в сверхурочное время, выходные и праздничные дни, предоставление ежегодного отпуска установленной продолжительности, его оплаты и выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении, укрепление трудовой дисциплины и воспитание работников в духе сознательного, коммунистического отношения к труду. Практически органы по рассмотрению трудовых споров могут рассмотреть любое разногласие работника с администрацией, если оно связано с применением законодательства о труде, коллективных и трудовых договоров, правил, положений и инструкций, содержащих нормы, регулирующие трудовые правоотношения.

Не допускается разрешение лишь таких споров, которые связаны с установлением условий и размеров оплаты труда, например, установлением норм выработки (норм времени), должностных окладов, тарифных ставок, изменением штатов, исчислением, назначением и выплатой пособий по государственному социальному страхованию и пенсий, исчислением трудового стажа для предоставления льгот и преимуществ, предоставлением и распределением жилой площади, удовлетворением бытовых нужд работников и тому подобное.

Как и раньше, новое Положение сохраняет единый процесс последовательного рассмотрения спора, сначала в КТС в качестве обязательного первичного органа по рассмотрению большинства разногласий, отнесенных к компетенции КТС. Если же решение выносится не в пользу работника или стороны не приходят к соглашению, работник вправе обратиться в фабзавместком, а затем, в случае необходимости, в суд.

Если спор рассматривался в цеховой или общезаводской комиссии на предприятиях, где фабзавместкомам предоставлены права районного комитета профсоюза, то следующей инстанцией в первом случае является цехком, а во втором — президиум фабзавместкома, а затем народный суд.

Рабочие и служащие могут обращаться в КТС в любое время, независимо от того, когда возник спор. Для обращения же в суд установлен определенный срок: по вопросу восстановления на работе — месяц со дня, следующего за днем вручения работнику приказа об увольнении, а по делам, рассмотренным фабзавместкомом, — десять дней после получения постановления фабзавместкома. В тот же срок может обратиться в народный суд с заявлением о рас-

рассмотрении трудового спора и администрация, если она считает, что постановление по трудовому спору, вынесенное фабзавместкомом, противоречит действующему законодательству. Решения КТС администрации обжаловать не может.

Все споры должны рассматриваться КТС в пятидневный срок со дня подачи заявления. В целях всестороннего и объективного рассмотрения спора работнику предоставлено право заявлять мотивированный отвод любому члену комиссии. Он может просить комиссию вызвать на заседание свидетелей, провести технические и бухгалтерские проверки, потребовать от администрации предприятия представить необходимые документы и расчеты.

В Положении определены функции фабзавместкома как второй инстанции по рассмотрению трудовых споров. В частности, установлено, что помимо рассмотрения споров, по которым в комиссии не было достигнуто соглашение сторон, и жалоб работников на решения комиссии фабзавместкомы теперь будут выполнять надзорные функции в отношении решений КТС, то есть по собственной инициативе или по протесту прокурора отменять решения, противоречащие действующему законодательству, и выносить постановления по существу спора.

Как КТС, так и фабзавместком должны рассматривать заявления и жалобы работника в его присутствии. Заочное рассмотрение допускается лишь по письменному заявлению работника. При неявке работника на заседание КТС или фабзавместком откладывают рассмотрение дела до следующего заседания. При вторичной неявке работника без уважительных причин КТС или фабзавместком могут вынести решение о снятии его заявления с рассмотрения. Однако это не лишает работника права подать заявление или жалобу вновь.

В Положении уточнена и значительно расширена компетенция судебных органов по рассмотрению трудовых споров в качестве первой инстанции. Теперь непосредственно в районных (городских) народных судах без обращения в КТС и фабзавместком рассматриваются заявления рабочих и служащих, уволенных по инициативе администрации, о восстановлении на работу или об изменении формулировки оснований увольнения, споры по всем вопросам рабочих и служащих предприятий, где нет фабзавместкомов и профсоюзных организаторов, а также работников, занятых по трудовым договорам в колхозах, межколхозных организациях, в фабзавместкомках.

Непосредственно в народном суде рассматриваются споры по заявлению администрации о возмещении рабочим и служащим

ущерба, причиненного предприятию, в тех случаях, когда он не дал согласия на удержание ущерба из заработной платы или добровольно не возместил его. Напомним, что согласно статье 49 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде за ущерб, причиненный предприятию при исполнении трудовых обязанностей, рабочие и служащие, по вине которых причинен ущерб, несут материальную ответственность в размере прямого действительного ущерба, но не более одной трети своей месячной тарифной ставки (оклада). Возмещение ущерба производится при наличии письменного согласия работника по распоряжению администрации предприятия путем удержания из заработной платы. Распоряжение об удержании может быть сделано не позднее двух недель со дня обнаружения причиненного ущерба. При отсутствии письменного согласия работника, а также в случаях, когда он несет материальную ответственность в размере свыше одной трети месячной тарифной ставки (оклада), удержание не производится и возмещение ущерба — по заявлению администрации — возможно только по решению суда.

В народном суде рассматриваются также трудовые споры между работниками и администрацией в тех случаях, когда в соответствии с действующим законодательством эти споры предварительно разбирались администрацией и фабзавместкомом в пределах предоставленных им прав.

В новом Положении имеется специальный раздел о рассмотрении споров в порядке подчиненности. Этот порядок является исключением из общего, применяется к ограниченной категории работников и лишь при разрешении споров по отдельным вопросам.

С учетом многолетней практики Положением предусмотрены вместо одного, как это было прежде, два перечня (№ 1 и № 2) категорий работников, трудовые споры которых по отдельным вопросам рассматриваются вышестоящими в порядке подчиненности органами, и уточнен круг этих вопросов.

К компетенции вышестоящих органов отнесено рассмотрение споров по заявлениям работников, занимающих должности, предусмотренные в перечне № 1, по вопросам увольнения, изменения формулировки причин увольнения, перевода на другую работу, а также наложения дисциплинарных взысканий. Перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Это значит, что все работники, должности которых не указаны в перечне, могут оспаривать, например, перевод или наложение дисциплинарного взыскания на общих основаниях, то есть в КТС, фабзавместкоме профсоюза и в суде, а увольнение и изменение фор-

мулировки причин увольнения — непосредственно в суде. Более того, даже те работники, должности которых указаны в перечне, могут по всем вопросам, кроме оговоренных в Положении, обращаться в другие органы по рассмотрению трудовых споров на общих основаниях.

Перечень № 1 содержит как должности, общие для всех отраслей народного хозяйства, так и должности, специфические для отдельных ведомств. В основу перечня положен характер труда работников. Исходя из этого признака, в него включены должности руководителей, то есть лиц, осуществляющих руководство предприятием и его филиалами, и заместителей этих руководителей, независимо от наименования должности (директор, заведующий, начальник). Исключение сделано только для руководителей небольших предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, не имеющих в своем подчинении работников. Они не подпадают под действие перечня, и потому их трудовые споры по всем вопросам рассматриваются на общих основаниях.

В этом же перечне значатся главные специалисты всего предприятия, а не отдельных его структурных подразделений (например, главный механик или главный конструктор завода, но не главный механик цеха или главный конструктор проекта), начальники цехов, отделов, служб, участков, производств, хозяйств и другие работники.

Вышестоящими органами рассматриваются также заявления работников, указанных в перечне № 2, по вопросам увольнения или изменения формулировки причин увольнения, если увольнение связано с признанием этих работников в установленном порядке не соответствующими занимаемой должности или с неизбранием на новый срок. Таким образом, перечень № 2 в отличие от перечня № 1 составлен не только по признаку характера труда работника, но и связан с причинами увольнения.

В перечень № 2 включены работники научно-исследовательских, проектных, проектно-конструкторских, технологических организаций и научно-исследовательских подразделений высших учебных заведений, уволенные с работы в связи с признанием их в результате аттестации не соответствующими занимаемой должности.

В этом же перечне значатся профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений и работники научно-исследовательских учреждений, должности которых замещаются по конкурсу, артисты и другие творческие работники театров, ансамблей, оркестров, хоров, филармоний и иных концертных организаций, а также орга-

низаций телевидения и радиовещания, уволенные с работы в связи с неизбранием их на новый срок или признанием в установленном порядке не соответствующими занимаемой должности, независимо от того, приняты они по конкурсу или допущены к замещению должности без прохождения конкурса.

Трудовые споры работников перечисленных категорий по всем другим вопросам, в том числе о восстановлении на работу в случае увольнения по иным основаниям, рассматриваются в общем порядке.

В порядке подчиненности рассматриваются трудовые споры работников, несущих дисциплинарную ответственность по уставам о дисциплине, по вопросам наложения на них дисциплинарных взысканий. Например, спор о восстановлении в должности лиц, временно переведенных на другую работу в соответствии с уставом о дисциплине, должен рассматриваться в порядке подчиненности, а не в КТС.

В таком же порядке рассматриваются трудовые споры руководящих работников по вопросам о премиях, которые утверждаются им к выплате согласно действующим положениям вышестоящей организации. К числу таких работников относятся кроме самого руководителя предприятия также главный инженер, заместители руководителей, главный экономист, главный бухгалтер, старший бухгалтер (на правах главного), начальники планового отдела и отдела технического контроля. Перечень должностей этих работников в самом Положении не содержится. Он определен в других нормативных актах. Уместно отметить, что этим работникам только вышестоящей организацией разрешаются к выплате все виды денежного поощрения, включая вознаграждение по итогам работы предприятия за год, и единовременная материальная помощь.

В Положении не указан срок обращения в вышестоящую организацию за разрешением трудового спора. Следовательно, жалоба работника на неправильное увольнение с работы или необоснованный перевод на другую работу (если это не связано с наложением дисциплинарного взыскания) может быть подана в вышестоящий орган в любое время, а жалоба о наложении дисциплинарного взыскания в порядке подчиненности — в двухнедельный срок. Вышестоящий орган обязан рассмотреть трудовой спор не позднее 10 дней со дня поступления заявления и о результатах рассмотрения немедленно уведомить заинтересованного работника.

При рассмотрении споров о денежных требованиях, не связанных с выплатой за вынужденный прогул или выполнением нижеоплачиваемой работы, а возникших по другим основаниям (например, споры о выплате надбавок, премий, доплат и тому подобное),

любой орган, рассматривающий трудовой спор, имеет право вынести решение о выплате работнику причитающихся сумм и за прошлое время, но не более чем за один год (ранее в этих случаях денежные требования удовлетворялись за прошлое время не более чем за три месяца), а по вопросу о денежной компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении — не более чем за два рабочих года (в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, — не более чем за три рабочих года).

Необходимо особо подчеркнуть, что ограничение удовлетворения денежных требований одним годом относится только к рассмотрению споров. Администрация не связана с этим сроком и может выплатить работнику причитающиеся суммы за все прошлое время, если эти суммы недоплачены по небрежности или по другим ошибкам администрации (например, установили оклад ниже минимального, предусмотренного по схеме должностных окладов, ошибочно исчислили трудовой стаж, с учетом которого устанавливаются оклады отдельным категориям работников, и тому подобное).

Многолетняя практика показывает, что абсолютное большинство решений, принятых КТС, фабзавместкомом и народным судом, исполняется администрацией добровольно и в установленный срок. Но на тот случай, если встретятся задержки в этом деле или отказ от выполнения решения, законодательством установлен ряд мер, обеспечивающих их реализацию.

В частности, Положением установлено, что в случае неисполнения администрацией предприятия в установленный срок решения КТС работник вправе обратиться в фабзавместком, который после проверки на заседании правильности решения КТС выдаст ему удостоверение, имеющее силу исполнительного листа. Удостоверение выдается также и в том случае, когда администрация не исполняет постановление по трудовому спору, вынесенному самим фабзавместкомом. Если спор решен комиссией в составе профсоюзного организатора и руководителя предприятия, то удостоверение выдается вышестоящим профсоюзным органом.

Удостоверение не выдается, если решение КТС противоречит действующему законодательству. Само собой разумеется, что удостоверение не выдается, когда работник или администрация предприятия в установленный срок обратились с заявлением о разрешении трудового спора в народный суд.

На основании удостоверения решение, принятое органами по рассмотрению трудовых споров, по заявлениям заинтересованных работников приводит в исполнение судебный исполнитель в установленном порядке.

В случае задержки администрацией предприятия исполнения решения КТС, фабзавместкома или суда о восстановлении на прежнем месте незаконно уволенного или переведенного работника соответствующий орган выносит решение о выплате ему среднего заработка за все время задержки со дня вынесения решения по день его исполнения.

В целях повышения ответственности администрации за соблюдение законодательства о труде при увольнении рабочих и служащих и возмещения материального ущерба, причиняемого предприятиям незаконными увольнениями и переводами на другую работу, установлена обязанность должностного лица возместить ущерб в связи с оплатой работнику за время вынужденного прогула или выполнения нижеоплачиваемой работы, но не свыше трех месячных окладов соответствующего должностного лица. Такая обязанность возлагается, если увольнение или перевод произведены с явным нарушением закона или если администрация задержала исполнение решения суда о восстановлении уволенного на работе (статья 93 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде).

Под явным нарушением закона понимается увольнение без согласия фабзавместкома (когда такое согласие является обязательным) или по основаниям, не предусмотренным законом: увольнение беременных женщин, матерей, кормящих грудью, и женщин, имеющих детей в возрасте до одного года, когда администрации было известно о наличии этих обстоятельств; увольнение рабочих и служащих моложе 18 лет без согласия районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних, перевод на другую работу без согласия работника.

Принятие Положения о порядке рассмотрения трудовых споров является дальнейшим шагом вперед по пути совершенствования советского трудового законодательства, важным средством быстрого устранения отдельных разногласий, охраны прав и интересов работников и предприятий.

Среди бела дня в одном из московских магазинов в присутствии многих посетителей некий М. подошел к пожилой женщине, выхватил у нее десять рублей, выбежал, но тут же был задержан.

Что ж, скажет читатель, все правильно. Суд, видимо, воздал дерзкому грабителю по заслугам.

Суд действительно состоялся, но М. был оправдан: суд признал, что он не совершил ограбления.

Разговор читателя с юристом можно продолжить следующим образом.

Читатель. Значит, преступником был не М. Кто же тогда так нагло ограбил старушку?

Юрист. И следствие и суд установили, что именно М. на глазах у других граждан выхватил деньги из рук посетительницы магазина. Однако он грабежа не совершил. За нарушение же общественного порядка он должен нести административную ответственность.

Читатель. Мистика!

Юрист. Напротив, все реальнее реального. Осуждению М. помешало установление судом одного обстоятельства. Оказывается, М. таким оригинальным образом пытался попасть на лечение от алко-

голизма. Для решения этого вопроса обычным путем надо было ждать, в частности пройти медицинское обследование и получить направление в соответствующее лечебное учреждение. Лиц же, совершивших преступление, как узнал М., будто бы отправляют на лечение немедленно. М. торопился и не захотел ждать. Он решил пойти в магазин (причем в то время, когда там находился милиционер) и совершить «что-либо, похожее на преступление», чтобы его задержали и направили на лечение.

Читатель. Ну и что? Какая разница, из-за чего преступник грабил? Ведь факт грабежа был!

Юрист. Согласно закону ответственность за грабеж наступает при установлении умысла на похищение чужого имущества. Это означает, что виновный стремится незаконно обратить имущество в свою пользу или пользу других лиц. В приведенном же деле и не хватает этого обстоятельства (корыстного мотива). Поэтому суд правильно оправдал М. Однако следует отметить, что за систематическое злоупотребление спиртными напитками и нарушение правил социалистического общежития М. впоследствии был судом направлен в лечебно-трудовой профилакторий для принудительного лечения.

Мотив в психологии означает побудительную причину поступков человека. Под мотивом преступления также понимается побуждение, которым руководствовался человек при совершении преступления. Социальная оценка человеческого поведения, как правило, невозможна без установления тех побуждений, из которых исходило лицо, совершая то или иное действие, поступок. Окружающие, общество всегда интересуются не только результатом деятельности, но и тем, почему тот или иной человек поступил так, а не иначе. Тем более это интересует следователя, прокурора, адвоката, судью при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

Мотив преступления имеет важное доказательственное значение по уголовному делу. Если мотив преступления неизвестен, следовательно и суд не могут сделать категорического вывода о том, с каким конкретным правонарушением они в данном случае имеют дело. Видный русский юрист В. Д. Спасович образно говорил, что без установления мотива преступления уголовное дело, «точно статуя без головы и без рук или без туловища».

Действующее советское уголовно-процессуальное законодательство требует, чтобы при производстве предварительного следствия и судебном разбирательстве уголовного дела был обязательно установлен мотив преступления (статья 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Правда, следует отметить, что выявление мотивов преступления представляет нередко значительную трудность, так как данные о возможных мотивах почти никогда не лежат на поверхности исследуемых фактов, а тесно связаны с внутренним миром личности. Нередко в преступлении можно обнаружить «клубок» мотивов, и тогда необходимо отделить «лейтмотив» от сопутствующих мотивов, что также практически сделать нелегко. Переплетение различных мотивов в преступном деянии наглядно показано Ф. М. Достоевским в глубоком психологическом анализе мотивов действий Расколыникова в романе «Преступление и наказание». Автор на протяжении всего произведения решает задачу: действовал ли Расколыников из «наполеоновских» мотивов, то есть чтобы стать человеком необыкновенным, могущим переступить закон («Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу!»)? Или Расколыников совершил убийство, чтобы стать «филантропом», «благодетелем человечества», то есть в свое преступление он вложил буржуазно-анархический протест против законов буржуазного общества («Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел... я хотел только поставить себя в независимое положение, первый шаг сделать, достичь средств, и там все бы загладилося неизмеримую, сравнительно, пользой...»)? Ф. М. Достоевский не дает окончательного ответа на этот вопрос и показывает, что побудительные причины преступного деяния могут образовать сложный комплекс психологических переживаний виновного.

Не следует, разумеется, преувеличивать духовную сложность преступника. Наиболее распространенные мотивы преступлений свидетельствуют скорее о духовной убогости лиц, их совершивших: корысть, хулиганские побуждения, личная неприязнь. Однако игнорирование побудительных причин преступного деяния при определении уголовной ответственности лица было бы также принципиально неверно, означало бы вульгарно-примитивный подход к решению этого важного вопроса. Поэтому в советском уголовном судопроизводстве и придается такое важное значение мотиву преступления.

Мотив преступления может быть таким обстоятельством, без которого данное преступление вообще не существует. И это касается не только хищений (вышеупомянутое дело М.), но и некоторых других преступлений. Так, злоупотребление властью или служебным положением, причинившее существенный вред правоохраняемым интересам, будет преступлением только в том случае, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности (часть I статьи 170 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных рес-

публик). Совершение же этого деяния по иным мотивам образует не преступление, а дисциплинарный проступок.

Например, Прокопенко был привлечен к уголовной ответственности за то, что, будучи директором маслозавода, злоупотреблял своим служебным положением. Это выразилось в том, что в нарушение финансовой дисциплины незаконно получал из кассы завода деньги, документально оформляя эти операции как получение денег на оказание материальной помощи рабочим. Судебные органы установили, что в действительности Прокопенко расходовал полученные незаконным образом денежные средства на различные нужды производства. Он приобрел за наличный расчет для маслозавода автомобильный мотор, различные строительные материалы, платил монтажникам за работы по монтажу оборудования. Пленум Верховного Суда СССР, отметив, что хотя указанные финансовые операции были незаконными и не вызывались острой производственной необходимостью, тем не менее прекратил дело, так как Прокопенко не преследовал при этом ни корысти, ни каких-либо других личных выгод.

Далее, определенные мотивы преступления могут существенно повышать ответственность за то или иное преступное деяние. Например, лишение жизни потерпевшего из хулиганских побуждений образует состав убийства при отягчающих обстоятельствах, за совершение которого уголовный закон допускает применение самой суровой меры наказания (смертной казни или лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со ссылкой или без таковой). Если же будет установлено, что убийство совершено из мести на почве личных неприязненных отношений, то (при отсутствии других отягчающих обстоятельств, указанных в статье 102 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик) такое преступление будет квалифицировано по статье 103 УК РСФСР, предусматривающей ответственность в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет.

В связи с тем, что степень ответственности может сильно отличаться в зависимости от установления того или иного мотива преступления, очень важное значение приобретает правильная социальная оценка содержания мотива преступного деяния.

Так, суд осудил Павлова за покушение на убийство из хулиганских побуждений. Павлов познакомился с продавщицей магазина Р. и предложил ей встретиться, но та категорически отклонила его просьбу. Тогда Павлов стал систематически преследовать девушку. Он неоднократно угрожал ей убийством, оскорблял, приходил в пьяном виде в магазин, где она работала, и в общежитие, где она жила. Однажды Павлов пришел в общежитие к Р. и со словами

«вот тебе и конец» нанес ей два удара ножом в грудь. Жизнь потерпевшей была спасена только благодаря своевременно оказанной медицинской помощи.

В кассационной жалобе осужденный Павлов просил квалифицировать его действия по статье об убийстве без отягчающих обстоятельств и соответственно снизить ему меру наказания, так как он, утверждал осужденный, совершил покушение на убийство не из хулиганских побуждений, а из мести.

Можно ли признать, что мотивы, явившиеся исходным побуждением к убийству, были личного порядка? Кассационный суд, тщательно проанализировав личность виновного и его поведение, ответил на это отрицательно. Всем своим циничным поведением Павлов унижал личное достоинство потерпевшей. Не уважая ее, он тем не менее домогался сближения с ней, принуждал ее к этому побоями и угрозами. Убийство из хулиганских побуждений и характеризуется тем, что личные стремления и интересы лица, его совершившего, приобретают форму разнузданного эгоизма, крайнего индивидуализма и полного пренебрежения к другим. Убийца-хулиган открыто противопоставляет себя всему и всем.

Кассационная инстанция отвергла доводы жалобы, подтвердив, что осуждение Павлова за покушение на убийство из хулиганских побуждений было правильным.

Содержание мотива преступления находится в тесной связи с характеристикой личности виновного, определенными нравственными качествами, ему присущими. Мотив наилучшим образом раскрывает потребность и стремления, чувства и интересы, привычки и взгляды лица, его характер, то есть все то, что может объяснить, почему именно данное лицо решилось на преступление и без чего невозможно определение степени общественной опасности лица, его совершившего. Поэтому не случайно индивидуализацию наказания законодатель ставит в зависимость и от установления мотивов преступной деятельности виновного.

Среди отягчающих ответственность обстоятельств, характеризующих личность виновного, законодатель на одно из первых мест поставил корыстные или иные низменные побуждения (мотивы) преступления (пункт 3 статьи 39 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). В связи с этим возникает как теоретически, так и практически важный вопрос о социальной оценке мотивов преступной деятельности, ограничения низменных мотивов от других побуждений, не являющихся низменными.

Все ли мотивы преступлений носят антиобщественный характер? Мотивы как побудительные причины поступков человека, взятые

сами по себе (вне связи с преступным деянием), действительно могут не только не противоречить морали и праву, но и являться социально полезными (сочувствие, сострадание и так далее). Вместе с тем в основание оценки любых явлений всегда кладутся признаки, которые являются наиболее существенными (специфическими) для них. Самое существенное же в понятии мотива преступления, его сущность — это способность мотива выступать в качестве побудительной причины общественно опасного деяния. При оценке мотивов преступной деятельности и исходят из социального содержания мотива как побудительной причины преступного деяния.

Поэтому то же сострадание, если оно является побуждением к преступлению, допустим к убийству (тяжелораненого или неизлечимого больного), превращается в мотив преступления и потому становится социально вредным.

Например, Б. был признан виновным в убийстве с особой жестокостью своего брата М., инвалида I группы с детства, при следующих обстоятельствах.

Однажды вечером Б. вернулся в дом своих родителей, с которыми длительное время не проживал. Дома он застал только своего брата М. Передав брату подарки, Б. затем стал распивать с ним спирт. Будучи в очень сильной степени опьянения, он решил, что его брат М. «не живет, а мучается», взял со стола складной нож и несколькими ударами перерезал тому горло, убив его.

Социальная оценка мотива преступления вне связи с преступлением, побудительной причиной которого явился этот мотив, невозможна, и поэтому не может быть ни общественно нейтральных, ни тем более общественно полезных мотивов преступлений.

Однако, будучи социально вредными, мотивы преступлений не могут быть инвентаризованы по степени общественной опасности. Законодатель из всех побуждений в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность, выделил только одну группу мотивов — низменные. Следовательно, по мысли законодателя, есть и такие мотивы совершения преступления, которые не являются низменными. В противном случае любой мотив суд должен был бы рассматривать как отягчающее обстоятельство при назначении наказания.

Все возможные мотивы преступной деятельности по степени своей антисоциальной направленности могут быть разделены на две группы. Первую группу образуют те побуждения, вредность и аморальность которых проявляется не только в связи с совершенным преступлением, но эти побуждения аморальны и сами по себе (например, хулиганские побуждения, корысть, месть, тщеславие и тому подобное). Эта группа мотивов отличается повышенной социальной

вредностью. Мотивы, входящие в эту группу, являются низменными мотивами. Все другие мотивы, которые по своему характеру не являются аморальными, приобретают характер только в связи с совершенным преступлением. Поскольку они лишены низменного характера, то они не могут являтьсяотягчающими обстоятельствами при назначении наказания. К мотивам, лишенным низменного характера, можно отнести такие мотивы, как сострадание, а также ложно понятый государственный или общественный интерес и некоторые другие.

Низменные побуждения являются порождением таких свойств личности, как крайний индивидуализм, стяжательство, эгоизм, пренебрежение интересами других. Именно таково содержание антиобщественных взглядов, которые веками прививались людям в недрах эксплуататорских государств, основанных на частной собственности. Указанные отрицательные черты характера обуславливают содержание низменных мотивов преступлений, с которыми сталкивается судебная практика: корысть, хулиганские побуждения, месть, зависть, тщеславие, карьеризм и т. д. Эти побуждения являются низменными побуждениями, так как противоречат интересам советского народа, коммунистической идеологии, задачам построения коммунизма, что и служит основанием для признания этих мотивов обстоятельствами, отягчающими ответственность.

Низменные мотивы всегда предусматривались в нашем уголовном законодательстве как отягчающие ответственность виновного.

Иногда преступления совершаются по мотивам ревности. Как рассматривать этот мотив: низменным или не низменным?

До 1960 года советское уголовное законодательство за убийство, совершенное из корысти, ревности и иных низменных побуждений, предусматривало более строгое наказание, чем за убийство, совершенное по другим (не низменным) мотивам.

Действующее уголовное законодательство отказалось от того, чтобы все низменные побуждения признавались обстоятельствами, влекущими повышенную ответственность за убийство. Из общего числа низменных мотивов законодатель выделил особо опасные: корысть; хулиганские побуждения; мотивы, связанные с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга; стремление избежать уголовной ответственности (цель скрыть или облегчить другое преступление) и кровную месть (статья 102 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Наличие только одного из этих мотивов превращает простое убийство в квалифицированное, как говорят юристы, за которое предусматривается наказание вплоть до смертной казни.

Следовательно, такие мотивы, как ревность и месть, применительно к ответственности за убийство согласно действующему уголовному законодательству не относятся к числу особо опасных, квалифицирующих признаков. Эти побуждения тесно связаны с личными взаимоотношениями, и поэтому убийства, совершенные по этим мотивам, обычно менее общественно опасны, чем, например, убийство из хулиганских побуждений с его резкой направленностью против общественных норм поведения.

Но вышеуказанные изменения в законодательстве об ответственности за убийство ничуть не означают, что все прочие низменные мотивы перестали быть низменными. Иначе не только ревность, но и месть, и зависть, и карьеризм пришлось бы на том же основании объявить лишенными низменного характера — ведь законодатель не считает их теперь отягчающими (квалифицирующими) обстоятельствами при убийстве.

Ревнивец, писал К. Маркс, нуждается в рабе, ревнивец может любить, но любовь для него только ощущение, питающее ревность. Ревнивец прежде всего частный собственник.

Ревность вообще тесно переплетается с местью. Когда же ревность приводит к общественно опасным поступкам, она принимает ярко выраженный оттенок мести. Виновный в убийстве из ревности чаще всего мстит потерпевшему — и за действительную, и за мнимую измену. Более того, объектом посягательства при убийстве из ревности может оказаться не только лицо, к которому проявляется это чувство, но и другое, близкое потерпевшему. Например, А. познакомилась с научным сотрудником Д. Они стали встречаться, причем А. надеялась, что Д. оставит свою семью. Однако вскоре убедилась, что он любит своих детей, особенно младшую дочь, и не расстанется с ними. Тогда из ревности и мести А. отравила эту трехлетнюю девочку. Пример наглядно показывает, что убийство из ревности есть частный вид проявления мести и других низменных побуждений в преступлениях против жизни.

Таким образом, проблема мотива преступления имеет важное значение для уголовной ответственности. Установление объективной истины по уголовному делу, социальная и юридическая оценка преступления и назначение наказания — все это самым тесным образом связано с мотивом.

ХЛЕБ

О Ч Е Р К

Ветер в казахстанской степи — вольный и от безнаказанности шальный. Ничего его здесь не сдерживает, и ничто не может утихомирить его разгульный характер. Единственная преграда на пути ветра — разливанное море пшеницы.

Ветер набрасывается на ниву яростно. Ворвавшись на поле, он раскачивает тяжелые колосья, гнет стебли и, не в силах одолеть их, только вспучивает крупные валы на желто-бархатистой поверхности и гонит их вдаль, к горизонту.

Леонид Михайлович Картаузов стоит на краю хлебного лана не в силах оторвать взгляд от беспрестанно меняющейся формы и окраски пшеничного поля. Вдыхает хлебный аромат, чувствует, как сердце его наполняется радостью и гордостью. И ни о чем особенном не думается, кроме того, что все вокруг хорошо. Хорошо и то, что он выращивал этот хлеб, а теперь, работая на комбайне, выполнил две сменные нормы. И хотя от усталости гудят руки и плечи, все равно радостно на сердце...

Вдали слышен шум моторов: комбайнеры перед вечерней росой последний гон делают. Как у них там дела?

Картаузов лучше всех работает, но он еще и народный контролер и хорошо знает, что хлеб на ниве, хоть и отменно уродившийся, это еще не хлеб. Вот когда он окажется в закромах, тогда совесть земледельца будет чиста — можно уверенно сказать: хлеб выращен и сохранен. А сейчас нет-нет, да и проскользнет тревожная мысль — как там работают его товарищи? Все ли правила выполняют, чтобы наглухо закрыть дорогу потерям, чтобы качественно убрать и сохранить урожай. До колоска, до зернышка.

Леонид Михайлович медленно идет вдоль еще не тронутой комбайнами пшеницы к тем загонкам, которые уже скошены и обмолочены. Берет в руки солому, мнет в ладонях, пальцами прощупывает колоски — не осталось ли там зерен?

Народный контролер, успокоенный, идет все дальше и дальше, в глубь пшеничного поля. Все время будто машинально наклоняется к валкам соломы и проверяет качество уборки. Далеко ушел от края загонки. Взял очередную жменю соломы и почувствовал, что случилась беда. Именно беда. Другого слова Картаузов и потом не подобрал и все время повторял: «Беда...» Из рук что-то посыпалось и забарабанило по носкам его твердых ботинок. Картаузов даже не глянул вниз — узнать, что там бьется по его ногам, а растерянно прошептал: «Как же это?.. Что же это такое?.. Кто рассыпает хлеб по земле?» Глянуть под ноги просто страшился — неужто зерно?.. Хотя умом понимал, что это именно оно сыплется из соломы и, как дождь по крыше, барабанит по его ботинкам...

Картаузов оглянулся и увидел удалявшийся к горизонту комбайн. Надо было спасать хлеб, который еще лежал в валках. Их теперь второпях пережевывал этот комбайн, и зерно вместо бункера шло в солому и на землю. Картаузовым овладел гнев. Догнать!.. Во что бы то ни стало догнать подлеца! Остановить!.. Убереечь хлеб, что сейчас идет в солому... Попробуй догони — зерно потому и идет в солому, что комбайнер на большей, чем положено, скорости гонит комбайн. Расчет преступно прост: лишь бы гектары перелопатить да длинный рубль за них получить. До хлеба ему нет дела: чужой это человек. Приехал в Казахстан деньгу зашибать...

Леонид Михайлович споткнулся и упал. Встать сразу не мог. Что-то случилось с его ногами. То ли какая-то пружка оборвалась, то ли винт выскочил из какой-то детали. Ноги... Если бы они были, как у всех людей... Длина гона — пять километров шестьсот метров... Леонид Михайлович точно знает, сам весной засеивал поле, сотни раз исколесив его из конца в конец... Ничего, не такие расстояния одолевал... Картаузов догнал комбайн. Поднял сжатые кулаки, начал кричать, требуя остановиться. Но комбайнер, усмехаясь,

продолжал гнать машину. Тогда Картаузов забежал впереди грохочущего комбайна и упал. Именно упал. На протезах лечь труднее, чем просто упасть на землю.

Комбайн остановился. С мостика сорвался комбайнер и заорал: — Ты что, сдурел? Или жить надоело?..

Картаузов быстро, словно ветром его сдунуло, вскочил, впился глазами в лицо бракодела, не сказал, а выдохнул:

— Паразит...

Механизаторы уже знают — зряшная причина не выведет Картаузова из равновесия. Наверное, произошло что-то невероятное. Всегда веселый, отзывчивый и легкий на помощь всем, кому она требуется, Леонид Михайлович стал совестью не только своей тракторно-полеводческой бригады, но и всего села Приозерного, где расположены центральное отделение и контора совхоза «Родина». И — судьей, казалось бы, самых неразрешимых житейских вопросов.

В течение двадцати лет, работая трактористом на гусеничных тракторах, Картаузов неизменно выходил победителем в социалистическом соревновании. В первые годы вообще никто не знал, что у него нет ног. А когда узнали... Раскрыли люди от удивления глаза — это каким же мужеством должен обладать человек, чтобы больше всех и лучше всех абсолютно здоровых парней работать!.. И какую преданность иметь хлебоборбскому делу, считая главным своим занятием на белом свете — выращивать хлеб и кормить им людей...

В восемь мальчишеских лет партизанский разведчик... В одиннадцать лет — тяжелое ранение. Ампутация обеих ног... Госпитали, детдома. Что было делать ребенку, ставшему инвалидом Отечественной войны в одиннадцать лет? Но нашелся в большом, израненном сердце Ленинграда уголок и для его сына — Леонида Картаузова. Он окончил ПТУ и получил специальность сапожника. Днем работал на обувной фабрике, вечером учился в средней школе да еще и успевал участвовать в художественной самодеятельности... 1954 год. Призыв партии: молодежь, на целину! Не мог оставаться в стороне от этого всенародного подвига двадцатилетний Картаузов. На целину!.. Всех врачей обошел благополучно. А инвалидность свою скрыл. Получил комсомольскую путевку. Но уже в вагоне кто-то слух пустил, что инвалида по оплошности прихватили с собой в тяжелую дорогу. Целина — не для безногого. Нет ему там дела... Обманным путем пролез в вагон и занял чужую полку... Картаузов лежал на верхней полке и прислушивался к разговору внизу. Неужто высадят?.. От этой мысли холодный пот выступал на лбу. Значит, смириться с инвалидностью и мечту свою своими собствен-

ными руками прикончить?.. Он рывком поднялся на полке, свесил ноги и прыгнул вниз, на пол вагона. Прыгнул ловко, с таким шиком. Попутчики с любопытством уставились на него. Картаузов прищурил серые глаза, не понять, что в них, злость или веселость, обратился к примолкнувшим ребятам: «Ну, что, братва, пойдем покурим в тамбур?...» Братва смотрит на постукивающие по портсигару пальцы Картаузова, молча тянется за куревом и вслед за Леонидом направляется в тамбур. Подчеркнуто легкой походкой идет Картаузов. Сосут папиросы, кашляют от дыма и смущения: «Черт его знает, может быть, у него и есть ноги?.. Конечно, есть! Кто-то от нечего делать сбrehнул, а мы, дураки, поверили... Давай, Картаузов, еще по одной выкурим и пойдем в купе. Девчата заждались... И спой нам, Картаузов, «Вьется в тесной печурке огонь...». Здорово это у тебя получается...» А когда приехали на целину и выгрузились на сорокоградусном морозе в степи и не было ни воды, ни соли, только мерзлый хлеб в рюкзаках, Леонид Картаузов первым крикнул притихшим целинникам: «Братва, расчищай снег, давай ставить палатки!..» И когда тракторные сани с посевным зерном провалились в колдобине, Картаузов первым кинулся в ледяную воду, начал вытаскивать мешки и переносить их на сухое место. Может быть, ему не холодно? Ведь ног-то нету Ног нет — правда. По колени. Но есть коленные суставы, а он бродил в воде выше колен... Вот тогда ребята называли Картаузова «железным человеком» и молчаливо признали его совестью своей... А ведь на целину приехал цвет советской молодежи. Она, как хорошо сказал первый секретарь Целиноградского обкома КП Казахстана Николай Ефимович Кручина, дважды показала образцы патриотизма: первый раз, что приехала на целину, и второй — что не уехала с целины. И первым среди выдержавших испытание целины был Картаузов. Как он учился на тракториста и как вот уже двадцать лет работает на гусеничных тракторах, где, в шутку заметил один приятель Картаузова, перегрузки в два раза больше, чем у космонавтов,— эта тема особая и неисчерпаемая...

...К притихшему комбайну стягивались люди. Подошел управляющий отделением Тюваев. Наклонился к стерне, поднял солому, хмуро глядел, как тоненькой струйкой падает вместе с половой на землю зерно...

Когда пришли на полевой стан, вечерние сумерки сгустились. В ленинском уголке царил полумрак. Света никто не зажигал. Уселись на скамейках. Тюваев спросил:

— Что будем делать?

Тяжелые, как кара за преступление, реплики комбайнеров:

— Выгнать.

— Отдать под суд.

Под этими фразами плечи Сидоркина, как от удара, вздрагивали и опускались. Но вот кто-то сказал:

— Детям написать, как батя помогает целинникам — зерно губит.

Сидоркин вскинул голову, и белки его глаз заметались в полумраке комнаты:

— Что вы, братцы... Все, что угодно, только не детям...

— Совесть шевельнулась...

— Переморгает и опять полезет из ряда.

— Судить его!

В темноте вспыхивали и гасли спички.

— Братцы, простите...

— Пусть говорит Картаузов. Как скажет, так и порешим.

— Говори, Картаузов,— управляющий тронул за плечо Леонида Михайловича.

А Картаузов задумался. Так крепко, что не слышал обращенных к нему слов. Перед его глазами стоял отец — худой, бледный, еле державшийся на ногах... Голодный отец... Умер от истощения ленинградец слесарь-лекальщик Михаил Картаузов в суровую блокадную зиму сорок второго... Что может быть бессильнее и мучительнее, чем медленная смерть мужчины от голода... Был бы хлеб... Хоть бы один кусочек хлеба — может быть, и остался бы живым Михаил Картаузов... Дорогой ценой заплатил ленинградский рабочий, чтобы жили мы...

Картаузов пристально смотрит на Сидоркина: ты этот кусок хлеба бросил на землю. Ты!.. И в то же время ты — крохобор. За это хотел получить всего-навсего лишний рубль... Когда ты будешь его тратить — может быть, вспомнишь, как он тебе достался? Какой ценой его добыл? Что ты скажешь своему малолетнему сынишке, когда он будет заглядывать в глаза и спрашивать, какой на целине хлеб и как ты здорово работал, папа, если привез домой кучу рублей? О нечестивом поступке не заикнешься?.. «Братцы, простите». Встречались такие. Знаю, будешь каяться, бить себя в грудь... Но, выпросив прощение, не сотворишь ли завтра очередное темное дело?

— Говори, Картаузов,— повторил управляющий.

Картаузов встал, тем самым как бы подчеркнул важность принятого решения, которое он должен сообщить своим товарищам:

— Если не возражаете, то я Сидоркина беру на поруки... В одну загонку с собою...

Кажется, в красном уголке стало еще тише. Сидоркин неловко поднялся, опрокинув табуретку. Она, загремев, полетела к столу. Сидоркин остановился, озираясь по сторонам, потом угнул голову и прислонился к притолоке.

— Да зажгите вы этот чертов свет! — кто-то с видимым облегчением выругался.

Щелкнул выключатель.

А на пороге в это время появилась Маша Кирсанова, повар:

— Хватит вам!.. Раззаседались. Ужин стынет. Готовила-готовила...

А ну, марш за столы! Отощали небось.

— Идем, — все как по команде поднялись и окружили Машу.

— Так-то... С вами строго надо, — смеется красивая Маша.

Картаузову после всего пережитого есть не хотелось. Но он вместе со всеми вышел во двор. Вдохнул вечернего росистого воздуха и кинул сигарку в пожарную бочку с водой.

— Меткий, — кто-то сказал в темноте.

Картаузов не отозвался. Пошел к стоянке мотоциклов. Нащупал свой. Начал заводить.

— Ты куда, Леонид Михайлович?

— Обегу посты и вернусь.

— А ужин?

— Вернусь, тогда и поем.

Картаузов завел мотоцикл, и вскоре мотор стрекотал в стороне бригадного тока. Перед въездом на его территорию Леонид Михайлович заглушил мотор и неожиданно для самого себя почувствовал облегчение. Наверное, очень уж надоедает трескотня механизмов и порой хочется тишины. Покоя. После рабочего дня одни направились на отдых в село Приозерное, другие — на полевой стан. На току, к которому подходил Картаузов, оставался только сторож дед Иван, два его верных друга — Серко и Белка, и... тишина. Покойная и глубокая, как бездонная темнота казахстанского неба. На нем горят звезды. Яркие и теплые, будто знойное августовское солнце нагревало их весь долгий летний день.

Картаузов тихонько подошел к буртам зерна, опустился на пшеничную солому, прокаленную солнцем и еще не потерявшую хлебного запаха, и молча наблюдал за стариком.

Дед, подбив под бока соломы, кряхтя, улегся у основания вороха с намолоченным зерном. Собаки пристроились рядом.

— Слышь, — проворчал дед, обращаясь к ним, — сидите и не шуршите под ухом. Поняли?

Собаки виновато отвели глаза в сторону, неуклюже потоптались

и затихли. Они прожили вместе долгую жизнь и хорошо научились понимать друг друга.

— Теперь можно и прикимарить,— вздохнул дед.

Он, покряхтывая, подбил под бока солому, и вскоре послышалось легкое бульканье в его кадыкастом горле.

Картаузов подошел вплотную к деду и начал его тормошить. Собаки приветливо махали хвостами и тыкались мордами в ноги. Дед проснулся, приподнялся на локтях:

— А, что?.. Кто тут?.. Ты чего, Ленька, полуночничаешь, умору тебе нет?.. А-а. Народный контроль. Видишь, охрана соответствует — так что будь покоен.

Чуть не вспылил Картаузов. Вовремя сдержался — ну, чего ты со старого человека возьмешь. Только обидишь зазря. Надо просто к нему в помощь выделить двух комсомольцев — и будет порядок. А с тем, кто одного деда оставил сторожить такой громадный ток, надо как следует потолковать...

Леснид Михайлович съездил в штаб комсомольского оперативного отряда, разыскал двух свободных от дежурства парней и привез их на ток, в помощь деду Ивану.

Вернулся на полевой стан поздней ночью. Маша не уходила из столовой, ждала Картаузова. Да и поздняя гостья заглянула — председатель Целиноградского районного народного суда Ольга Андреевна Мухамедина,— надо было ее накормить.

Ольга Андреевна встала из-за стола и подала руку Леониду Михайловичу:

— Не спится?

— Вашей сестре тоже?

— Чем можем помогаем вашему брату...

Пока Картаузов ужинал, Ольга Андреевна рассказывала, где была, что видела, какие упущения наблюдала на хлебной ниве. Может быть, ее наблюдения пригодятся народному контролеру Картаузову, чтобы вовремя устранить недостатки. А к тому же Леонид Михайлович депутат Верховного Совета СССР, хочется с ним поделиться кое-какими мыслями. Судья привезла план передач лекций и бесед по радио и телевидению. Надо, чтобы Картаузов помог собрать механизаторов для их прослушивания.

— Так вы говорите, что с учетом зерна плохо дела обстоят? — спросил Картаузов и подумал, что он этот вопрос как-то упустил из виду.

— Да. В некоторых совхозах. В частности в «Красноярском». Между шоферами и комбайнерами не ведутся регистрационные карточки. В лучшем случае, например в «Софиевском» совхозе, ком-

байнер и шофер ставили палочки у себя в блокнотах за каждую груженую автомашину. В пятидневку раз сверяли... Я провела беседы в бригадах, среди комбайнеров и шоферов.

— За неимением лучшего учета, — отозвался Картаузов, — конечно, регистрационные карточки обязательно нужно вести. Но с другой стороны, Ольга Андреевна, сколько времени они отнимают! Комбайнер должен остановить комбайн, спуститься с мостика, сделать запись, расписаться, снова — на мостик, и в путь... Может быть, и преувеличиваю, но минуты три-четыре уйдет на одну эту операцию. А за рабочий день — час вполне потеряет. За всю уборку — день... А все комбайнеры района области сколько драгоценного времени потеряют!.. Нет, надо искать другую форму учета в цепочке. комбайн — автомашина — ток.

— Да идите вы спать, — сказала Маша. — Уже заря занимается.

— Ну тогда не к чему и ложиться, — пошутил Картаузов.

— А ну, марш в общежитие! — приказала Маша. — Иди, иди, — Маша полегоньку начала подталкивать Картаузова в спину и наконец выпроводила его за дверь — Как маленький, с ним без строгости нельзя, — улыбнулась она Ольге Андреевне. — А мы с вами подремлем в моей комнатке. Согласны?

Ольга Андреевна долго лежала с открытыми глазами. Перед ней проплывали события дня. Профилактические беседы провела в первой, второй и пятой бригадах совхоза «Октябрь». Во второй и четвертой «Красноярского». Вечером председательствовала на выездном открытом заседании народного суда. Дело о краже зерна в совхозе «Заря». Шофер Шевель похитил две машины зерна. Преступная беспечность со стороны заведующего током: «Я взвесил хлеб, расписался и пошел в будку — не думал что украдет». А Шевель вместо зерносклада — к себе домой... Может быть, это не халатность заведующего током, а доверие?.. Вера человеку? Рассчитывал на честность Шевеля? А если это замаскированная халатность? Мол, я уйду в будку, а ты куда хочешь вези зерно?.. Вот что уж совсем непонятно, так это позиция хозяйственников и парторганизации совхоза. Они прислали в суд отличную характеристику на Шевеля, что он такой хороший работник, хоть на Доску почета его выставляй. Пришлось частное определение вынести по этому поводу, а Шевелю — три года лишения свободы...

Сон не идет. Думы, думы... Быстро время мчится. А жизнь? Кажется, совсем недавно беззаботной девчушкой бегала по луговой траве в приднепровских заводях. Потом неожиданно-негаданно повстречался лейтенант Василий Мухамединов. Казах. Глаза черные, пылающие. Ах, и красивый парень был. Увез в Казахстан. Здесь

окончила университет. Здесь родила трех сыновей... В партию приняли. Депутатом райсовета избрали... Декан факультета правовых знаний народного университета. Председатель комиссии по социалистической законности. В 1971 году по собственной инициативе организовала юридическую консультацию в семи совхозах и при райсельхозуправлении. Она была признана лучшей в республике за прошлый год.

Во дворе загромыхали комбайны. Ольга Андреевна так и не заснула в эту ночь. Встала, оделась. Надо с утра пораньше о многом побеседовать с механизаторами, чтобы предупредить возможные правонарушения на уборке хлеба. И еще раз повидаться с Картаузовым. Вышла во двор, зябко поеживаясь от утренней прохлады. Пока дошла до загонки, где стоит комбайн Картаузова, намочила в росе ноги. Рядом стоит второй комбайн. Чей же это? А-а, Сидоркина. Он нетерпеливо поглядывал в сторону Картаузова — чего не начинаешь?.. Рано. Роса. Зерно будет оставаться в колосьях. Чисто не вымолотишь...

Подбежал комбайнер Галигузов. Маленький. Юркий. Перепачканный машинным маслом. Сердито жестикулирует.

— Что случилось, толком и коротко объясни,— останавливает его Картаузов.

— Коротко?.. Никто не хочет мне помочь, говорят, надо зарабатывать, пока горячая пора.

— Правильно говорят,— отозвался Сидоркин.

Галигузов сверкнул глазами в его сторону.

— Туши фонари,— улыбнулся Картаузов,— и быстрее говори, что с твоим комбайном.

— Мотор барахлит. Не пойму, в чем дело.

— Пошли.

— Тогда сдвинь свой комбайн, я вперед выеду,— предложил Сидоркин Картаузову.— Пока ты там прокопаешься, я гон сделаю.

— Пойдем вместе, поможем товарищу,— предложил ему Леонид Михайлович.

— А деньги зарабатывать мне будет твой товарищ?

— А мне кто будет зарабатывать?

— Так ты того...

— Договаривай.

— С чудинкой, одним словом. Всем помогаешь, а у самого ни черта ни в поле, ни дома.

— Вон мое поле,— Картаузов повел рукой в сторону пшеницы.— А дома три сына и дочь. И всего вдоволь и им, и тем, кто заходит

в мой дом... Пойми, что хлеб этот не только мой или твой. Он общий. Всем людям нужен.

Картаузов зашагал к комбайну Галигузова, а Сидоркин, не двигаясь с места, отвернулся и иронически хмыкнул, мол, нашел дурака кому-то помогать. Тут надо рвать, рвать только для себя...

Ольга Андреевна наблюдала, как комбайны вошли в загонку и в золотой пыли поплыли над пшеницей. Потом, когда выгружали из бункеров зерно прямо в степи, на специально подготовленной площадке, подошла к Картаузову.

Постояли молча. Янтарный ворох пшеницы рос прямо на глазах. Он словно магнитом притягивал Леонида Михайловича. Картаузов наклонился и набрал полную пригоршню, задумчиво пропуская зерно сквозь загрубелые от работы руки. В желтых рубцах пальцы становятся удивительно чувствительными, и зернинки, убегая, щеко-чут ладони. Из них золотистый ручеек течет и, сливаясь с мыслями хлебороба, оставляет в сердце грустинку. Хлеб! Сколько бессонных ночей вобрал он в себя!.. А теперь вызревший, тяжеловесный хлеб золотистым потоком уходит в закрома. Чтоб могучей становилась Родина. Чтоб набирал от хлеба силу и мал и велик человек.

**ЦЕЛИНОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ЦЕЛИНОГРАДСКИЙ РАЙОН**

Рис. Г. МЕТЧЕНКО.

СТРОГО СОБЛЮДАТЬ ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ

призывает наладчик Орловского завода приборов,
Герой Социалистического Труда
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ РАЗЖИВКИН

Река должна быть чистой

*БЕСЕДА
О ПРОФЕССИИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ*

собеседник

**что может
коллектив**

А. РАЗЖИВКИН,
наладчик Орловского завода
приборов, Герой Социалистиче-
ского Труда

БЛЮСТИ ДИСЦИПЛИНУ ТРУДА

«Ни один рабочий день, ни один рабочий час не должны пропадать впустую», — сказал Л. И. Брежнев на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа в июне нынешнего года.

Для выполнения заданий пятилетнего плана необходимо мобилизовать все силы, улучшить руководство хозяйством, повысить дисциплину и организованность.

Сейчас мы тоже думаем над тем, как повысить производительность труда, улучшить качество выпускаемой продукции, сократить непроизводительные расходы и сделать каждое хозяйство, производство более прибыльным, рентабельным и экономичным. Выполнение этих задач зависит от нас самих, от нашего отношения к труду, четкого исполнения своих прямых обязанностей, строгого соблюдения каждым рабочим трудовой дисциплины. Но не каждый еще честно и добросовестно трудится на своем рабочем месте. Есть у нас среди рабочих и пьяницы, и прогульщики, и другие дезорганизаторы производства. Встречаются и такие: на работу придут вовремя и со звоном уйдут. Но как они работают! Посмотришь — и обида берет. Лишь бы положенное время отбыть. Не чувствуют себя частицей коллектива, не думают о нем, о своем производстве. И хоть мало таких, например, у нас на заводе, все равно на общих результатах работы их, с позволения сказать, «труд» сказывается заметно. И тут, конечно, надо применять к нерадивым все предусмотренные законом меры. А теперь о других причинах, порождающих иной раз нарушения трудовой дисциплины.

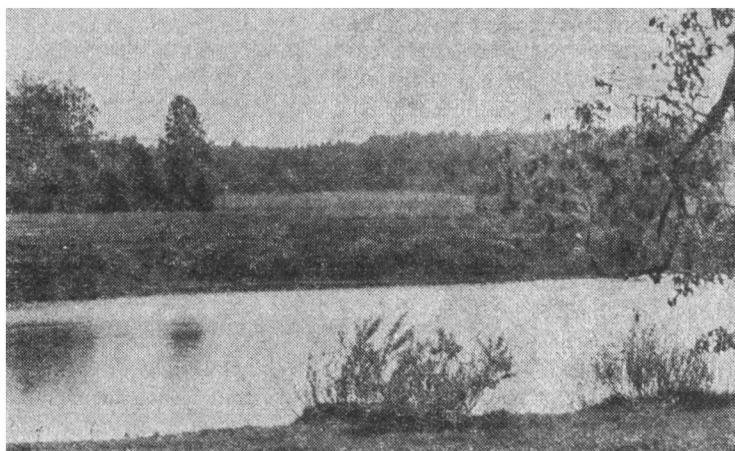
Узнали однажды ребята из нашей бригады, что сантехники стали почему-то душ выключать как раз в то время, когда мы работу кончаем. Прикинули: надо раньше кончать работу. Взяли и ушли из цеха за полчаса до конца рабочего дня. Ведь не пойдешь по городу грязным. А за полчаса золотого (в полном смысле этого слова) рабочего времени, сколько, продукции недодало производство! Казалось бы, душ и сам процесс производства продукции — какая отдаленная связь между ними. И тем не менее...

Одно время в районе нашего завода плохо работал городской транспорт. Вторую смену буквально за час до окончания работы начинало лихорадить — люди нервничали, под разными предлогами стремились уйти с работы пораньше. Иначе их ждали либо многокилометровые пешие переходы домой, либо «взятие приступом» (я не преувеличиваю) автобусов.

Тщательно изучив и обсудив этот вопрос на заводе, мы решили заказывать автобусы. Утвердили основные маршруты и рабочих стали после смены развозить по этим направлениям. Преждевременные уходы прекратились. Вот и получается, что дисциплина труда зависит от разных, порой даже неприметных на первый раз и будто бы посторонних обстоятельств. Конечно, обо всем в одном письме не скажешь. А потому считаю, что будет полезным обсудить проблему укрепления дисциплины труда с разных точек зрения: морально-правовой и социально-правовой. Ведь наверняка еще не все возможности в этом важнейшем государственном деле исчерпаны.

ПИСЬМО
ПОЗВАЛО
В ДОРОГУ

БЫЛА РЕЧКА СОСНА

Уважаемая редакция! Пишу вам потому, что не могу больше видеть, как на глазах гибнет наша речка Сосна. Именно гибнет, поскольку вот уже несколько лет подряд Плещеевский крахмало-паточный завод сбрасывает в нее ежесуточно десятки кубометров неочищенных сточных вод. В определенные периоды, когда сброс, видимо, достигал максимума, в речке гибла рыба, вода становилась не пригодной даже для питья животных.

Кроме того, наша Сосна стала мелеть. Нужно как-то спасти речку. У нас же пока ничего не делается. Но ведь существует закон об охране природы. Как быть, если он нарушается?..

**СЕЛО ЛУКОВЕЦ,
МАЛОАРХАНГЕЛЬСКИЙ РАЙОН,
ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ**

**Н. ТИМАКОВ,
учитель**

То целиком укрытая трепетными ветками плакучих ив, то без единого кустика на песчаных берегах, Сосна протянулась на сотни километров по Орловской и Липецкой областям. Напоив окрестные села и деревни, уставшая Сосна, как работница после тяжелого

трудового дня, медленно впадает в Дон. Природа в этих местах необычайно красива и славится неповторимыми русскими пейзажами, которые так любовно воспел И. С. Тургенев.

Дорога, по которой пришлось мне ехать из районного центра в село Луковец, к автору письма, шла как раз мимо Плещеевского крахмального завода. Остановили «газик» на берегу Сосны, в том месте, где завод перегородил ее хворостяной плотиной. Из образовавшегося озера завод качает чистую воду для производственных и бытовых нужд. По другую сторону плотины вода совсем другая — мутная, с серовато-желтым оттенком, по поверхности плавают клочки грязноватой пены. В воздухе стоит тяжелый, кислый запах разложившихся органических веществ. Причину такой разницы замечаешь не сразу: на противоположном берегу речки, в непроходимых зарослях ивняка, лопухов и крапивы, течет небольшой ручей. Нет, это не родниковый приток Сосны. Желтая, вонючая жидкость как бы украдкой торопится слиться с прозрачными струями Сосны...

Директора Плещеевского крахмального завода Владимира Ефимовича Галушкина этот желтый ручей, похоже, совсем не беспокоит.

— Завод сбрасывает совершенно безвредные для речной флоры и фауны отходы крахмального производства, — говорит он. — Больше того, я считаю эти отходы кормом для рыбы...

А что же думают по этому поводу природоохранные органы области? Оказывается, что Орловская областная санэпидстанция и Орловский участок Западной бассейновой инспекции, напротив, считают, что сброс неочищенных сточных вод крахмальными заводами уже приводил к массовым отравлениям рыбы. И как явствует из полутора десятка актов, составленных этими же организациями, «на плещеевском заводе очистка сточных вод отсутствует, за исключением частичного осветления сточных вод с помощью уловителя крахмала. Сточные воды на выпуске имеют низкую прозрачность — загрязнены органическими и неорганическими веществами».

Требования санэпидстанции и инспекции рыбоохраны «прекратить сброс неочищенных вод в Сосну и в кратчайшие сроки ввести в строй очистные сооружения завода» не производят на товарища Галушкина никакого впечатления — он по-прежнему доказывает, что вреда от сточных вод плещеевского завода нет.

Несколько раз (в 1968, 1970, 1973 и 1974 годах) заводу устанавливали сроки пуска этих сооружений. В разных организациях по этому делу заведены десятки папок, в переписку втянуты десятки организаций, граждан и администраторов самых разных рангов.

Конечно, было бы необъективным сказать, что воз и ныне там. Отнюдь. Строительство очистных сооружений на плещеевском заводе хотя и медленно (с 1970 года), но идет. Строят плещеевцы свою систему очистки хозяйственным способом, не имея никакого опыта и навыков в сооружении подобных объектов. Мало того, строят по чертежам, изготовленным не проектной организацией, а просто сотрудниками Казачьего производственного объединения «Росглавпатоки» (куда входит и плещеевский завод).

Не потому ли прорвало сразу в нескольких местах только что

проложенный к полям фильтрации трубопровод? В Плещееве я не получил ответа и на главный вопрос: почему все-таки после пятилетнего периода убеждений и даже штрафов реку продолжают загрязнять?

Все разговоры сводились к одному и тому же: сначала не было средств на строительство, потом не было проекта, еще не получили оборудование... А пока Сосна медленно превращалась из светлой струйной веселой речки в мутноватый и дурно пахнущий ручей. Именно ручей, поскольку из-за бесхозяйственного отношения к ее водным ресурсам она стала еще и катастрофически мелеть.

Раньше, когда Сосна была единственным источником воды для близлежащих селений, ее уровень местные жители регулировали мельничными плотинами. Их было тогда на Сосне около тридцати. Даже в самые засушливые годы воды хватало на все окрестности. Шло время. Мельницы стали электрическими. Плотины же старели, старели и постепенно разрушались совсем. Некоторое время хозяйствам хватало и той небольшой воды, что оставалась у Сосны. Теперь же, когда сельскохозяйственное производство прочно становится на промышленную основу, колхозам и совхозам ее будет явно не хватать. Артезианская же вода значительно дороже речной. Поэтому взоры хозяйственников все чаще обращаются к Сосне. Но обойденная заботой людей, Сосна сейчас помочь им не в состоянии: у самой воды хватает только-только выжить, дойти до родного Дона. Правда, пару лет назад три неплохие плотины все же построили на Сосне. Их авторы — «водяные» — потомственные орловские мастера, мельники: М. С. Кононов и М. С. Лебедев. Но на этом дело и закончилось. А жаль. Многолетний опыт этих умельцев при должном внимании мог бы принести немалую пользу родной природе. Вообще-то идея восстановления системы плотин на Сосне, как мне сказали в Луковецком сельсовете, обсуждалась на Орловщине давно. Обидно лишь, что весь смысл обсуждения сводится к одному: кому их строить? А ведь предмета для спора здесь, по сути дела, нет и быть не должно — рационально использовать воду рек, охранять ее от загрязнения и истощения по закону обязаны все организации и граждане нашей страны. Да и капитальные вложения в это дело, совершенно очевидно, будут мизерными. И если сегодня не прислушаться к таким тревожным сигналам, завтра Сосна исчезнет как источник хозяйственного водоснабжения и одновременно нарушится режим почвенной влаги вблизи ее русла.

Стало быть, всем заинтересованным организациям и хозяйствам нужно объединить усилия в борьбе за чистоту и полноводность Сосны, чтобы обеспечить себя водой и сохранить неповторимую природу своего края будущим поколениям.

В 1973 году тридцать девять предприятий Орловской области не выполнили плана строительства очистных сооружений в среднем на 20 процентов! А это значит, что сотни тонн вредных сточных вод попадали в Оку, Сосну и другие реки Орловщины. В этом году после широкого «наступления» органов рыбной и водной охраны и санэпидстанции на многих предприятиях области очистные сооружения были введены в строй. Там же, где строительство продолжается, повсеместно приняты временные меры по максимальной очистке и обезвреживанию стоков.

Среди предприятий, показывающих пример образцового отношения к родной природе, выделяется Орловский часовой завод, сбросы которого несколько лет тому назад могли катастрофически повлиять на состояние реки Оки. Понимание администрацией сложившейся ситуации повлекло за собой срочные и энергичные меры: был заказан проект, получены средства, оборудование, материалы, и вскоре первоклассные очистные сооружения заработали на полную мощность. Теперь завод возвращает реке совершенно чистую воду. Так, чувствуя ответственность за будущее своей земли, часовщики теперь скрупулезно исполняют все требования закона об охране природы.

Долго ли будет ждать такого же отношения к себе речка Сосна? И сколько еще люди, ответственные за это, будут нарушать требования закона?..

ОРЕЛ — МОСКВА

А. ТЮЛЬПИН

ПРОФЕССИЯ — СЛЕДОВАТЕЛЬ

В редакцию приходит много писем от читателей с просьбой рассказать о работе следователей органов внутренних дел, о том, в каких учебных заведениях их готовят.

О многогранности и сложности следственной работы ведут беседу начальник Следственного управления МВД СССР генерал-майор милиции **С. В. Мурашов** и журналист **Б. С. Костин**.

— Сергей Васильевич, расскажите прежде всего о тех качествах, которыми должен обладать следователь.

— Не ошибусь, если скажу, что ни одна юридическая профессия не требует такого сочетания знаний и жизненного опыта, как профессия следователя. Острота наблюдения, проницательность, неутомимость — качества, необходимые для поиска, должны сочетаться со зрелостью ума, выдержкой, терпением и особенно с объективностью.

Следственный аппарат органов внутренних дел расследует сложные и трудоемкие дела о хищениях государственного и общественного имущества, в том числе в особо крупных размерах, тяжких те-

лесных повреждениях, кражах, зломном хулиганстве, автодорожных происшествиях и некоторых других преступлениях. Эта работа немнслима без постоянного совершенствования деятельности следователей в целях полного и быстрого раскрытия каждого преступления, без внедрения специализации в расследовании наиболее сложных категорий дел, широкого использования научно-технических средств и методов, строжайшего соблюдения законности и всемерного расширения связей с общественностью.

Кому же под силу работа следователя? Начну с примеров...

Группа следователей во главе с заместителем начальника следственного отдела УВД Калининградского облнсполкома А. Бедановым успешно расследовала дело о хищениях и взяточничестве в системе горподоовошторга, вернув государству более 70 тысяч рублей похищенных денег.

Орденом Трудового Красного Знамени награжден старший следователь органов внутренних дел Донецка И. Гуменюк. Что способствует успеху в его работе? Гуменюк отличается высокой принципиальностью, глубокими и разносторонними знаниями. Он настойчив не только в разоблачении преступников, но и стремится по каждому уголовному делу выявить причины и условия, которые способствовали совершению преступления, не оставляет без внимания попустительство. Так, расследуя дело о хищениях листового железа на предприятиях города, Гуменюк внес 18 представлений с конкретными предложениями об устранении условий, способствовавших совершению хищений.

Говоря об этих людях, хочется сказать и об их страстной влюбленности в свою профессию.

Профессор А. Р. Ратинов, посвятивший многие годы изучению психологии следователя, в учебном пособии писал:

«Следственная работа связана с трудностями, которые несвойственны другим видам деятельности. Но если следственная работа столь трудна, сложна, ответственна и чревата массой неприятностей, то, спрашивается, что привлекает к ней и долгие годы удерживает на этой работе, что рождает такое количество энтузиастов, влюбленных в свое дело, отдающих ему все свое время, силы, способности, всего себя?»

И сам же ученый отвечает: «Немного человеческих занятий представляют такой многосторонний, высокий и захватывающий интерес. Перед следователем проходят и разворачиваются все формы человеческой природы, он сталкивается с наиболее выпуклыми и резкими явлениями социальной жизни. Общественная польза, благородство профессии, острота борьбы, последовательный поиск, тор-

жество справедливости, творчество, наука, искусство — трудно даже приблизительно очертить все привлекательные черты следственной работы. Каждая из них, даже отдельно взятая, стоит того, чтобы посвятить себя этому делу».

— Теперь расскажите, пожалуйста, какие высшие учебные заведения страны готовят следователей для МВД.

— Прежде всего это Высшая следственная школа МВД СССР в Волгограде. Ее выпускников вы можете встретить во всех уголках нашей страны.

Несколько лет назад одна из редакций Центрального телевидения подготовила передачу об этой школе. Тогда телезрители видели на экранах симпатичного юношу, комсомольца Владимира Чернышова. Он был слушателем первого курса и рассказывал о своей мечте стать следователем.

По окончании школы Владимир Чернышов работал в Москве, на знаменитой Петровке, 38. Молодой следователь зарекомендовал себя энергичным работником. При расследовании уголовных дел проявлял творческую инициативу, а когда требовали обстоятельства, стремился глубже познать сферу деятельности предприятия или организации, где развивались события. В частности, расследуя дело о хищении, ознакомился с технологическим процессом предприятия, что позволило ему со знанием дела успешно раскрыть злоупотребления должностных лиц.

В следственный аппарат МВД приходит немало выпускников из юридических вузов. Они становятся отличными специалистами. Конечно, работа следователя в органах внутренних дел имеет свою специфику. Именно поэтому Министерство высшего и среднего специального образования СССР ввело в учебную программу Свердловского, Саратовского и Харьковского юридических институтов для студентов, желающих работать в нашей системе, специальные курсы и семинары.

— Сергей Васильевич, в начале беседы вы сказали, что одним из условий успешной работы следователя является всемерное расширение и совершенствование связей с общественностью. Не могли бы вы подробнее рассказать об этом?

— Сила органов внутренних дел — в связи с населением, поддержке и широкой помощи общественности. А если говорить конкретней, скажу: каждое седьмое преступление мы раскрыли с помощью наших помощников. Приведу пример.

В одном из колхозов Новоукраинского района Кировоградской области преступник похитил из кассы большую сумму денег. Приняв к своему производству уголовное дело об этом тяжком преступлении, следователь пригласил своих общественных помощников и поставил перед ними задачу: собрать сведения, которые можно было бы использовать для розыска преступника. Вскоре следователи они сообщили: в чайной видели неизвестного, который щедро угощал одного из посетителей водкой, а уходя, забыл связку ключей. В связке было сто двадцать шесть ключей. Их передали следователю.

Следователь допросил одного из посетителей чайной, который назвал приметы неизвестного. А один из ключей подошел к сейфу, из которого были похищены деньги. Вскоре задержали и подозреваемого. Общественные помощники недалеко от места происшествия обнаружили шапку преступника, а несколько позже нашли еще более серьезное доказательство — пистолет. Следователь установил, что из пистолета был убит человек. Убийство оставалось нераскрытым долгое время. Арестованный признался в совершении этого убийства и ряда других преступлений.

— Пример, конечно, интересен. Но ведь может быть и так: один следователь имеет помощников, широко привлекает их к раскрытию преступлений, а другой — работает самостоятельно, как говорится, в одиночку.

— Институт общественных помощников следователей сложился у нас не случайно. Закон — статья 128 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик — обязывает следователей широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений.

В системе МВД СССР введена Инструкция об организации работы с общественными помощниками следователя органов внутренних дел. Установлен четкий порядок их подбора и оформления, методика руководства ими и обучения. И главное — в документе дан перечень действий, которые они могут выполнять как под руководством следователя, так и самостоятельно.

Общественные помощники оказывают следователю помощь в проведении отдельных процессуальных действий: обысков, выемок, осмотров, освидетельствований, а также в проверке заявлений и сообщений о преступлениях, розыске преступников и так далее. Сло-

вом, круг их обязанностей весьма широк, и, как показывает практика, польза от их работы весьма ощутимая.

— Скажите, пожалуйста, имеет ли право общественный помощник следователя самостоятельно возбудить уголовное дело и проводить по нему расследование, хотя бы под непосредственным руководством и контролем следователя?

— Нет. Самостоятельное производство процессуальных действий им не разрешается. Мы ценим прежде всего их большую помощь в профилактической работе следственных органов, в предупреждении преступных проявлений. Здесь им предоставляется самостоятельность, но и в этом случае действия каждого помощника должны находиться под постоянным контролем следователя.

В чем конкретно выражаются эти действия? Общественные помощники следователя принимают активное участие в организации и проведении собраний коллективов трудящихся по обсуждению правонарушителей, в сборе необходимой информации для последующей подготовки представлений в соответствующие организации и учреждения о выявленных следствием причинах преступлений и условиях, которые способствовали их совершению.

Общественные помощники следователей с учетом их подготовки и основной специальности проводят большую работу по правовой пропаганде. Они читают лекции и доклады среди населения, используя при необходимости материалы расследованных дел. Следует, пожалуй, особо подчеркнуть роль журналистов в этом деле. В прошлом году в «Комсомольской правде» была опубликована статья «Фирмачи и ротозей», в которой рассказывалось о злоупотреблениях при приеме в вузы. В связи с расследованием этого дела и публикацией материала Министерство высшего и среднего специального образования СССР утвердило новое положение о курсовых экзаменах и зачетах в высших учебных заведениях СССР. Подобные примеры не единичны. Поскольку наша беседа затронула вопросы публикации в печати материалов уголовной хроники, хотел бы обратить внимание и на следующее важное обстоятельство.

На страницах газет и журналов нередко печатаются материалы о преступлениях, которые к моменту публикации не рассмотрены судом по существу. В целях соблюдения предусмотренных законом гарантий прав граждан, думается, не следует давать информацию об уголовных делах до окончательного их разрешения.

При этом не будет нарушаться и требование уголовно-процессуального законодательства о недопустимости разглашения данных предварительного следствия.

— Сергей Васильевич, в своей массе общественные помощники следователей не имеют специальной юридической подготовки. Находит ли их собственная специальность применение в следственной практике?

— Следствие — это такая область юридической деятельности, в орбиту которой вольно или невольно включается множество видов экономических, социальных и других отношений.

В следственном процессе принимают участие в качестве экспертов и специалистов инженеры, работники сельского хозяйства и медицины, науки и даже искусства. Естественно, общественные помощники следователей, обладающие знаниями и опытом в этих сферах, помогают следователям лучше понять вопросы определенной спецификации. Они же оказывают содействие в отборе и изучении различных документов.

Инженеры и техники изучают технологию производства, выявляют факты халатности, бесхозяйственности — все то, что расхищители народного добра используют для своих махинаций. На основании собранных ими данных и материалов уголовного дела следователи готовят представления. Был такой случай...

Общественный помощник следователя • Левобережного РОВД Липецка Мосякова оказала большую помощь следователю Луганской при сборе доказательств по делу о хищении угля на заводе. Хорошо зная бухгалтерию, Мосякова проверила бухгалтерские документы и подготовила часть из них для изъятия. Документы были как раз теми, которые следователи затем с успехом использовали для обвинения расхищителей. А вот другой пример...

В городе Волжском общественные помощники следователей Герасимчук и Бардинкина помогали следователю Симонову в расследовании хищения в крупных размерах в ремонтно-строительном управлении. Не считаясь с личным временем, они проводили выборку по книгам учета работавших в РСУ и установили около ста свидетелей, дополнительно выявив 21 эпизод хищения.

Общественные помощники, помогая следователю, приобретают и определенные юридические навыки. В целях повышения их квалификации с ними регулярно проводятся занятия по изучению уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

— А скажите, пожалуйста, наверное, нередки случаи, когда увлечение переходит в профессию?

— Конечно. В нашем управлении долгое время общественным помощником следователя был студент Московского государствен-

ного университета Киптаев. К делу относился с интересом, добросовестно. Сейчас он следователь следственного отдела МВД на Московской железной дороге. Такой же путь и у бывшего помощника следователя Апелиса. Был он сначала помощником следователя в Октябрьском районном отделе внутренних дел Риги. А сейчас Апелис — штатный сотрудник органов внутренних дел.

В Следственное управление МВД СССР приходит немало писем, в которых молодые люди и даже люди с определенным жизненным опытом спрашивают, как стать следователем. Нам кажется, одним из путей проверки своих способностей к нашей работе может быть участие в качестве общественного помощника следователя. Мы рады принять в свои ряды всех тех, кто добровольно изъявляет желание помогать органам внутренних дел в укреплении социалистического правопорядка и борьбе с преступностью.

**по следам
неопубликованных
писем**

Как «расследовали» кражу

На одной из улиц Ворошиловграда украли мопед. Сигнал об этом поступил в Жовтневый райотдел внутренних дел. Начали искать вора. В поисках принял участие сотрудник милиции Н. Янкин. Он задержал подростка В. Шаповалова, которого сразу обвинил в краже, и доставил в милицию. Там совместно с дежурным по райотделу Ю. Тюнниковым, даже не составив протокола задержания, отправили его в комнату задержанных, где подросток пробыл около суток.

А тем временем Н. Янкин вел «следствие», суть которого свелась к тому, чтобы уговорить мать задержанного подростка выплатить стоимость похищенного мопеда...

Обо всем этом написал в редакцию И. Шаповалов. Указанные в письме факты, как сообщает прокурор Жовтневого района города Ворошиловграда младший советник юстиции И. Плаван, действительно имели место. Ю. Тюнников, исполнявший обязанности дежурного инспектора, из органов милиции уволен. Прокуратурой решается вопрос о привлечении к ответственности других виновных лиц. По факту кражи мопеда ведется расследование.

За подлог и взяточничество

Богдана Идрисовича Айбушева назначили заместителем директора Юрьевоцкого сельскохозяйственного техникума. Должность солидная, а вот образование у него всего лишь среднее техническое. «Надо учиться дальше,— решил Айбушев.— Без высшего образования мне никак нельзя». Сдав вступительные экзамены, он был зачислен на первый курс заочного факультета Горьковского инженерно-строительного института.

«А сейчас я нахожусь в колонии,— пишет Б. Айбушев в редакцию.— Осужден несправедливо. .»

Что же случилось с Б. Айбушевым? Почему ему пришлось из институтской аудитории переселиться в исправительно-трудовую колонию? Ответ на эти вопросы редакция получила от заместителя прокурора Горьковской области старшего советника юстиции тов. Перелыгина. Оказывается, став студентом-заочником, Айбушев не особенно перетруждал себя учебой. На экзаменационные сессии не являлся, контрольные работы не посылал. В результате у него образовалась академическая задолженность за первые три курса. Опасаясь, что его могут исключить, Б. Айбушев изготовил фиктивную академическую справку о том, что он якобы сдал зачеты и экзамены в объеме трех курсов в Ивановском сельскохозяйственном институте, подделал подписи ректора этого института, секретаря, преподавателей и даже институтскую печать. Но декан заочного факультета Горьковского инженерно-строительного института отказался верить этой «справке». Тогда Б. Айбушев решил умиловить его взяткой. Декан сообщил об этом в милицию...

Б. Айбушев осужден народным судом к пяти годам лишения свободы. При определении наказания суд учел, что подсудимый отрицательно характеризовался по последнему месту работы.

Судебная коллегия по уголовным делам Горьковского областного суда приговор по делу Б. Айбушева оставила без изменений.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНКУРС

Василию Костину досталось от деда наследство — большая библиотека по истории русской гравюры и миниатюры. Лет десять он не брал в руки ни одной книги из нее. Пока не пошла мода на старину. Получив недавно отдельную квартиру, озадачился, как же ее поинтересней обставить? И вспомнил о книгах деда — ведь они очень дорогие. Да кроме того, в них полно редких гравюр восемнадцатого века: не только у себя можно повесить, но и продать кое-что. «Мебели подкуплю,— подумал.— Наверняка за них дадут приличных денег, недаром ко мне до сих пор ходят студенты из художественного института. Все что-то срисовывают, выписывают из этих книг. Знают о них даже в отделе культуры райисполкома и краеведческом музее. Библиотеку деда не раз упоминали даже в печати...»

И вскоре Василий уже листал тяжелые фолианты в кожаных переплетах, закладывая страницы с поправившимися ему миниатюрами и вырезал их. Кое-где гравюры от времени поблекли, и он собственноручно отреставрировал их тушью... На новоселье гости были восхищены обстановкой квартиры: везде старинная мебель, бронза, даже магнитофон — и тот вмонтирован в граммофонный ящик. Но больше всего присутствовавших поразили старинные гравюры на стенах: пожелтевшие от времени, в узких лакированных рамках.

— Восемнадцатый век,— с гордостью пояснял Василий.— Да их у меня полно — целое собрание от деда осталось. Желающим могу продать по сходной цене.

— Но ты же разоряешь редчайшую библиотеку, потом ведь ее не соберешь. Для науки — это большой урон,— сказала ему одна из гостей, студентка художественного вуза...

Через неделю после новоселья, едва Василий успел продать несколько миниатюр, к нему пришли представители художественного института и отдела культуры райисполкома.

— Товарищ Костин,— обратился к Василию один из них,— вам сейчас принадлежат редчайшие книги, представляющие большую историческую и культурную ценность для нашего общества. Ваш дед кропотливо собирал и систематизировал эту библиотеку. Им была проведена огромная научная работа. Вы же своим бесхозяйственным отношением можете нанести и уже нанесли продажей миниатюр и их непрофессиональной реставрацией невосполнимый

ущерб этому ценному историческому наследию. И хотя мы знаем, что библиотека принадлежит по завещанию деда вам, мы считаем своим гражданским долгом предупредить вас о недопустимости дальнейшего разбазаривания и порчи книг.

— Это моя собственность,— возмутился Василий,— и я могу делать с библиотекой то, что посчитаю нужным. И ничего вы мне не сделаете..

ОТВЕТ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9

Суд, рассмотрев иск строительной организации «Межколхозстрой» к гражданину Серегину Виталию Николаевичу, в решении указал, что наниматели квартир подлежат выселению с предоставлением другого благоустроенного помещения, если дом, в котором они жили, постановлением компетентного органа передан для пользования государственному учреждению или общественной организации либо предназначен для производственных или общественных надобностей.

Согласно статье 331 Гражданского кодекса РСФСР и аналогичным статьям гражданских кодексов других союзных республик выселение в таких случаях допускается с предоставлением наймодателем благоустроенного жилого помещения в черте данного населенного пункта, в доме капитального типа и размером не менее того, которое ранее занимал выселяемый. Если наниматель занимал отдельную квартиру или более одной комнаты, ему соответственно должна быть предоставлена отдельная квартира или помещение с не меньшим числом комнат.

Серегин с семьей занимал отдельную квартиру, состоящую из двух комнат. Следовательно, строительная организация, выселяя его с семьей из прежнего помещения, должна была предоставить им другую благоустроенную двухкомнатную квартиру.

Из дела видно, что строительная организация предоставила Серегиним двухкомнатную квартиру, не меньшую размером, чем прежняя.

Требования Серегина о предоставлении их семье трехкомнатной квартиры не основаны на законе. Дочь его еще не вышла замуж, и семья Серегиных по-прежнему состоит из трех человек. Предоставляемая квартира удовлетворяет потребность семьи в жилой площади по нормам, установленным законодательством.

Что же касается просьбы Серегиных о предоставлении им квартиры на третьем этаже, то это обстоятельство не может само по себе служить достаточным основанием для отказа от переселения. К тому же, как пояснил представитель истца в судебном заседании, такой возможности у них не имеется: весь третий этаж указанного дома уже заселен жильцами.

При таких обстоятельствах иск строительной организации следует признать обоснованным.

• ЮБИЛЕЙ • БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК

В октябре нынешнего года исполняется пятьдесят лет с той поры, когда народы Узбекистана, Молдавии, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана обрели свою социалистическую государственность.

12 октября 1924 года была образована Молдавская АССР (с 1940 года — союзная ССР);

14 октября — Таджикская АССР (с 1929 года — союзная ССР);

14 октября — Кара-Киргизская автономная область (с 1926 года — Киргизская АССР, с 1936 года — союзная ССР);

27 октября — Туркменская ССР;

27 октября — Узбекская ССР.

Славным датам в истории братских народов, ярко свидетельствующим о торжестве ленинской национальной политики, посвящается ряд материалов этого номера. Статья писателя Э. Сафонова, очерк журналистки Л. Куликовой, снимки фотокорреспондентов А. Годунова, М. Гришунина и В. Зимина рассказывают о сегодняшней действительности братских республик, о людях, стоящих на страже закона и социалистического правопорядка, на страже завоеваний трудящихся.

Солнце над головой маленькое и ослепительное, яростно жгучее. Высокое раскаленное небо отражает желтизну песчаных барханов. Куда ни глянь — песок, песок... Жесткие кустики верблюжьей колючки, серые шары подвижного перекаати-поля и, словно чудо, серебристо-зеленые, прохладные на ощупь, не поддавшиеся зною узкие листья на корявых, перекрученных ветвях одинокого саксаула... Пустыня.

И другое кажется чудом — стрела широкой асфальтовой дороги, властно и неумолимо брошенной через равнину пустыни, прижавшей на всем своем протяжении тупые хребты барханов.

ГОЛОСА В ПЕСКАХ

Это нынешняя Средняя Азия: зыбкие тропы верблюжьих караванов, служившие века, канули в прошлое. И верблюды в пустыне — теперь одиночки. А караванами — машины. Они и привели за собой в пески надежные автомагистрали...

Да мало ли броских примет у сегодняшней советской Средней Азии, отмечающей нынче свой золотой юбилей!

Ночью, утомленный духотой и однообразием затянувшейся поездки по безлюдному пространству, вдруг встряхиваешься от наплывающих на тебя ярких огней. Они быют в глаза, и ты видишь: из зубчатого хаоса барханов, как в сказке, возникает и растет город. Веселые блики электросвета играют на стекле, на сглаженных плоскостях бетона, ребристых конструкциях из металла... В ровном гудении не видимых с улицы агрегатов и в рабочих вздохах мощных насосов улавливается терпкий запах близкой нефти — не застоявшейся в резервуарах, а той самой, свежей, только что высвобожденной из-под спуда спрессованных пластов тяжелой породы...

Рыжий мрак струится и не тает,
Но простор понятней и видней,
Над которым полыхнули стаи
В вечность устремившихся огней...

Как эхо, издалека наплывают стихотворные строчки, услышанные за тридевять земель отсюда, в Москве, но написанные моим товарищем-поэтом именно здесь, в краю, где невозмутимость седых легенд, неподдельная экзотика древних могильников и лучезарных оазисов уживаются с созидательным грохотом небывалыхстроек — с хрипловатыми торопливыми распоряжениями самых земных прорабов и бойкой скороговоркой неунывающих шоферов...

Одному из таких городов или рабочих поселков пять лет, другому — двенадцать, а самому старому среди них — не более четверти века.

Цветные долгополые азиатские халаты затерялись в массе рабочих спецовок, молодежных джинсовых костюмов, и на буром фоне пустыни удивительна, контрастна сверкающая белизна нейлоновых сорочек. В них жарко, но — мода! А может, не мода: везде носят — и мы будем!

Хошгельды, как говорят туркмены, — добро пожаловать!

Близ селения Кяриз в пастушьей юрте я пил традиционный кокчай — зеленый чай — у гостеприимного хозяина Молламамеда. Сидели, скрестив ноги, на прекрасном туркменском ковре ручной работы: черный цвет на нем искусно сочетался с красным, а в кажущейся причудливости орнамента угадывались изящная строгость и соразмерность линий.

Хозяин, поглаживая редкую бородку, вел беседу степенно — слова падали с его губ, как редкие зерна риса на поднос.

— Мой дед тихо жил. Отец тихо жил. Люди были неученые, однако мудрые. А я сына восемнадцать лет учил... Да разве я один.

Он, будто сожалея, причмокивал языком, качал головой, и в голосе его звенела печаль, но в глазах — я подмечал — были гордость и хитринка.

— Ай-я-яй, — отвечал я ему сочувственно.

— Восемнадцать лет учил, чтобы сын стал кем... а? Кочевником!

— Ай-я-яй...

Мы оба были довольны: я — блаженством отдыха, хозяин тем, что умело похвалился сыном.

Позже на трассе Джебел — Котур-Тепе я повстречаю «кочевника» Тави Курбанова, сына пастуха Молламамеда из селения Кяриз. Узнаю от него, что пять лет он учился в институте в Ашхабаде, затем три года в аспирантуре в Ленинграде, там, на северной зем-

ле, женился на белокурой Гале, и теперь они вместе — специалисты-геофизики — кочуют по пескам западного Туркменистана в составе партии геологов. Что ищут? Найдут — тогда, возможно, скажут...

Мы стояли в оранжевом по-вечернему свете пустыни, наши ноги тонули в горячем песке; на коричневом лице Тави, заросшем колючим волосом, жила улыбка счастливого человека, он обнимал за плечи маленькую, хрупкую Галю, одетую, как и он, в выгоревшую штормовку, и оба они спрашивали у меня, давно ли я был в их любимом Ленинграде... «А вправду по-настоящему счастливые, — думал я, — мир широк для них, доступен им, и дела и мечты Тави и Гали, как и расстояния, — от Каспия до Невы!»

Но это — поездка по западной Туркмении — было чуть раньше, и вспомнил я про нее уже в другом географическом квадрате республики, юго-восточном, — на дороге, бегущей к старинному азиатскому городку Керки, овеваемому прохладой полноводной Аму-Дарьи. За Керки — пешком дойдешь — советско-афганская граница.

Машину вел сотрудник Чарджоуского управления внутренних дел — по-восточному предупредительно-внимательный к гостю капитан Аганияз Каюмов. Позади остались обжитые зеленые островки человеческого жилья, колхозные плантации, опоясанные руслами арыков, — с изумрудными полосами клевера, люцерны, золотистыми разливами ячменя, с ровными рядками хлопчатника, посреди которого там и сям темнели толстые стволы тутовника — «шелкового» дерева... Вода в арыках издала солнечно пламенела, но вообще-то была обычной — где светлой, где мутной, дающей жизнь полезным растениям и даже рыбе: в зарослях жесткой осоки можно ловить карасей и подлещиков. Где вода — пустыня отступает.

За промелькнувшими мимо селениями по сторонам асфальтового полотна снова потянулись песчаные наносы, мертвое раздолье барханов. Продолжая начатый разговор, капитан Каюмов сказал мне:

— Наши старики полагали, что извечная судьба туркмена — жить в песках. Чтобы этот бархан был мой, этот твой, там я вырыл колодец, а здесь ты, и по чужую воду не ходи — при бывших племенных распрях можно было запросто головы лишиться!

Он помолчал и добавил:

— Как это было давно и... недавно.

А потом еще добавил:

— Мою же родню, к примеру, взять: где только нынче не работают, где не живут!

Вот тут-то и припомнился мне высокообразованный «кочевник» Тави. Его отец не был дальше родимого прадедовского Кяриза, а

сердцу сына в равной степени притягательны, им в равной степени любимы и тот же Кяриз, и Ашхабад, и прекрасный русский город на Неве... Социализм, расковав феодальную замкнутость Востока, в короткий для истории срок, равный всего пяти десяткам лет (правда, каких лет!), воспитал тут нового человека — широкого в воззрениях, лишенного кастовых предрассудков в делах и общении, одинаково сознающего себя хозяином в государстве — будь он в отчем песчаном краю или окажись где-нибудь в равнинном Тамбове или, скажем, на дальнем Сахалине.

В юрте отца Тави, где за мягкими полотняными стенами слышались протяжные вздохи верблюдов и озорно вскрикивал тяжелолюбый белый ишачок, я тогда остро, даже пронзительно почувствовал, сколько прекрасного и щедрого в новой жизни пустынного края.

За плечом Молламамеда знакомо улыбался с припиленной к войлоку открытки Юрий Гагарин. На груди хозяина, придавая ему еще больше горделивого достоинства, поблескивал эмалью строгий депутатский значок. Молламамед рассказывал о сыне, и слова его наводили на размышления...

Мальчика-пастушонка по имени Тави нужно было за руку вывести из песков на широкую, светлую дорогу, дать ему уверовать в то, что и он призван вершить большие дела на пользу народу, почти два десятилетия терпеливо учить его в школе, институте, аспирантуре... Разве это не одно из самых наглядных проявлений великолепной социалистической нови! Той самой нови, что закреплена в незыблемости строгих строчек государственных законов, что ощущается теперь людьми в обычных буднях.

Разумеется, мы с Аганиязом Каюмовым не ощущали необходимости замыкать дорожную беседу строгими рамками таких вот обобщений, говорили, перескакивая с одного на другое, и мой этнографический интерес ко всему окружающему чередовался с вопросами любознательного капитана о последних московских новостях, но, по сути, разговор шел об этом: о том, что было и что стало в Туркмении. И я, слушая очень правильную, без акцента русскую речь Каюмова, а главное — его рассуждения, обнаруживающие завидную внутреннюю культуру говорящего, при этом невольно подмечая, какой он свойский, здешний во встречных аулах — уважительный к обряду устоявшихся аульных обычаев, — думал: мой путчик тоже типичный сын своего века, времени нашего...

Неподалеку от Карабекаула в дрожании призрачного марева проступили развалины крепости. Парила над ними хищная черная птица с большим размахом сильных крыльев, видом своим усили-

вая впечатление необычности пейзажа. Песок напелзал на полуобрушившиеся крепостные стены, а всего в километре-двух ярко пестрели ухоженные посевы, как брошенные на скучное грязноватое поле веселые мозаичные плитки, и бродили овцы...

— Мать владыки этой крепости, по преданию, замуровывала в стены живых людей,— сказал Аганияз Каюмов.— Еще недавно, говорят, находили останки скелетов... История в ее драматичном проявлении!

А черная птица продолжала кружить над развалинами, и я, повинувшись неясному чувству, решил, что остановлюсь здесь, пойду в крепость — посмотрю, послушаю...

Мощные глинобитные стены на добрую, пожалуй, половину своего роста тонули в песчаных намывах, однако оставались высокими, в их израненном ветрами и временем суровом облике ощущалась покорность неумолимой судьбе и непреклонное упрямство выстоять. Мне подумалось: как же нужно было ненавидеть это злое место, если тут, среди песков, где очень тяжело строить, мало воды, а строительный лес привозной, дорог и никогда не хватало его,— люди после бегства и гибели последнего из рода владык все же не захотели поселиться, жить в готовых крепостных стенах, способных противостоять непогоде и жаре! Люди равнодушно, а может быть, с понятным душевным удовлетворением наблюдали, как один за другим разрушались внутри крепости дома некогда все-сильного бека, умирали его колодцы и арыки и как, наконец, пустыня окончательно завладела всем, что было воздвигнуто на крови народа и десятилетие за десятилетием порождало в нем страх, а в самых мужественных — молчаливую веру в необходимость возмездия...

Я переходил из одного глинобитного закоулка в следующий, по нагромождению тяжелых глыб пытался угадать расположение бывших строений. Это сам дворец, а у главных ворот — вероятно, жилище нукеров, что-то вроде современной воинской казармы, а у дальней стены — длинные конюшни, а где остатки мрачного свода — темница, конечно, тюрьма... Покопаться б здесь археологам — их опытному взору наверняка откроются следы и приметы выразительнейших тайн!

В застоявшейся тишине мои шаги звучали так гулко, словно шел я не по песку — по гранитным плитам. Там, где попадались затененные кустиками белесой травы ямки, сновали желтые про-

тивные пауки; маленькая змейка, тоже желтая, с прозеленью, не проявила испуга — неохотно, даже лениво, когда я швырнул в нее комочком, уползла под плоский камень... Как гром с ясного неба, заставивший меня вздрогнуть, был внезапный голос:

— Иди сюда!

Не сразу я увидел, кто это сказал; крутил головой, вглядывался, и прежний голос, показавшийся теперь совсем мирным, приободрил:

— Иди, иди...

Человек, оказывается, сидел в проломе стены. Он пытливо и по-доброму смотрел на меня — сморщенный старик в мятом простеньком костюме, зеленой суконной фуражке, пошитой на армейский манер. Сапоги его были седыми от пыли, и казалось, что такая же пыль, как серая ржаная мука, на его длинных, стрелками закрученных на кончиках, усах. И представлялось удивительным: такой истинно российский старичок, задорный, поди любитель баньки с березовым веничком, да чтоб вообще все вокруг него было березовое и огородное, — и вдруг тут?!

Он услужливо подвинулся — я присел рядом.

— Тоже, знать, из приезжих? — спросил он. — Ходит, вижу, хо-о-одит... Дай, думаю, окликну, скажу, что здесь пивом не торгуют, чего зря ходить!..

Посмеялись, и я шутливо заметил, что сам он тоже вряд ли забрел сюда в поисках буфета или чайной...

— Ну да, — как-то легко, даже почти радостно отозвался он. — Я, мил человек, тута воевал.

И, боясь, вероятно, что мне, по возрасту молодому перед ним, не понять, пояснил:

— Советскую власть устанавливали... Красноармейцем был.

Через проем в стене виднелось прежнее, уже примелькавшееся взгляду: унылое царство горбатых барханов, слабо затянутых колыхающейся дымкой, резко прошитой кое-где золотыми ниточками, вспыхивающими на солнце, а ближе к аулу — поля и сады, в которых можно было различить фигурки работающих людей, красные и синие колесные тракторы, тянувшие за собой густые пыльные шлейфы... По-прежнему над крепостью неустанно кружила черная птица.

Проследив за ее полетом, старик с безгловым отвращением — плечами даже передернув — проговорил:

— Вредная тварь.

Подавал мне для знакомства руку:

— Фетисов Алексей Иванович. Астраханский я. Живу там в слободе, прямо у Волги, в городе можно считать, а все ж не срав-

нишь: у меня при желании в лодку из окна можно сигануть! Не доводилось у нас бывать? Арбузы-то наши — да? И очень хорошо, что бывал... земляк, значит! И почему не земляк? Сильно уважаю земляков...

Он говорил быстро, скрюченным пальцем подбивал кверху свои жесткие поредевшие, как у Буденного последних лет, усы, и в его маленьких зорких глазках — чудилось мне — голубовато плескалась Волга. Сентиментально? Допускаю. Я радовался этой нечаянной встрече — «незапланированному» везению в нашем писательском деле. И многое — что было не последним в человеческой судьбе — открылось мне.

Я узнал, что Алексей Иванович Фетисов уже много лет собирался съездить к сыну-офицеру в Ашхабад, еще когда жена-старуха жива была, но вот она год назад померла, в доме пусто стало, дочка — она тоже в Астрахани — заглядывает редко, у нее пятеро детишек, гипертония... Вот почему Алексей Иванович, доведенный одиночеством, поехал наконец в Ашхабад. Однако отправиться в Туркестан и не заглянуть в те места, где кровь пролил, чудом жив остался, — можно ли? Поэтому он сделал изрядный крюк, осмотрел Чарджоу, который в бытность его бойцом и городом-то назвать трудно было, и на попутных — сюда... Так же, на проходящих машинах, вернется сегодня в Чарджоу, где у него чемодан в гостинице, но не в номере — мест не было, а в камере хранения. В чемодане кроме волжских рыбных даров невестке и сыну лежат орден Красной Звезды и три медали. Сын — он политработник в воинской части — велел привезти награды с собой, чтобы Алексей Иванович при полном параде мог выступить перед молодыми солдатами с рассказом о незабываемых революционных днях в Средней Азии. Правда, орден у него не за гражданскую — за Отечественную, когда он работал на буксире, под бомбежкой водил к Сталинграду караваны нефтеналивных барж...

Услышав про все это, я сказал:

— Тянуло, выходит, Алексей Иваныч, в пески-то?

— Не то, — махнул он рукой и вроде бы даже смутился. — У нас под Астраханью своего песку вдоволь... да! Но во сне иногда, понимаешь, приходило. А потом мысли разные...

Он мельком взглянул на волнистые ряды барханов, но тут же отвернулся. Говорил теперь тихо, то ли для меня вспоминая, а, скорее, незаметно — сам в себе — подчиняясь власти минувших пережитых видений.

— Двадцать дней мы гонялись за бандой Джумакули-бека. У него полтора с лишком сабель, у нас вполровину меньше, и сидели

мы на конях не так, как его джигиты. Это не возразишь, было... Но нами командовал башковитый парень, из бывших прапорщиков или даже поручиков, Гордеев по фамилии, он военную науку в училище проходил, прилежно, видать, учился там, и ночью накрыли мы всю банду врасплох в селе Акдери. Половину вырубили, а другая половина утекла, сам бек утек, но все ж успели отсечь его от границы, не дали в Афганистан уйти...

— Взяли его?

— У кого кони пали иль вконец выдохлись, кто сам выдохся иль, само собой, раненый, изувеченный был, но происходило так, что настигли мы Джумакули-бека вчетвером. Это, значит, командир Гордеев, парень из Донбасса Ваня Погоняйло, шахтер, еще местный, из туркменов, по имени Чары, и я. Там это было...

Алексей Иванович ткнул пальцем в близкие барханы, и я стал пристально смотреть туда, потому что по лицу старика текли слезы.

— Там ложбина, впадина, значит... Джумакули-бека туда загнали, а сами схоронились за песчаными горками, под прицелом его держим. Джумакули — он, гад, сам метко стрелял, зевать не приходилось... Гордеев крикнул, чтоб он сдавался, иль, дескать, пристрелим, как собаку. Тогда бек отстегнул и бросил на песок шашку, карабин таким же способом, маузер еще... Бросил и зовет к себе командира — вроде как на переговоры, поторговаться насчет цены за свою бандитскую жизнь. Тогда Гордеев, а он раненный в ногу был, говорит мне: «Иди ты, Фетисов, к нему, а мы его с мушки не спустим, однако ухо остро держи, пальца с курка не сымай!..» Я пошел. Был уже от бека шагах в пяти, его лицо, как твое сейчас, видел, и он вдруг крикнул: «Я пирим!» — это вроде нашего «Помоги, господи!» — и нырнул под брюхо коня, а оттуда в секунду выстрелил в меня из нагана. В рукаве халата, гад, прятал его... Я упал. А он выскочил на коне из ложбины, но тут же, значит, убит был...

Алексей Иванович, отвернувшись, рукавом пиджака утер щеки; я чувствовал, что он устыдился своих внезапных слез и старается понять, видел я их или нет. Но я, как прежде, неотрывно наблюдал за барханной далью, стараясь мысленно представить, каким же был в ту боевую пору молодой красноармеец Алеша Фетисов, русский паренек, с винтовкой в руках боровшийся за правду социализма в жгучих среднеазиатских песках... А Алексей Иванович, покашляв, прочистив голос, сказал:

— Я тогда очнулся, не продыхну, понимаешь, ранение оказалось в ключицу, и первое, что увидел — вот такую черную тварь в небе. Это, мол, смерть надо мной — испугался — вьется...

Подняв голову, он с усмешкой понаблюдав за птицей, продолжающей висеть над крепостью. И вдруг она — как по непонятному волшебству — описав прощальный круг, полетела в пески.

— То-то же,— бросил повеселевший Алексей Иванович.— Из ружья б тебя, поганую!

Мы вместе с ним вышли к дороге, поговорили тут о том, как хорошо сейчас живут в этих местах люди, обменялись адресами, я дал слово, что, оказавшись в Астрахани, непременно отыщу Алексея Ивановича, порыбалим всласть,— и быстро подоспел автобус, идущий на Чарджоу. А мне нужно было в Халач.

Счастливого пути тебе, Алексей Иванович, и крепкого здоровья!

В Халаче — богатом и красивом ауле, арыки которого полны близкой амударьинской воды,— мы снова были с Аганиязом Каюмовым. Он познакомил меня со старшим лейтенантом по имени Акча, местным автоинспектором — молчаливым человеком, который знаменит в округе своей бескомпромиссной непримиримостью к нарушителям автодорожных правил и еще тем, что собственными руками из списанного автомобильного хлама собрал себе машину. Его машина похожа на «газик» и одновременно на «Москвич», такое симпатичное чудо-юдо, привлекательное своей непохожестью на другие «тележки». И ездит на ней Акча, я свидетель, как бог: по самой что ни на есть ухабистой дороге обязательно на высокой скорости, не сбавляя ее, и — не тряхнет, не ударит... Можно было поверить: от него ни на каких колесах не уйдешь!

Аганияз Каюмов, подсмеиваясь, заметил:

— Он такой, наш Акча, как кремень. У него отец председатель колхоза. Так он увидел отца за рулем на неисправной машине, остановил и потребовал: «Давай права!»

Акча слушал — и тени улыбки не было на его лице.

— Отец брови вскинул, растерялся, конечно... Потом говорит: «Иди к матери — у нее права попроси!»

— И что?

— А чего — Акча, говорю, кремень...

— Закон есть закон, порядок для всех одинаков,— оборвав наш смех, произнес Акча.

И капитан Каюмов, став серьезным, кивнул головой...

Мы не один час еще беседовали — об особенностях милицеской службы в здешнем краю, и много удивительных, прямо-таки «детективных» историй раскрылось передо мной. Однако — это уже

другая тема, не для коротких путевых записей: она ложится в отдельный очерк, рассказ, и я, наверно, позже подробнее напишу и о капитане Каюмове, и про «неистового автоинспектора» из Халача Акчу. Тем более что по своим делам и убеждениям они — в лучшем смысле этого понятия — люди государственные, в сегодняшнем видят завтрашний день, работается им не скучно, с большой верой в полезность и необходимость доверенной им работы...

Я пристально всматривался в них, вспоминал другие знакомые лица, как бы подсвеченные багрянцем праздничных знамен с золотой цифрой «50» на развевающихся полотнищах; жили во мне и тревожили сердце впечатления увиденного тут, на песчаных просторах Туркмении, — и опять утверждающе и бесспорно приходили строки стихов русского поэта Валентина Сорокина, которого, как и многих нас, Азия одарила вдохновением и убедила в нашей нерасторжимой слитности:

Кровь старины — куда ни посмотри...

Но в наше время, молодо и яро,

По всем путям встают богатыри,

Потомки

Пушкина,

Сейитназара!

И на душе светло от перемен,

И мир хорош,

и по плечу нагрузки,

И кажется, я чуточку туркмен,

А ты, мой смуглый друг,

немного русский...

УЗБЕКСКАЯ ССР

Уже пятнадцать лет является народным заседателем Фрунзенского районного народного суда г. Ташкента Аснар Гумарович Исамухамедов — рабочий «Таштекстиль-маша».

Секретарь судебной коллегии по уголовным делам Ташкентского городского суда Якубхон Кадырова — студентка вечернего отделения юридического факультета Ташкентского государственного университета.

Атабат Ишанович Ишанов — заслуженный деятель науки Узбекской ССР, член-корреспондент Академии наук УзССР, доктор юридических наук, профессор юридического факультета Ташкентского государственного университета.

Фото В. ЗИМИНА.

МОЛДАВСКАЯ ССР

Директор Кишиневского Дворца бракосочетаний депутат Кишиневского городского Совета депутатов трудящихся Надежда Федоровна Дьеур тепло напутствует молодоженов.

Прокурор г. Тирасполя Александр Федорович Форманчук (в центре) консультирует по трудовому законодательству руководителей тираспольского деревообрабатывающего комбината Петра Тимофеевича Бондатия (слева) и Евгения Николаевича Пушняка.

КИРГИЗСКАЯ ССР

Вступительные экзамены на юридическом факультете Киргизского государственного университета имени 50-летия СССР. Перед приемной комиссией абитуриентка Дамира Давлетова — технический секретарь Верховного суда Киргизской ССР.

Фото М. ГРИШУНИНА.

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Ашхабадская швейная фабрика № 2. Представитель городского комитета народного контроля Мухамеднулли Ходнашнуллиев, член поста народного контроля Енатерина Ивановна Тимофеева и председатель группы народного контроля Анна Григорьевна Табахарнюн проверяют качество сшитых платьев.

Консультант Советского районного народного суда г. Ашхабада Аширбиби Аниева — студентка пятого курса заочного отделения юридического факультета Туркменского государственного университета (фото слева).

Колхозница колхоза им. Махтумулли Мама Караева — народный заседатель Ашхабадского районного народного суда.

Фото В. ЗИМИНА.

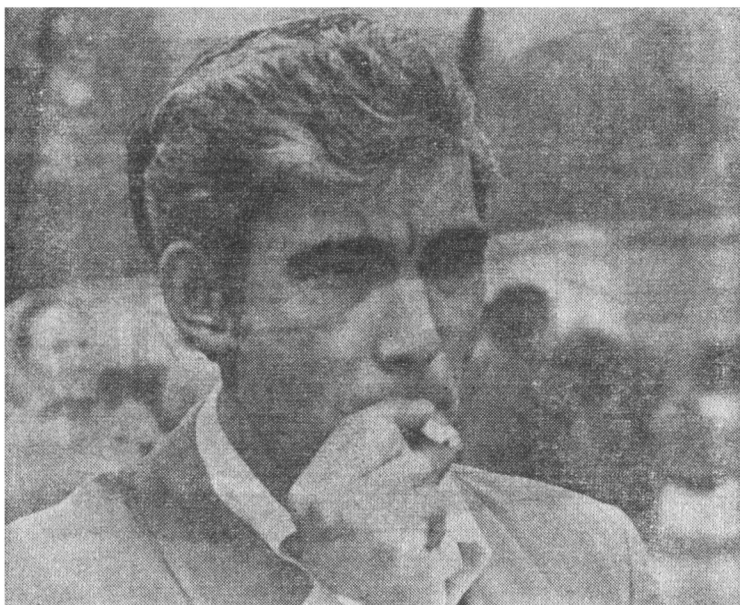

КАК ВСЕГДА, ДО ПОЛУНОЧИ...

В предыдущем, девятом номере нашего журнала под рубрикой «Новое в законодательстве» мы познакомили читателей с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка» и новым Примерным положением о добровольных народных дружинах, одобренным ЦК КПСС и Советом Министров СССР. В принятых нормативных актах закреплён и развит значительный положительный опыт, накопленный народными дружинами в охране общественного порядка.

Предлагаем вниманию читателей очерк журналистки Л. Куликовой, в котором рассказывается о том, как работает сегодня народная дружина Душанбинского производственного объединения хлопчатобумажной промышленности — одна из лучших в Таджикистане.

Прошлым летом Даврону Курбанову довелось порыбачить на речке Унжа, что неспешно течет меж лесов и полей, меж селений глубинной России.

Тишина берегов, мягкий шелест воды, костромской говорок его новых друзей, всех, кто снова звал в гости — с женой и с детьми, — и теперь не забыты Давроном в городской суете, в массе будничных дел.

Ну, а там, на Унже, тоже помнят Даврона, его жаркую речь, громкий смех и особенно то, как рассказывал он о своем Душанбе:

— Это город — мечта! Это солнце и цветы! Это снег на горах... Горы — кругом! А театр имени Айни! А библиотека имени Фирдоуси! А наш комбинат!..

Проходную Душанбинского текстильного комбината Даврон Курбанов миновал впервые восемнадцать лет назад. Был тогда он совсем еще юным, и хотелось ему совершения каких-то удивительных дел. И казалось: ничем невозможно, никакими цепями скрепить

его планы на жизнь с тем, что делалось в ткацких, прядильных цехах, с теми, кто там трудился, за что-то боролся, о чем-то мечтал.

Позади была школа — с ее множеством привычных событий и необычайных надежд. Впереди — неизвестность, омраченная провалом на вступительных экзаменах в университет.

И хотя дома мать, покупая обновку: то себе на халатик — сатин или ситец, то Даврону на куртку — тогда еще редкий вельвет, — всякий раз приговаривала: «Ах, как красиво! Посмотри, не у вас ли так ткнут?» — в душе Даврона ее восторги не задевали ни одной струны.

И хотя им гордился, именуя «рабочим классом», отец, Даврона эти слова в то время почти не трогали.

Приходя после смены «отметиться» домой, он потом исчезал и подолгу бродил по вечернему городу, пытаясь решить для себя: кем же все-таки быть?

Он любил родной город еще с мальчишеских лет: его новые улицы (их уже целых пятьсот!), его площади, запахи рынков (нигде так не пахнет горячими лепешками, как в Душанбе!), любил воды стремительной горной реки Кафирниган...

Эта жадная страсть сопричастности ко всему, чем живет Душанбе, не могла утаиться ни в каком тайнике. Он все знал о своем городе и всегда был готов объяснить: где какой институт или выставка, где столовая, ателье, райсобес, где какое сегодня кино...

И однажды ему вдруг сказали:

— Послушай, Даврон. Пойдем-ка вместе с нами в сегодняшний рейд. Нам поможешь, да и сам не соскучишься. Это ведь не без дела бродить.

Так впервые Даврону Курбанову довелось пройти по вечернему городу с патрулем бригадмильцев, облеченных большой и серьезной ответственностью за покой земляков.

И словно впервые увидел он вдруг то, что, конечно же, видел не раз, только долго не задерживал взгляда, отворачивался, торопился пройти...

Вот какой-то мужчина прилег на бульварной скамье. Бригадмильцы подходят: «Вам плохо?» Оказывается, пьян.

Вот стоят в подворотне подростки с гитарой, и один из них затравленно прижался к стене... Сразу ясно: сейчас будут бить... «Погодите, ребята! В чем здесь дело? Где живете? Кто вы?..»

Через несколько дней, после смены, Даврона снова спросили:

— Сегодня пойдешь?

Он ответил:

— Раз надо, конечно, пойду.

Через год были проводы в армию. Служба армейская... Письма

от друзей с комбината, письма на комбинат... И чем ближе подходил срок демобилизации, тем осознаннее становилось решение: идти работать только туда.

— Вот когда ты поступал на экономический...— обычно такие разговоры начинает отец.

— А потом ты мечтал стать геологом,— подхватывает брат.

— В школе ты подавал большие надежды учителям,— вздыхает мать.

— А теперь на меня надеются двадцать ткачих! — взрывается Даврон.— Понимаете, двадцать ткачих! Если я подведу, если выйдет из строя хоть один станок, то сорвется их план. Понимаете, план?!

Слесарь-ремонтник РМО 2-го ткацкого производства Даврон Курбанов был в ответе за четко налаженный ритм трех комплектов, а в каждом — по 48 станков. И за каждым необходим неустанный догляд: профилактика, текущий, капитальный ремонт. И все чаще беспокойные хлопоты Даврона не вмещались в положенные восемь рабочих часов.

Приходил он после смены усталым, с непривычной для матери тенью заботы в глазах. Но нередко, умывшись и поев, уходил допоздна:

— Ты не жди, ложись спать. Мне по графику в рейд...

Это было время создания добровольных народных дружин. И одним из первых в своем РМО стал дружинником Даврон. Три-четыре раза в месяц приходилось ему дежурить в штабе ДНД, а случалось — и чаще, если кто-то из товарищей не мог пойти и нужно было его заменить.

— Вот об этом я как раз и хочу поговорить с тобой, сынок,— Бобо Хасанович улучил как-то удобный момент.— Ты не думай, будто я не понимаю, что такое производственный план... Знаю также, что твой комбинат нуждается в каждой паре рабочих рук. Но обидно нам все-таки с матерью... Уж ты нас пойми. Оба мы учителя, а сын дальше десятилетки не пошел... Ты бы, вместо того чтобы в свои рейды ходить, готовился на вечернее отделение в институт. А то ведь теряешь ты время зря.

— Зря? — только и мог вымолвить Даврон.— Как же вы, учитель, можете так говорить? Если я откажусь. И другой. И третий... Кто же тогда?

Он и сам не заметил, не думал, что любовь к родному городу за последние годы так сильно трансформировалась в его душе. Раньше это было просто созерцательным наслаждением красотой Душанбе, а теперь же — активным стремлением делать все возможное, чтобы никто и ничто не посмел эту красоту осквернить.

— А учиться мне мешает не дружина, а собственная лень,— заметив, как смутился от его резкости отец, неожиданно заключил Даврон.— Только собственная лень.

Как-то вечером подступилась к жене Даврона Курбанова одна сердобольная соседка:

— Что-то ты, милая, я как ни погляжу — все одна да одна? Вроде бы замужем, а мужа как будто и нет... Ох, ты не знаешь, какие бывают мужчины... Зря, зря пускаешь его одного. Ведь это — не дело. Смотри...

— А может, «дело» часами под окнами в нарды стучать? — Светлана покраснела.— Учится мой муж, поступил в университет. А потом, вот вы жалуетесь, что боитесь дочку на танцы в клуб «Текстильщик» пускать, говорите, что развелось много хулиганья... Сегодня там как раз дружинники дежурят. И Даврон...

— Да-да-да... Понимаю, понимаю,— соседка изобразила на лице выражение, соответствующее этим словам.— Значит, на танцах? — И, окинув взглядом Светлану, добавила: — Ты-то уж, как я вижу, оттанцевалась...

Светлана ждала ребенка. Уже совсем немного оставалось до родов, и она неважно себя чувствовала. И хотя она сумела с достоинством, как ей казалось, заступиться за мужа, тем не менее от этого разговора в ее душе остался какой-то смутный осадок.

— Да не слушай ты никого! — поняв, почему она так взволнована, сказал Даврон.— Вот сегодня... Представляешь, еще чуть-чуть, и была бы драка с ножом. Ты только подумай: ни за что, ни про что мог быть убит или ранен человек. Хорошо, что мы подросли и в разные стороны развели. Сейчас с одним «героем» милиция разбирается, а с другим завтра в цехе, где он учеником, ребята по-своему, по-рабочему поговорят.

После этого случая, о котором соседка со всеми подробностями узнала от дочки, она навсегда прикусила язычок. И с тех пор всякий раз подчеркнуто уважительно здоровалась с Давроном: ведь он первый бросился к парню, в руке у которого был нож.

Не раз с той поры прибегали к Даврону многие соседки за подмогой: то мальчишек надо урезонить — придумали целиться из рогаток в новенькие уличные фонари... То пьянчужка какой-нибудь к ним во двор забредет, пугает детей...

И всегда безотказно отправлялся по таким «срочным вызовам» Даврон. Даже если показывают по телевидению долгожданный футбольный матч... Даже если он спал или ел.

Незадолго до восьми часов вечера майор милиции Ашуров, участковый инспектор ОВД Железнодорожного райисполкома Душанбе, как всегда, пересекает широкую улицу, направляясь к центральному входу на текстильный комбинат.

Здесь, слева от проходной, давно уже выделено помещение для зонального штаба народной дружины.

К назначенному времени собираются и те, кому на сегодня предстоит очередное дежурство. Всего, как правило, 15—20 человек.

— Так,— протискиваясь к столу, говорит обычно Гафур Сабинович.— Кто у нас сегодня явился? Шехов? Привет... Касимов? Привет... (Чилла Шехов — начальник АХО комбината, Иди Касимов — шофер пожарной команды — оба внештатные участковые инспекторы). Вы, конечно, тут. А кто еще?

— Салам! — раздается от дверей.

— Ага! — вместо приветствия констатирует майор.— Значит, дежурит РМО второй ткацкой. Пойдешь старшим, Курбанов. А сейчас уточним маршруты.

В комнате становится все теснее от прибывающих.

Пока Ашуров определяет по схеме патрулируемого участка маршруты, кто-то выкладывает на стол гору горячих лепешек, заваривается зеленый чай...

Никакое дело не начинается в Таджикистане без чая!

До начала дежурства есть еще несколько минут, и все успевают отломить по куску горячей лепешки, и пиалы с чаем переходят из рук в руки.

Здесь каждый знает другого не только в лицо: вместе работают, вместе решают множество проблем. И потому разговоры «крутятся» сначала вокруг производственных тем. Но это сначала, пока еще не вышли в рейд.

Через несколько минут помещение штаба пустеет: патрулируемый участок довольно велик. Текстильный комбинат занимает пло-

щадь более 60 гектаров, и для того чтобы пройти хотя бы с одной его стороны, требуется время.

Одна группа направляется по проспекту «Правды», до моста, потом по улице Коргар мимо завода «Торгмаш», к проходной третьей очереди (так называют сооружения, построенные комбинатом в последние годы). Другая группа патрулирует по улице 40-летия Таджикистана.

В штабе дружины остается два-три человека для особых поручений.

Пока ничего тревожного не происходит, участковый и внештатные инспекторы принимаются изучать, к примеру, план клубной работы на следующий месяц. Директор клуба «Текстильщик», как заведено, регулярно представляет штабу дружины такой план. И дружинники непременно присутствуют в клубе на каждом крупном мероприятии, не говоря уже о танцах, которые происходят — это тоже заведено — по средам, субботам и воскресеньям.

Давно уже миновало то время, когда в этом клубе нет-нет, да и случались во время танцев драки, да еще и с ножом... Теперь дружинники очень редко даже вспоминают об этом. Но незначительные инциденты все еще бывают. И чаще всего это шумный кураж какого-либо любителя спиртного.

Вечера отдыха в клубе «Текстильщик» всегда привлекают много молодежи — ведь на комбинате работает полным-полно девчат. Парни сюда приезжают иногда за двадцать километров. Народ разный. Горячий. Но скандалы — редкость. Тут могут так «пропесочить», так поговорить о смысле жизни, что после этого больше никогда не захочется «пошуметь». А потом еще пошлют письмо по месту работы или учебы, чтобы и там серьезно занялись воспитанием.

Недаром же о работе народной дружины текстильного комбината в прошлом году дважды писалось — и в республиканской и в городской газетах.

Покончив с планом клубной работы, Ашуров и внештатные инспекторы принимаются обсуждать, как они говорят, «профилактические вопросы»:

— направить дружинника в семью, где вчера ночью был громкий скандал. Спросить соседей: все ли в порядке? Еще раз предупредить скандалиста...

— подумать, кому поручить весьма серьезный разговор с девчонкой из общежития ПТУ, которую вчера поздно вечером двое подвыпивших ребят (их потом задержали дружинники) подсаживали в окно... В том же общежитии живет паренек, который почему-то

давно не шлет писем домой: об этом с тревогой написала в милицию его мать...

— выделить кого-то из дружинников помочь милиции собрать документы на злостного пьяницу, чтобы затем ходатайствовать перед судом о направлении его в лечебно-трудовой профилакторий.

— Прямо беда с ним,— говорит Гафур Сабинович.— Пьет каждый день, а мы боимся, что упадет на дороге, попадет под машину. У него ведь двое детей...

— Надо бы еще сходить к Н-вой,— напоминает Чилла Шехов.— Узнать: определилась ли она в конце концов на работу или по-прежнему ведет праздную жизнь. Я с начальником отдела кадров неделю назад говорил. Он обещал принять.

И пока они так разговаривают, намечая профилактику, в штаб дружины приходят люди. Очень разные люди...

— Я к вам, на огонек,— неловко улыбается миловидная женщина.— Хочу попросить проверить вас, кто проживает вот по этому адресу.— И она протягивает смятый листок.

— Знаем, кто проживает,— разобрав написанное, отвечает Ашуров.— Что-нибудь случилось?

Женщина еще больше смущается:

— Да как вам сказать... Там еще посторонние проживают. Уже третий день.

— А вы сами-то, простите, кто? — спрашивает внештатный участковый инспектор Касимов.— Как ваша фамилия? Где живете?

Женщина, помедлив, называет свою фамилию и адрес. И снова просит:

— Вы уж, пожалуйста, проверьте...

— Хорошо, проверим,— говорит Ашуров.— Давай-ка, Касимов, пройди туда сам.

Вернувшись через полчаса, Касимов докладывает:

— Посторонних по этому адресу нет.

— Не может быть... Не может быть,— бормочет женщина.— А мне сказали...— Она вдруг начинает рыдать.— Я даже хотела камнем разбить окно... Просто убить... Убить его!

— Н-да. Деликатное дело,— вздыхает Касимов, когда женщина, успокоившись после выпитой валерианки, уходит.— Муж от нее ушел. Так ей сказали, что он по указанному адресу поселился.

— Так поселился или нет? — уточняет Ашуров.

— Не поселился. Был там три дня назад, спрашивал, не сдадут ли комнату: кто-то ему туда обратиться посоветовал. Ну, хозяйка отказала, а сосед — кстати, он у нас на комбинате работает — встретил жену его, ну и всяких глупостей наговорил.

— Так ведь человека можно и на преступление толкнуть, — размышляет Ашуров. — Надо бы завтра, Касимов, с этим соседом по душам потолковать, сказать, что так нельзя. Может, в обеденный перерыв разыщешь его, а? Пусть люди сами в своих отношениях разберутся...

Следующей «на огонек» в штаб дружины является уже не «брошенная», а «бросившая» мужа жена. В отличие от той женщины у этой весьма воинственное выражение лица.

Она решила уехать к своим родителям в другой город. Поезд отправляется через час, но она забыла «там», то есть у себя дома, «одну очень важную вещь».

Разговор ведет внештатный участковый инспектор Шехов.

— Ну, так что же вы хотите от нас, народной дружины?

— Вы же народная дружина, вот и заступайтесь за народ, — говорит она. — Я и прошу заступиться за мою честь. Муж пьяный. Скандалит. Не пускает в дом. Если вы дадите мне наряд, то есть сопровождающих...

— Не имеем права, — вмешивается в разговор Ашуров. — Разделение имущества, при наличии бракоразводного процесса, производится только по суду. Мы ведь обязаны помогать соблюдению закона. И действовать строго в его рамках...

Женщина упирает руки в боки. Она возмущена:

— Какое имущество? Какое там имущество? Мы и нажить-то ничего, кроме ребеночка, не успели... Меньше года женаты. Метрику детскую я забыла — вот такая это вещь. А он не отдает. А у меня скоро поезд отойдет!

— Так бы сразу и говорили, — прерывает ее Ашуров. — Метрику можно попросить. Давай-ка, Касимов, прихвати пару наших ребят — они там возле общежития дежурят, это по дороге — и сходи-те туда. А то действительно поезд уйдет. А ребеночек-то ваш где?

Женщина машет руками:

— Да на вокзале уже, на вокзале. Люди добрые нянчат пока.

Пока Касимов отсутствует, выполняя второе «деликатное» поручение, в штаб поочередно приходят группами дружинники, докладывают о том, как обстоят дела на маршрутах:

— двое зафиксировали номер автомашины, которая мчалась с недозволенной скоростью, и успели сообщить об этом инспектору по линии. Машина остановлена;

— пришлось вызывать «скорую помощь»: на улице плохо себя почувствовала пожилая женщина;

— кто-то сообщил, что давно уже заприметил мотоцикл с коляской, оставленный в кустах. Что теперь делать?

Ашуров поясняет:

— Установить наблюдение. Если водитель долго не появится, доложить мне.

Ибрагим Файзиев приводит в штаб какого-то подвыпившего, всклокоченного парня. На вид ему лет восемнадцать, не больше. Он оказывается учащимся техникума.

— Сколько же ты выпил? — спрашивают его.

— Сто грамм,— пытаюсь стоять прямо и казаться трезвым, говорит задержанный.— А что, нельзя?

— А зачем выпил?

— Для храбрости выпил. Для чего же еще-то пьют? А что, нельзя?

— Значит, ты с кем-то собрался воевать?

— Ничего не воевать. Я к девушке пришел. А что, нельзя?

— И девушка с тобой гуляла по улице?

— Не-а... Она сразу домой ушла.

— Сказала: пьяных не люблю, да?

— А что я, пьяный? — Парень моргнул.— Ну да. Сказала... «не люблю...»

— Молодец девушка,— подытоживает Ашуров.— Пусть она спокойненько спит. А ты сам-то до дома дойдешь, или тебе провожа- того дать?

— Я-то? Конечно, дойду...— Круто повернувшись и сделав шаг, парень вдруг падает на четвереньки и, чтобы подняться, цепляется за угол стула.

Все отворачиваются: взрослым людям тягостно смотреть, как этот юный человек унижает себя.

Через несколько минут специальная машина увозит его в мед-вытрезвитель. Ашуров покачивает вслед головой:

— Ай-яй-яй... Вот беда, вот беда.— И вдруг обращается к Ибрагиму Файзиеву: — Это ты его привел?

Тот кивает головой.

— Так ты же сегодня не дежуришь...

— Да я просто вышел прогуляться, смотрю...

— Ну, раз уж ты пришел, дело есть,— Гафур Сабирович выдвигает ящик стола.— Давай обсудим, кого послезавтра на диспетчерском будем ругать, а кого хвалить.

По заведенному порядку майор Ашуров, командир дружины Михаил Михайлович Бессонов и Ибрагим Файзиев — член парткома докладывают о положении дел на диспетчерском совещании у директора комбината. Как правило, присутствуют все начальники служб, и поэтому ответные меры бывают незамедлительными.

Более пятисот передовых рабочих, инженерно-технических работников комбината являются членами добровольной народной дружины, а ее крепкое ядро, тот самый актив, на который опирается участковый инспектор Ашуров,— это прежде всего коммунисты и комсомольцы.

После обсуждения с Ибрагимом Файзиевым предстоящего разговора на диспетчерском Гафур Сабинович задает ему последний и, как он сам считает, частный вопрос:

— Ты случайно завтра не во вторую смену выходишь?

— В первую. А что?

— Да так... Ничего. Будь здоров. Спокойной ночи.

— А все-таки что? — настаивает Файзиев.

— Да хотел тебя попросить на машине подъехать сюда к двадцати четырем. Обьехали бы мы с ребятами, перед тем как закончить дежурство, все темные места. А уж потом — на покой.

— Так я подъеду,— говорит Файзиев.— Это ведь не больше, чем на полчаса. А уж потом все вместе отправимся на покой.

К одиннадцати часам, хоть и не было никаких особых происшествий, а все-таки усталость дает себя знать: и это видно по лицам людей, по тому, как снижается темп разговоров, глуше становятся голоса.

К двадцати четырем часам в штабе дружины гаснет огонь.

— ...А учиться ему мешает не дружина, а лень!

Разве мог Даврон Курбанов предположить, что когда-то сказанные им самим слова спустя долгое время вдруг будут произнесены (да еще во всеуслышание!) другим человеком... И оказывается, произносить их, признаваясь в своих недостатках, не так уж и трудно, а вот услышать от кого-то, тем более зная, что они справедливы,— очень и очень стыдно.

Произнес эти слова во всеуслышание старый мастер РМО 2-ой ткацкой фабрики Михаил Иванович Ибатулин. Несколько лет назад, когда рекомендовал он Даврона в партию, у него было единственное требование: «Парень ты с головой. Учись! Обязательно учись!»

И Даврон поступил на вечернее отделение юридического факультета Таджикского государственного университета. Окончил три курса. А после третьего курса ходить на лекции перестал.

...Можно было бы, конечно, перечислить товарищам очень много и довольно веских причин. Ну, во-первых, двое детей... Во-вторых, уже седая голова: тридцать седьмой годочек пошел, в-третьих...

Но Даврон не сказал ничего. И тогда кто-то «по дружбе» решил его поддержать: дескать, трудно ему все-таки, семейный человек, да и много лет командиром группы в ДНД, а это тоже требует сил...

— Трудно тебе? — спросил Ибатулин. — А ты восстанавливайся в университет. Учись! Мы тебя от всех общественных нагрузок освободим.

«Так хотелось еще один отпуск провести на Унже... — слушая товарищей, думал Даврон. — Теперь не порываешься... Надо упущенное будет нагонять. А на Унже сейчас, наверное, такая тишина...»

— Куда это ты начищаешься опять? — через несколько дней спросила Даврона жена, увидев, что он щеткой чистит пиджак. — Ты же каждый вечер заниматься собирался...

— У нашего РМО сегодня по графику рейд.

— Рейд? — Светлана удивилась. — Так ведь говорили, что тебя от всех нагрузок освободят...

— Столько лет мы с тобой женаты, уже целую вечность, — засмеялся Даврон. — Неужели ты не понимаешь, что от этой нагрузки я сам себя никогда не освобожу?

Светлана подошла к телевизору, нехотя включила его:

— Ну, и до которого же часа прикажешь тебя сегодня ждать?

— Как всегда, до полуночи. — Его ответ донесся уже от дверей.

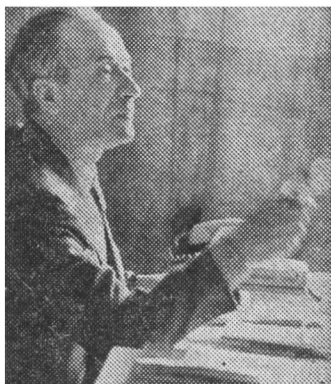
Я уезжала из Душанбе с глубокой верой в Даврона Курбанова и в его товарищей. Впереди у дружинников Душанбинского текстильного комбината знаменательное событие — каждый из них примет Торжественное обещание, и я верю, что они до конца исполнят эту свою присягу.

**ДУШАНБЕ,
ТАДЖИКСКАЯ ССР**

Рис. В. ОЛЕФИРЕНКО.
Фото А. ГОДУНОВА.

МЕДАЛЬ ВДНХ— ЮРИСТУ

Больше четверти века работает в объединении «Узбектекстильмаш» начальник юридического отдела Аркадий Ошерович Гурин. Опыт своего многолетнего труда в народном хозяйстве он обобщил в книге «Правовые формы воздействия

на улучшение экономики производства». В 1973 году в Москве на Выставке достижений народного хозяйства СССР на примере «Узбектекстильмаша» впервые было показано влияние правовой работы на эффективность производственно-технической деятельности, за что Аркадий Ошерович был награжден медалью ВДНХ СССР.

Свой труд на заводе А. О. Гурин совмещает с педагогической работой: он преподает хозяйственное право на юридическом факультете Ташкентского государственного университета. Гурин — заместитель председателя методического совета Министерства юстиции Узбекской ССР.

Фото В. МОЛГАЧЕВА.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

наши
консультации

Комиссии по борьбе с пьянством

В мае 1972 года Центральный Комитет КПСС, а также Совет Министров СССР приняли постановления, направленные на усиление борьбы против пьянства и алкоголизма. Затем Президиумы Верховных Советов союзных республик издали по этому вопросу указы, которыми, в частности, было предусмотрено создание комиссий по борьбе с пьянством. Были утверждены — также указами Президиумов Верховных Советов союзных республик — Положения об этих комиссиях.

Установлено, что комиссии образуются при исполкомах районных, городских, окружных, областных, краевых Советов и при Советах Министров автономных и союзных республик. В необходимых случаях комиссии по борьбе с пьянством могут создаваться и при исполнительных комитетах сельских и поселковых Советов. Комиссии образуются

соответствующими исполкомами местных Советов, Советами Министров союзных и автономных республик и подотчетны им.

Комиссия состоит из председателя (заместителя председателя или секретаря исполкома, заместителя Председателя Совета Министров), заместителя председателя, секретаря и членов комиссии, число которых определяется с учетом объема работы (обычно их бывает 6—12 человек). В ее состав, как правило, входят депутаты, представители профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, коллективов трудящихся, руководители предприятий, работники здравоохранения, просвещения, торговли, органов юстиции, внутренних дел, культурно-просветительных учреждений.

К работе комиссий привлекаются общественники: профсоюзные и комсомольские ак-

тивисты, члены добровольных народных дружин, товарищеских судов, уличных, квартальных и домовых комитетов, женских советов и другие. Из их числа выделяют общественных инспекторов по воспитательной работе среди лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, нарушающих трудовую дисциплину, правила поведения в общественных местах, отрицательно влияющих на воспитание детей в семье.

Комиссии по борьбе с пьянством принимают — в пределах своей компетенции — постановления, которые обязательны для государственных учреждений, предприятий, общественных организаций, должностных лиц и граждан.

Учреждения, предприятия, организации и должностные лица обязаны в двухнедельный срок сообщить комиссии о мерах, принятых ими для выполнения ее постановления.

Каковы задачи комиссий? Главное — это координация деятельности государственных органов и общественных организаций, направленной на борьбу с пьянством, разработка и осуществление профилактических мероприятий.

С помощью организаций и коллективов трудящихся комиссии ведут противоалкогольную пропаганду, активно вовлекают граждан, в особен-

ности молодежь, в общественно-политическую жизнь, занятия спортом, художественной самодеятельностью и так далее. Для ведения противоалкогольной пропаганды, разъяснения того, какой вред наносит пьянство здоровью человека, воспитанию детей, комиссии активно используют печать, радио, телевидение. Лекционная пропаганда проводится в тесном контакте с районными, городскими организациями общества «Знание».

Очень важно наладить эффективную воспитательную работу среди лиц, злоупотребляющих алкоголем, широко привлекать к этому делу представителей общественности, ветеранов войны и труда.

Комиссии контролируют работу органов внутренних дел и здравоохранения по выявлению и учету тех, к кому ранее применялись меры административного или общественного воздействия за пьянство, систематически злоупотребляющих спиртным, неоднократно доставлявшихся в медицинские вытрезвители. Проверяется также деятельность вытрезвителей и лечебно-трудовых профилакториев для хронических алкоголиков, оказывается помощь администрации профилакториев в перевоспитании помещенных туда лиц. Другое серьезное дело — организовать

контроль общественных организаций и коллективов трудящихся за поведением возвратившихся из лечебно-трудового профилактория, а если это необходимо, то и помочь им трудоустроиться.

Комиссии по борьбе с пьянством следят за тем, чтобы работники предприятий торговли и общественного питания строго соблюдали установленные правила продажи спиртных напитков.

Совместно с государственными органами и общественными организациями комиссии принимают меры к тому, чтобы своевременно выявлялись и привлекались к ответственности лица, которые занимаются самогонованием и незаконной продажей спиртного.

Комиссии ведут прием граждан, рассматривают их предложения, заявления и жалобы, касающиеся борьбы с пьянством.

Чтобы комиссии могли успешно выполнять все эти задачи, они наделены соответствующими правами. Они вправе проверять, как на тех или иных предприятиях, в учреждениях ведется борьба с пьянством и алкоголизмом, заслушивать на своих заседаниях сообщения администрации о том, что конкретно делается для предупреждения случаев пьянства, нарушений трудовой дисциплины, организации куль-

турного досуга рабочих, служащих, колхозников.

Если на предприятиях торговли и общественного питания обнаруживают нарушение правил продажи спиртных напитков, комиссия ставит вопрос о привлечении виновных к ответственности, предусмотренной законом.

Комиссии имеют право вносить на рассмотрение исполнительных комитетов Советов различные вопросы, связанные с усилением борьбы против пьянства, входить с представлениями в соответствующие органы и ведомства, учреждения и предприятия.

Комиссии также вправе входить в суд с ходатайствами: о направлении в лечебно-трудовые профилактории хронических алкоголиков, которые уклоняются от добровольного лечения или продолжают пьянствовать после лечения, нарушают трудовую дисциплину, правила социалистического общежития, несмотря на принятые к ним меры общественного или административного воздействия; о признании гражданина ограниченно дееспособным вследствие злоупотребления спиртными напитками.

Немалое значение имеет правильная организация деятельности комиссий. Предусмотрено, что они ведут работу по утвержденным ими планам. Заседание комиссии право-

мочно, если на нем присутствует не менее половины ее состава. Постановления принимаются простым большинством голосов членов комиссии, участвующих в заседании.

На заседания приглашаются — в зависимости от характера рассматриваемых вопросов — представители органов внутренних дел, здравоохранения, просвещения, торговли, культуры и так далее.

В составе комиссий обычно создаются секции: воспитательной работы и противоалкогольной пропаганды; учета и общественного наблюдения за лицами, злоупотребляющими спиртными напитками или страдающими хроническим алкоголизмом; лечебно-профилактическая; организации контроля за соблюдением предприятиями торговли и общест-

венного питания правил продажи алкогольных напитков.

Члены комиссии исполняют свои обязанности, как правило, в свободное от основной работы время. За период выполнения заданий, связанных с отвлечением от основной деятельности, членам комиссии сохраняется заработок по месту их работы, и они имеют право на возмещение понесенных расходов.

Практика показывает, что комиссии — там, где они четко организованы, действуют планомерно, настойчиво, целеустремленно, в полной мере используют свои права, — добиваются хороших результатов в воспитательной работе, противоалкогольной пропаганде, предупреждении и пресечении пьянства.

Е. НОВИКОВ,
юрист

Материальная ответственность предприятий связи

Моя фамилия Григорьев, Станислав Константинович... Сегодня получил от родственников из Душанбе письмо, в котором они сообщают, что более месяца назад послали на мое имя триста рублей. А я до сих пор их не получил...

Работница отделения связи, просмотрев почтовую документацию, извиняющимся тоном сказала:

— Понимаете, произошло недоразумение. Ваш перевод по ошибке доставили другому адресату: тоже Григорьеву, но только Сергею Константинови-

чу. Деньги он получил. В ближайшее время мы взыщем их с него и передадим вам.

— Я не могу ждать.

— Придется,— сказала работница отделения связи.— Не можем же мы из своей кассы выплачивать вам деньги!..

А что на этот счет говорит закон? Прежде всего заметим, что предприятия и организации связи несут ответственность за принятые почтовые отправления. В зависимости от вида корреспонденции и условий, на которых она принята отделением связи для доставки, эта ответственность может быть полной или ограниченной. Например, за утрату заказного письма, заказной почтовой карточки, заказной бандероли предприятия связи платят клиенту 50 копеек. Если утрачена обыкновенная посылка, ценность которой не была объявлена, то независимо от того, что в ней пересылалось, предприятие связи возмещает за нее 2 рубля 50 копеек. Если не доставлена или несвоевременно доставлена телеграмма, либо она искажена и смысл ее от этого изменился, предприятие связи возвращает полученную при подаче телеграммы плату.

Иная ответственность за страховые почтовые отправления — ценные посылки, бандероли и письма, а также за не-

выплату или неправильную выплату денег адресату по почтовому или телеграфному переводу. В случае утраты ценной посылки, бандероли, письма предприятие связи отвечает перед клиентом в той сумме, на которую объявлена ценность. При этом следует учесть, что сумма объявленной ценности почтового отправления определяется самим отправителем в соответствии с правилами, утвержденными Министерством связи СССР, в пределах действительной стоимости вложения.

За деньги по почтовому или телеграфному переводу, по каким-либо причинам не выплаченные адресату (кроме случаев, когда по истечении месячного срока они были возвращены и выданы отправителю), предприятия связи отвечают в полном размере. Поэтому не права была работница отделения связи, когда сказала Григорьеву, что ему надо ждать, пока неправильно выплаченные по переводу деньги не будут взысканы с его однофамильца. По существующим правилам отделение связи обязано выдать Григорьеву деньги, а затем в установленном порядке взыскать эту сумму с его однофамильца.

Кроме возмещения ущерба в случаях утраты почтового отправления или невыплаты денег по почтовому и теле-

графному переводам (если это произошло по вине предприятия связи) клиенту возвращаются и взысканные почтовые сборы.

Если в посылке, ценной бандероли или ценном письме обнаружена недостача вложения либо вложение оказалось поврежденным в пути следования, ответственность определяется по Правилам, утвержденным Министерством связи СССР по согласованию с Министерством юстиции СССР 7 декабря 1971 года. Основой для определения размера материальной ответственности в данном случае является сумма, с которой был взыскан страховой сбор при приеме ценного почтового отправления. Допустим, посылка была сдана без описи вложения, сумма возмещения определяется пропорционально весу недостающей части вложения, независимо от ее фактической стоимости. Например, посылка была сдана без описи вложения с объявленной ценностью в шестьдесят рублей. На ее оболочке и в сопроводительном адресе значится вес семь килограммов. Пришла она на место назначения, а в ней недостает двух килограммов. Как быть? Начинаем считать. Вес оболочки — один килограмм. Следовательно, вес остальных предметов в посылке составляет шесть кило-

граммов, из которых фактически осталось только четыре. Стоимость одного килограмма вложения — десять рублей. За недостающие два килограмма клиенту, таким образом, должны выплатить двадцать рублей.

Сумма возмещения за недостачу в обыкновенной посылке (без объявленной ценности) исчисляется по тому же принципу. Исходная сумма за полную утрату посылки составляет 2 рубля 50 копеек. И если, предположим, в простой посылке с чистым весом пять килограммов недостает двух килограммов, то клиенту выплачивается один рубль.

Предприятия связи несут также ответственность за задержку доставки сверх установленных сроков ценных писем, ценных бандеролей и ценных посылок, а также почтовых и телеграфных денежных переводов в размере тридцати копеек за каждые сутки, но не более одного рубля за почтовое отправление. Если подписчику не доставлены газета, журнал или другое периодическое издание, предприятие связи обязано принять все меры к тому, чтобы их все-таки доставить, а если это невозможно — выплатить подписчику стоимость периодического издания.

Своеобразным видом ответственности является возврат

денег, полученных от клиента в порядке аванса за услугу, впоследствии не оказанную. Так, если по вине предприятия связи не состоялся уже оплаченный междугородный телефонный разговор, то деньги возвращаются. Это правило действует и в тех случаях, когда клиент купил разовый талон на междугородный телефонный разговор, но не использовал его. Деньги могут быть возвращены в течение одного месяца со дня несостоявшегося разговора или покупки талона. При этом следует иметь в виду, что деньги за возвращаемый разовый талон на междугородный телефонный разговор можно получить только в месте его покупки.

Претензия о возмещении ущерба, связанного с ненадлежащим выполнением предприятием связи возложенных на него обязанностей, может быть предъявлена в течение шести месяцев (для телеграмм — в течение двух месяцев) отправителем или адресатом к предприятию связи места подачи или места назначения почтового, телеграфного отправления. Претензии и иски о взыскании стоимости не полученных периодических из-

даний предъявляются к предприятиям связи и «Союзпечати», принявшим подписку. Сроки рассмотрения претензий следующие: по иногородним почтовым отправлениям — 2 месяца; по местным почтовым отправлениям — 5 дней; по телеграммам и денежным телеграфным переводам — 20 дней; по подписке на газеты, журналы и другие периодические издания — 3 дня.

Если претензия отклонена, или в установленные для рассмотрения сроки предприятием связи или «Союзпечати» не дан ответ, заявитель имеет право в двухмесячный срок со дня получения отказа или со дня истечения сроков, установленных для ответа на претензию, предъявить иск в суд или в арбитраж.

В ряде случаев предприятия связи освобождаются от материальной ответственности.

Например, предприятие связи не несет ответственности, если недостача или повреждение почтового отправления произошли по вине отправителя, скажем из-за нарушения правил упаковки или вследствие особых свойств пересылаемого предмета (допустим, из-за порчи фруктов в пути следования).

К. БУДАЕВА,
заслуженный юрист РСФСР,
начальник юридического отдела
Министерства связи СССР

**читатель
на приеме
у юриста**

**И. Зверев
из Калининской области
просит разъяснить,
в каком порядке
ведется застройка
приусадебных
земельных участков:
кто выдает разрешения
на строительство,
какие для этого
необходимы документы
и так далее.**

Приусадебные земельные участки в сельской местности предоставляются колхозникам, рабочим и служащим для ведения подсобного хозяйства, строительства жилого дома и других построек. Все строения и сооружения на приусадебных участках должны возводиться в порядке, установленном законом.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении от 12 сентября 1968 года «Об упорядочении строительства на селе» поручили

Советам Министров союзных республик подготовить и утвердить Правила застройки сельских населенных пунктов, обязательные для всех государственных предприятий и учреждений, общественных организаций, а также для индивидуальных застройщиков. И правительства союзных республик разработали и приняли такие нормативные акты. Например, Совет Министров Российской Федерации 6 мая 1970 года утвердил «Правила застройки сельских населенных пунктов РСФСР».

Предусмотрено, что разрешения на застройку приусадебных участков выдает районный инженер-инспектор государственного архитектурно-строительного контроля или районный архитектор (если в районе нет органа архитектурно-строительного контроля).

Обращаясь с просьбой дать разрешение на производство работ, индивидуальный застройщик обязан представить: заявление, решение о предоставлении ему земельного участка, типовой или рекомендуемый строительно-архитектурным органом проект жилого дома, план застройки участка, документ, удостоверяющий его право на пользование участком.

После представления этих документов разрешение оформляется в течение десяти дней.

Обеспечивает индивидуальных застройщиков проектами и планами застройки районный архитектор.

Установлено также, что все виды строительства и благоустройства в сельских населенных пунктах производятся с разрешения соответствующего исполкома сельского, поселкового и районного (в районных центрах) Совета депутатов трудящихся.

Следовательно, гражданин, которому отведен приусадебный участок, вправе возводить на нем те или иные строения и сооружения только в тех случаях, когда они предусмотрены планом и на это есть разрешение соответствующего исполкома Совета депутатов трудящихся.

Изменить проект в процессе строительства можно только с согласия районного архитектора, а увеличить площадь застройки — лишь с разрешения органа, предоставившего участок.

Индивидуальные застройщики обязаны проводить работы по озеленению и благоустройству участков, содержать в надлежащем порядке как сами участки, так и прилегающие к ним тротуары и проезды.

Если застройщик нарушил утвержденный проект, то, получив указания районного архитектора или представителя государственного архитектурно-строительного контроля, он обязан за свой счет устранить нарушения в установленные сроки.

В. АСТАПЧЕНКО,
старший консультант Министерства
юстиции СССР

В каком порядке предоставляются дополнительные отпуска рабочим, занятым на вредных работах?
К. Павлов, Ленинград.

Ежегодные дополнительные отпуска рабочим и служащим, занятым на работах с вредными условиями труда, предоставляются в соответствии со специальным Списком, утвержденным Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. Продолжительность этих

отпусков — от шести до тридцати шести рабочих дней.

В этом Списке профессии и должности распределены:

по производствам и цехам (независимо от отрасли народного хозяйства);

по отдельным видам работ (независимо как от отрасли народного хозяйства, так и от производств и цехов);

по профессиям и должностям, общим для всех отраслей народного хозяйства.

При этом везде указана продолжительность отпуска для каждой профессии и должности.

Если человек, профессия или должность которого не значится в Списке, выполняет в отдельные периоды работу с вредными условиями труда, предусмотренную в Списке, то он также имеет право на дополнительный отпуск пропорционально времени, проработанному в соответствующем производстве и на определенной работе.

В период работы, дающий право на дополнительный отпуск, засчитываются лишь те дни, когда человек фактически работал во вредных условиях не менее половины рабочего дня. Если же в Списке специально оговорено: «постоянно занятый» или «постоянно работающий», то учитываются лишь те дни, в которые человек фактически был занят на вредной работе полный рабочий день.

Кроме фактически проработанного времени во вредных условиях в стаж работы, дающий право на дополнительный отпуск, включается также время болезни; выполнения государственных и общественных обязанностей, отпуска по беременности и родам, а также время выполнения более легкой работы, на которую переводятся женщины в связи с беременностью и кормлением ребенка.

Дополнительный отпуск за «вредность» предоставляется одновременно с очередным.

Право на полный дополнительный отпуск имеют рабочие и служащие, у которых стаж работы во вредных условиях составляет не менее одиннадцати месяцев. Если стаж меньше, дополнительный отпуск предоставляется пропорционально проработанному времени.

Военнослужащим, уволенным в запас и направленным на предприятия и стройки в порядке организованного набора, ежегодный отпуск, в том числе дополнительный за «вредность», может быть предоставлен по истечении трех месяцев работы авансом в счет отпуска за первый год работы.

Если рабочие и служащие были заняты на вредных работах, каждая из которых дает право на дополнительный отпуск разной продолжительности, время дополнительного отпуска учитывается отдельно по каждой работе.

У инвалидов-слепох, работающих на государственных предприятиях, дополнительный отпуск присоединяется к их основному отпуску продолжительностью 24 рабочих дня.

Дополнительный отпуск присоединяется также и к основному месячному отпуску несовершеннолетних.

А. МИХАЛЬЧИК,
юрист

Расскажите, пожалуйста, о порядке заключения срочных трудовых договоров о работе на Крайнем Севере и льготах, которые эти договоры предусматривают.
И. Коноваленко
из Куйбышева,
А. Александров
из Тулы и другие.

Срочные трудовые договоры о работе в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, заключаются на три года, а на островах Северного Ледовитого океана — два года.

Заклячая такой договор, работник помимо основных льгот, которые получают все работающие в этих районах и местностях (надбавка к заработной плате в зависимости от стажа, дополнительный отпуск, суммирование отпуска, оплата проезда в отпуск и обратно один раз в три

года и так далее), приобретает право на следующие дополнительные льготы:

получение в повышенном размере суточных и единовременного пособия при переезде на работу;

возмещение фактических расходов по проезду к месту прежнего жительства после окончания срока трудового договора или в связи с досрочным расторжением трудового договора по не зависящим от работника причинам;

обеспечение жилой площадью по месту работы и сохранение (бронирование) на все время действия трудового договора жилой площади по месту прежнего жительства;

исчисление в повышенном размере стажа, дающего право на получение пенсии по старости.

Единовременное пособие и суточные в повышенном размере выплачиваются работникам в том случае, если они заключили срочный трудовой договор на той работе, на которую они поступили впервые по прибытии в указанные районы и местности, и если со дня прибытия до момента заключения договора прошло не более трех лет. Если эти лица поступают на временную работу, а затем переходят на постоянную на новое место и заключают там срочный трудовой договор, им также выплачиваются пособие и суточные в повышенном размере. При этом в трудовой книжке делается запись о том, что человек был принят на временную работу и уволен по окончании ее.

Для перезаключения или продления срочного трудового договора о работе на Севере на новый срок требуется согласие обеих сторон — работника и администрации. При отсутствии такого согласия работник может быть уволен с предприятия в связи с окончанием

срока трудового договора. Причем для увольнения по этому основанию не требуется согласия комитета профсоюза.

В случаях, когда истек срок действия трудового договора и работник не был уволен, а продолжает работать на том же предприятии, администрация обязана заключить трудовой договор на новый срок или продлить его, если работник этого требует. Таким образом, работник не лишается дополнительных льгот.

Продлить договор можно на период от одного года и больше, но менее трех лет (а на островах Северного Ледовитого океана — на период от одного года и больше, но менее двух лет).

В местностях, выезд из которых связан с навигацией, трудовой договор может быть продлен и на срок менее года.

Администрация заранее извещает работника об истечении срока договора и увольнении либо необходимости своевременно продлить или перезаключить его. Бывает и так, что по истечении срока договора трудовые отношения работника и предприятия фактически продолжаются и ни одна из сторон не потребовала их прекращения. В этом случае действие договора считается продолженным на общих условиях на неопределенный срок (то есть у работника сохраняется должность или место работы, размер оклада или ставки, продолжительность основного отпуска и так далее, но он уже не получает дополнительных льгот, предусмотренных срочным договором).

Если в дальнейшем он подает заявление об уходе, то, естественно, будет уволен по собственному желанию (а не вследствие окончания срока трудового договора).

При переводе работника с одного предприятия, находящегося на Крайнем Севере, на другое, расположенное там же, действие срочного трудового договора не прекращается. В договор лишь вносятся соответствующие исправления (название нового предприятия, новый должностной оклад, если он изменился, и так далее).

При заключении трудового договора на новый, второй срок (два или три года) работнику выплачивается единовременное пособие в размере 50 процентов среднего заработка (без учета районного коэффициента, вознаграждения за выслугу лет и надбавок за работу в упомянутых районах и местностях). При заключении третьего и последующих договоров единовременное пособие работникам не выплачивается.

Е. ХЛЫСТОВА,
юрист

время.
законы.
люди

АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВ

засада

В апреле и мае 1935 года уголовный розыск получил сведения о нескольких ограблениях продуктовых магазинов. Все грабежи были по одному «образцу». В конце рабочего дня перед закрытием в магазин врывались трое вооруженных бандитов, один из них бросался к кассе, выгребал деньги, и после этого вся банда скрывалась.

Особенно дерзким и вызывающим было ограбление магазина в Мытищинском районе. Бандиты кроме денег забрали ящик шоколадных конфет, у какой-то покупательницы отобрали сумку, нагрузили ее водкой и, ранив кассиршу, которая решилась оказать им сопротивление, скрылись. Мы уже знали, что преступники не первый раз применяют оружие, знали, что они не задумываясь применят его снова, как только почувствуют хоть какую-то опасность.

К тому времени, когда мне поручили подключиться к этим делам, преступники успели совершить четыре ограбления — два на окраине Ростокинского района Москвы, а еще два в Мытищинском районе. Приметы говорили о том, что везде действовала одна банда. Многочисленные свидетели из числа покупателей рассказывали об одном из бандитов, который охотнее других пускал в ход оружие. Одет во всех случаях он был в коричневый вельветовый пиджак, был смугл, длинноволос и похож на цыгана. Для себя мы окрестили его Красавчиком.

— Вот что, Алексей, — сказал мне Александр Алексеевич Жуков, — по распоряжению Виктора Петровича Овчинникова все дела, которые у тебя не закончены, передай старшему по группе, а сам полностью переключайся на эту банду. А то до чего дошло уже — люди боятся по вечерам в магазин ходить, да и сами продавцы, глядишь, не сегодня-завтра начнут разбегаться... И будут правы. С чего начинать думаешь?

— Надо познакомиться с магазинами, где были ограбления... Мне кажется, они должны находиться в хорошо знакомом им районе. Ведь у бандитов были считанные минуты, чтобы скрыться. И каждый раз им это удавалось. Они неизбежно пользуются проторенной дорогой...

— Теперь этот Красавчик... Не исключено, что он действительно цыган... — сказал Жуков, — необходимо срочно установить, нет ли

под Москвой какого-нибудь табора. Ведь у нас до сих пор подобных ограблений не было... Я вот подумал — не кочует ли этот Красавчик вместе с табором? Причем в таборе могут и не знать об его «отхожем промысле»...

Надо сказать, что в те времена еще нередко можно было увидеть медленно передвигающийся по дороге табор из двух, трех, иногда до десятка телег.

В тот же день я установил, что по Северной (ныне она называется Ярославской) дороге, недалеко от станции Лось на опушке большого лесного массива действительно остановился цыганский табор. Близко подходить я не стал. Однако, прикинув на глазок, решил, что табор этот довольно большой — было разбито шесть палаток, недалеко паслись стреноженные кони.

Как подойти к ним? Как спросить о Красавчике? Захотят ли они помочь мне? Или мое появление только спугнет преступника? Пройдя несколько раз по тропинке, которая вела на станцию, я решил вообще отказаться от мысли идти в табор. Надо было искать какой-то другой способ...

И я отправился к уполномоченному поселка.

— Ну что ж, я могу пойти к ним, — сказал он. — Посмотрю, как живут, спрошу, не надо ли какой помощи, спрошу, не обижают ли их кто... Все это несложно. Вопрос в другом — нужно ли?

— В том-то и дело, что нельзя. Если Красавчик там, он сразу все поймет. Не дурак. Вооружен опять же...

— Можно сделать вид, что ищем лошадь...

— Обидятся.

— Послушайте! — уполномоченный хлопнул ладонью по лбу. — Как я сразу не подумал... В поселке у нас живет хороший врач и хороший человек Анна Николаевна... Не помню фамилии, все ее зовут по имени-отчеству. Так вот, к этой Анне Николаевне недавно приходили женщины из табора и просили помочь... Ребенок заболел. Была она у них, вылечила ребенка.

— И еще раз может сходить?

— Конечно. Должна же она ребенка проведать!

— Ну что ж, в этом что-то есть...

По дороге к дому Анны Николаевны я встретил несколько школьников — они катались на велосипедах. Они-то и сказали мне, что несколько дней назад в таборе было какое-то веселье, приезжали гости из города. Подробностей ребята не знали, но, судя по их рассказу, праздник совпал с днем последнего ограбления, когда бандиты помимо денег прихватили конфеты, водку. Конечно, это могло быть простым совпадением, но в нашей работе такие совпа-

дения пропускать нельзя, они могут оказаться той самой ниточкой, которая и приведет к цели.

В общем, к Анне Николаевне я шел в приподнятом настроении. Участковый оказался прав — это была приятная, благожелательная женщина. Когда я показал ей свое удостоверение, она удивилась.

— Не знаю, смогу ли я вам помочь... Ведь я детский врач.

— Нет, Анна Николаевна, мне нужна вовсе не медицинская помощь, во всяком случае пока она мне не нужна. У меня к вам дело совсем другого рода...

— Какого же рода ваше дело? — улыбнулась она.

— Оперативно-розыскного.

— Ого! Это уже серьезно.

— Анна Николаевна, я слышал, вы недавно были в лагере...

— Да, у них заболел ребенок. Простыл. Была высокая температура, но сейчас ему легче...

— Откуда вы знаете, что легче? Вы еще раз были там?

— Нет, я недалеко от станции встретила мать ребенка... Она мне и рассказала.

— Вы долго были в лагере?

— С полчаса.

— Это, конечно, маловероятно, но, может быть, вы заметили среди них высокого мужчину с длинными волосами, в коричневом вельветовом пиджаке?

— Боюсь, что нет... Были среди них мужчины, но в чем они были одеты, нет, не помню...

— Анна Николаевна, а как вы посмотрите, если я попрошу вас опять сходить к ним? Ведь ребенка надо проведать? А?

— Сегодня уже поздно...

— Тогда завтра.

— Я завтра очень занята...

— Я бы сказал — тогда послезавтра, но послезавтра нельзя. Будет поздно.

— А это не опасно?

— Для вас — нет. Тем более что вы у них уже были. Подозрений вы никаких не вызовете.

— Соглашайся, мама, — поддержала меня дочь Анны Николаевны. — Ведь это, кроме всего прочего, еще и интересно! Соглашайся!

— Что я должна там делать? — спросила Анна Николаевна.

— Только врачебные дела. И никаких других. Но попутно посмотрите — нет ли там красавца в коричневом вельветовом пиджаке... Зайдите в другие палатки, посоветуйте проветривать их

или еще что-нибудь... Может быть, подвернется случай спросить, по какому поводу веселье у них было с неделю назад... Говорите громко, это привлекает внимание, вас окружают люди, будут о чем-то спрашивать...

— Ну что ж, до завтра.

Вечером в кабинете начальника Московского уголовного розыска Виктора Петровича Овчинникова состоялось маленькое совещание. Кроме самого Овчинникова были только мы с Жуковым. Я доложил обстановку, рассказал, как продвигается дело.

— Врач — это ты хорошо придумал, — сказал Овчинников. — Но неплохо бы и самому там побывать...

— Есть предложение, Виктор Петрович... Там ребята на велосипедах катаются, все уже к ним привыкли, никто не обращает внимания. Не покататься ли и мне вместе с ними?

— Мальчишки, а среди них дяденька?

— Да какой же он дяденька, Виктор Петрович! — вступился Жуков. — Пусть попробует.

— Хорошо, Алексей. Только очень осторожно.

На следующий день было тепло, солнечно, и я, в майке и трусах, босиком с удовольствием гонял с ребятами на велосипеде, который одолжил у Анны Николаевны. На нас действительно никто не обращал внимания. Мы катались наперегонки по тропинкам, проезжали несколько раз мимо табора, возвращались и чувствовали себя вполне непосредственно. Красавчика в вельветовом пиджаке нигде не было. Но зато в стороне от табора я увидел россыпь конфетных оберток и подобрал несколько штук. А когда возвращался в Москву, заехал в магазин, где грабители прихватили ящик с конфетами.

— Они! — уверенно заявили все продавцы. — Наши конфеты. Те самые.

— Те или не те — это вопрос посложнее, — сказал я. — Но ваши конфеты были в таких бумажках?

— Точно в таких.

Это был первый успех. А второй меня поджидал вечером в квартире Анны Николаевны. Я пришел раньше, она еще не вернулась из табора, и мы с ее дочкой нетерпеливо ожидали возвращения Анны Николаевны.

— Ох, и переволновалась я, — это были ее первые слова, едва она переступила порог. — На старости лет превратиться в сыщика — это не так просто... Иду, сердце колотится, везде вельветовые пиджаки видятся, кажется, все с подозрением смотрят — ужас.

— Так вельветовые пиджаки вам только казались? — спросил я упавшим голосом.

— Не только. Видела я ваш «вельветовый пиджак». Пьяный в траве спал. Все трезвые, а он пьяный. Я так поняла — «белая ворона» он у них.

— И сейчас он там?

— Наверно, там... Это же надо — содранные коленки у мальчишек смазываю, а у самой руки дрожат... — засмеялась Анна Николаевна.

— А насчет праздника, который был неделю назад?

— И о празднике узнала. Не было ни свадьбы, ни дня рождения, не было ничего, что можно было бы заранее подготовить. Одна старушка рассказала, что неожиданно гости из города приехали к Бойко — это и есть «вельветовый пиджак»... Вот и гуляли до ночи.

И снова позднее совещание в кабинете Овчинникова. Но на этот раз мне уже было что рассказать. Разрозненные, вроде бы случайные факты соединились в одну цепь.

— Ну что ж, — сказал Овчинников. — Будем задерживать. Какие предложения?

— Нужно срочно, сегодня же организовать группу, — сказал Жуков. — И направить ее туда.

— В табор?

— В табор все-таки не стоит, — сказал я. — Шуму много, да и детей там полно... А преступники вооружены, начнется перестрелка...

— Тоже верно, — согласился Овчинников. — Трех человек достаточно?

— Вполне.

— А все-таки возьмите четвертого. Пусть с вами идет и инструктор Гетман со служебно-розыскной собакой. Не помешает. Вы говорили, там рядом лес по дороге к станции? Вот в этом лесу нужно устроить засаду. И взять их на тропинке. Быстро и неожиданно. Операция трудная, опасная, это вы знаете. Если что-то

Михаил Иванович
Гетман

произойдет неожиданное — принимайте решение на месте. Старшим группы назначаю Ефимова. Особо предупреждаю — засада должна быть очень тщательной. Иначе провал. И еще... Со дня последнего ограбления прошло две недели. Деньги у них при таких темпах кончаются. Вот-вот состоится новое нападение. Возможны жертвы.

— Да, магазин они уже, пожалуй, наметили,— заметил Жуков.

— Засада может оказаться довольно продолжительной,— продолжал Овчинников.— Всем членам группы необходимо получить продукты на три-четыре дня и запасные обоймы. Вот и все... Желаю успеха.

Машину мы остановили примерно в километре от тропинки, по которой я еще вчера катался на велосипеде. Дорога мне была уже известна, и мы уверенно пришли на место. Из кустов тропинка хорошо просматривалась в обоих направлениях. С самого начала мы решили, что дежурить будем по двое. Это позволило нам наблюдать за тропинкой круглосуточно. Учитывая ночной образ жизни Красавчика — немаловажное обстоятельство.

Прошел первый день, прошла ночь. Красавчик на тропинке не появлялся. Регулярно подходила электричка, регулярно прокатывалась по тропинке волна пассажиров, и опять все стихало, опять мы напряженно и бесцельно всматривались в просвет между ветвями. Нам повезло в том смысле, что стояли очень теплые дни, сухие ночи. Однако лежать на земле неподвижно по несколько часов кряду — занятие не из приятных.

Подходил к концу второй день. Красавчик ни разу не прошел по тропинке. То ли он поджидал вестей из города, то ли почуял что-то неладное. Снова и снова перебирая в памяти каждое свое действие, каждое слово за последние дни, я пытался найти ошибку — в чем мы промахнулись, в чем допустили просчет? Неужели вся эта многодневная засада окажется напрасной?

Я хорошо представлял себе напряженное ожидание там, в МУРе, ведь наши товарищи уже более двух суток не имели от нас никаких вестей. Стоило ли ждать дальше? Не окажемся ли мы в дурацком положении — может быть, Красавчик в

Андрей Иванович
Шурыгин

это время уже спокойно разгуливает по улицам крымского или уральского города, присматривая магазинчик с солидной дневной выручкой?

Решили устроить маленькое совещание.

— Третьи сутки мы здесь,— сказал Андрей Шурыгин.— И никакой пользы. Может быть, пора возвращаться? А, Алексей? Может, напутал ты чего-нибудь? Может, раскрылся?

— Не может быть. Все было сделано чисто.

— Как бы Овчинников не послал за нами... Тогда уж точно засада пропадет.

— Не пошлет. Пакет выдан на четверо суток, значит, он предусмотрел такую возможность,— сказал Виктор Львов.

— Все правильно, все так и должно быть,— успокоил я ребят.— Красавчику незачем каждый день в город ездить. Его уже немало людей знают. Значит, если он покажется на тропинке — ясно, что идет на «дело». Будем ждать. А понадобится сидеть здесь неделю, будем сидеть неделю. Андрей съездит в МУР, доложит обстановку, привезет продукты.

Собака, которая лежала рядом с Гетманом, ни разу не шевельнулась. Значит, все было спокойно, и можно было расслабиться, вздремнуть. Уже перед рассветом я, оставив товарищей, сходил к дому Анны Николаевны. Постучал. Не без труда мне удалось уговорить старую женщину открыть дверь. И только тогда она узнала меня.

— Ну что, Анна Николаевна, какие новости?

— Да никаких вроде...

— В таборе больше не были?

— Нет, но мы и не договаривались...

— Я понимаю, «Вельветовый пиджак» не встречался?

— Нет. Может, переоделся... Я ведь тогда видела его, когда он в траве спал, в лицо узнать не смогу.

— Ну хорошо, Анна Николаевна... Извините за вторжение.

— Может, чайку попьете?

— Нет, спасибо. Светает уже.

В лесу было уже довольно светло, когда я вернулся. Собака

Виктор Александрович
Львов

зарычала, но, узнав меня, успокоилась. За время моего отсутствия ничего не изменилось. Наша третья ночь в лесу заканчивалась так же безрезультатно, как и две предыдущие.

Неожиданно в кустах раздался громкий шорох — это Виктор Львов спрыгнул с дерева, на которое забрался, чтобы лучше видеть тропинку. Пригнувшись, он подбежал к нам.

— Идут! — только и сказал он.

Присмотревшись внимательнее, мы увидели на тропинке троих мужчин. Они быстро шли в сторону станции. Мы рассмотрели коричневый вельветовый пиджак на одном из них.

— Что будем делать? — спросил Гетман. — Ожидали одного, а дождались целой банды.

— Ничего, бывало и похуже. Будем брать... Подпустим поближе. Уж сейчас-то они наверняка не ожидают нападения.

Когда до бандитов оставалось несколько метров, мы неожиданно выскочили из кустов и бросились к ним:

— Стой! Стрелять будем! Не двигаться!

В первый момент наши крики, пистолеты в руках, само неожиданное появление из кустов произвели на них какое-то ошеломляющее впечатление. Но они очень быстро пришли в себя и, не сговариваясь, бросились врассыпную, открыв беспорядочную стрельбу. Это усложняло дело. Во-первых, нам пришлось рассыпаться, а во-вторых, операция оказалась сложнее, чем мы думали, — все бандиты были вооружены.

Как-то само собой получилось, что за Красавчиком бросились Гетман с собакой и Андрей Шурыгин. Виктор побежал за вторым бандитом, я — за третьим. Прошли буквально считанные секунды с тех пор, как мы выскочили из засады, но теперь в нескольких местах слышались беспорядочная стрельба, крики, собачий лай — лес словно проснулся.

После нескольких бессонных ночей бежать, петляя между деревьями, продираясь сквозь кусты было очень тяжело. Я понял, что не смогу догнать своего «подопечного», расстояние между нами постепенно увеличивалось. Кончились патроны, и, пока я перезаряжал свой маузер, преступник скрылся в кустах. Когда я бросился вслед за ним, оказалось, что мне здорово повезло, — кусты почти сразу же кончились, и я увидел бандита на поляне. Но он уже был довольно далеко и приближался к лесу. Я остановился и, прицелившись, выстрелил несколько раз. Бандит упал. Когда я, совершенно обессилевший, подбежал к нему, он лежал, тяжело дыша, с поднятыми над головой руками.

— Не стреляй, — сказал он. — Сдаюсь.

Оказалось, что я так и не попал в него. Но просвистевшие над головой пули нагнали на бандита такого страху, что он, споткнувшись о какую-то корягу, уже не смог подняться. Пистолет он выбросил в лесу, когда кончились патроны.

Я посмотрел на часы. Было восемь утра. Где мы оказались, я не знал даже приблизительно. Бежали зигзагами, преступник все время менял направление, петлял. Насколько мы удалились от места засады за время сумасшедшего бега, определить было совершенно невозможно. Теперь передо мной стояла еще одна нелегкая задача — как быть с преступником в незнакомом месте, когда не знаешь куда идти, сколько придется идти, а знаешь только, что с этого детины нельзя спускать глаз ни на секунду.

Прошел час, второй, третий. Мы шли, несколько раз меняя направление, выходили на какие-то поляны, огороды, снова углублялись в лес. Перешли глубокий овраг, который я даже не запомнил в пылу погони, потом вышли на проселочную дорогу, но места были незнакомые. Тогда я решил своих не искать, а двинуться по этой дороге. Куда-нибудь она приведет. А если повезет встретить людей, бандита можно будет связать.

Так мы прошли еще около километра, и вдруг я услышал далекий, едва различимый крик:

— А-лек-сей!

Значит, меня искали. Ответить я не смог — не было сил. Подняв маузер, выстрелил в воздух. И тут же послышались ответные выстрелы. Через некоторое время из-за холма показался Виктор. Он бросился ко мне:

— И ты тоже ведешь!

И только тогда я понял, что и остальные товарищи задержали преступников.

Когда мы собрались вместе, было уже около двух часов. Погоня продолжалась шесть часов.

Связав всех троих задержанных преступников, мы могли немного передохнуть, препоручив их собаке.

— А быстро бегают Красавчик, — рассказывал Михаил Гетман. — Не будь со мной собаки — ушел бы. Мы кричим, стреляем вверх — он хоть бы хны! Никакого внимания. Пришлось снять поводок... Тогда все стало проще. Уже через минуту слышим — сдается, — Михаил засмеялся.

— А где Андрей Шурыгин? — спросил я.

— На станцию пошел. Надо ведь в МУР позвонить.

Вскоре подъехали две машины, на которых прибыли наши товарищи вместе с Овчинниковым и Жуковым.

Вот, собственно, вся история моей самой продолжительной за-
сады. Остается только добавить, что два нагана, выброшенных бан-
дитами во время погони, мы нашли. Впоследствии преступников опоз-
нали работники магазинов, и вскоре состоялся суд. Все трое были
приговорены к исключительной мере наказания, к расстрелу.

Впоследствии за проведение этой операции я был награжден
грамотой и месячным окладом. Получить награду из рук Вик-
тора Петровича Овчинникова было очень приятно. Она и сейчас
хранится у меня, эта грамота, отпечатанная на толстой грубой бума-
ге, грамота, полученная почти сорок лет назад. Были потом и дру-
гие награды, более высокие, более почетные, но эта до сих пор
остается одной из самых ценных для меня.

Рис. С. ХАЛИЗОВА.

представляем юридические журналы

«СОСИАЛИСТ ГАНУНЧУЛУГУ» («СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ»)

Рассказывает главный редактор МАГЕ-
РАМ МУСЕЙБОВИЧ АЛИЕВ.

Первый юридический журнал Азербайджана «Сосиалист ганунчулугу» начал выходить с 1966 года. Сейчас это бюллетень Министерства юстиции, прокуратуры и Верховного суда республики. Издание наше рассчитано на судей, прокуроров, адвокатов, юрисконсультов, нотариусов, общественников. Мы

публикуем материалы, освещающие работу юридических учреждений, и научные статьи, посвященные тем или иным теоретическим проблемам юриспруденции.

Наши читатели с интересом знакомятся с обобщениями судебной практики по различным категориям дел, материалами, в которых рассказывается о деятельности юридических служб, поднимаются сложные проблемы юридической практики. Большое внимание уделяет журнал вопросам координирования деятельности органов дознания, предварительного следствия, суда, прокуратуры. Часто печатаются статьи об участии общественности в правовой, воспитательной, профилактической работе среди населения. Кроме того, мы постоянно знакомим читателей с содержанием новых союзных и республиканских законов, постановлений, пленумов Верховного Суда СССР и Верховного суда республики.

На страницах журнала постоянно ведутся рубрики «Наши комментарии», «Юридическая консультация», «Наш юридический словарь», «Люди нашей профессии», «Информация».

В заключение остается добавить: тираж «Сосиалист ганунчулугу» превышает тридцать тысяч экземпляров. Журнал выходит на русском и азербайджанском языках, объем его — три печатных листа.

**судебная
хроника**

ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...ИНФОРМАЦИЯ...

Работники магазина «Дом фарфора» в Москве — заведующая секцией Усанова, ее заместители Рогова и Балкина — организовали преступную группу с целью хищения государственных средств. Делали они это, завышая стоимость боя посуды, а также стоимость товаров. Однако размер получаемой прибыли их не удовлетворял. Тогда они вступили в сговор со спекулянткой Дятловой и стали передавать ей дефицитные фарфоровые изделия, за что получили 1960 рублей взятки.

Московский городской суд приговорил Усанову к десяти, Рогову и Дятлову — к девяти, Балкину к восьми годам лишения свободы.

Когда Талканову, потерявшему талон на получение чемоданов, работники Ашхабадского аэропорта предложили указать их содержимое, он предпочел скрыться, оставив паспорт и весь багаж. Когда открыли чемоданы, в них оказалось 140 меховых шапок-ушанок на сумму 1640 рублей. Возвратившись к себе в Каспийск, Талканов заявил в органы милиции об утере паспорта.

Попытка скрыть спекулятивную деятельность не удалась. Талканова разыскали, а народный суд приговорил его к трем годам лишения свободы и конфисковал шапки.

Художники продовольственной базы Узбекской республиканской конторы «Гастроном» Крылов и Варагин, вступив в сговор с директором типографии треста «Узоргтехстрой» Усмановым и переплетчиком Логиновым, занялись изготовлением поддельных дипломов, которые сбывали, разумеется, не бесплатно. В течение двух лет они изготовили 150 поддельных документов. К сожалению, оказалось достаточно желающих незаконно приобрести их. Подпольная фабрика процветала. Из-за ротозейства некоторых работников отделов кадров самозванцы с дипломами устраивались на весьма солидные должности. Например, неоднократно судимый Тулаев с девятиклассным образованием устроился заведующим сектором в физио-техническом институте Академии наук Узбекской ССР и работал там в течение трех месяцев. Но, почувствовав «трудности», уволился по собственному желанию.

Все преступники приговорены к различным срокам наказания.

**по промесу
прокурора**

Приказами по Навашинской межколхозной строительной организации (Горьковская область) оформили на работу пятерых подростков, не достигших пятнадцати лет.

Прокурор Навашинского района опротестовал эти приказы как противоречащие законодательству о труде. Согласно статье 173 Кодекса законов о труде РСФСР прием на работу лиц моложе шестнадцати лет не допускается. Только в исключительных случаях по согласованию с фабричным, заводским или местным комитетом профессионального союза могут приниматься на работу лица, достигшие пятнадцати лет.

Председатель Навашинской МСО В. Мочалин рассмотрел протест прокурора и отменил незаконные приказы.

Правление колхоза «Степной» Степновского района (Ставропольский край) приняло решение, на основании которого из заработка бухгалтеров двух колхозных бригад удержали по 20 процентов за несвоевременное предоставление отчетов.

Прокурор Степновского района принес протест на это решение по следующим соображениям: несвоевременное предоставление отчетов без уважительных причин — это нарушение дисциплины, то есть служебный проступок, за что на виновных правление колхоза вправе наложить одно из дисциплинарных взысканий, предусмотренных статьей 35 Примерного Устава колхоза, который принят Третьим Всесоюзным съездом колхозников и утвержден постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 ноября 1969 года (СП СССР 1969 года № 26, статья 150). В числе дисциплинарных взысканий денежные санкции не предусмотрены.

В протесте прокурора ставился вопрос об отмене незаконного решения и возврате удержанных сумм. Протест рассмотрен и удовлетворен.

„ПРОШУ ВАС СОХРАНИТЬ МНЕ ЖИЗНЬ“

**— ТАК ЗАКАНЧИВАЛАСЬ ТЕЛЕГРАММА,
КОТОРУЮ НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ ШИРОКИХ
ПОСЛАЛ В МОСКВУ**

Кого могут оставить равнодушным эти слова? Кто написал их: опасный преступник, приговоренный судом к исключительной мере наказания, или невинно осужденный?

Скажем сразу — жизни Николая Ильича Широких ничего не угрожало. Но за его призывом к органам прокурорского надзора, конечно же, стояла драма. Драма особого рода, о которой мы попробуем рассказать...

Итак, 1965 год. Работник Главмосстроя Николай Ильич Широких получает из Большого Нарыма письмо от своей дочери Люды, жившей у матери — первой жены Николая Ильича. Девочка просила отца забрать ее к себе. «...Папа, я живу у соседки Деевой, недалеко от трассы. Папа, неродная бабушка выгнала меня, и я буду жить у соседки Деевой, пока Вы не приедете. Папа, если будет суд, то я скажу, что поеду с Вами. Папа, не волнуйтесь, я буду говорить, что с Вами послу. Вышлите мне фото, а то я Вас не видела и не знаю...»

Суд, о котором писала Люда, состоялся. Вот строки из его решения:

«Мать Людмилы, Москвина Мария Афанасьевна, недостойно себя ведет, воспитанием ребенка не занимается, сама постоянно пьянствует, ведет аморальный образ жизни, нигде не работает. Поэтому Широких Н. И. обратился в суд с иском к Москвиной М. А. о лишении ее прав материнства на дочь Людмилу рождения 1952 года.

Суд считает, что иск подлежит удовлетворению».

Николай Ильич с двенадцатилетней Людой приехал в Москву. Дело было решено в его пользу, быстро и справедливо. Тогда, почти десять лет назад, ни у кого не возникало сомнений в благородстве помыслов Николая Ильича.

Вскоре Николай Ильич получает новую квартиру. Учитывая его производственный стаж, а также возросшую семью — теперь кроме девочки от второй жены с ними жила и Люда, квартиру ему дали трехкомнатную. Хорошую, большую квартиру. Но получилось так, что какого-то определенного места в квартире Люде не нашлось. Правда, это не вызвало в семье никаких трений, поскольку Николаю Ильичу с трудом, но все же удалось определить Люду в лесную школу, а потом и в интернат. После не очень-то счастливых лет, проведенных со спившейся матерью, девочке надо было поправить здоровье, да и в учебе она отстала. Во всяком случае, такое объяснение Николая Ильича всех устраивало.

Трудно объяснить то, что произошло дальше. Предоставим слово Люде:

— Дома у нас стали возникать скандалы. Мачеха, я ее к тому времени называла мамой, уже без стеснения кричала на меня, причем... употребляла самые непристойные ругательства. Когда я пожаловалась отцу, он ответил, что, мол, от своей матери ты еще и не такое слышала, так что скажи еще спасибо, что я тебя из помойной ямы вытащил... Однажды мачеха сказала при мне отцу: «Делай с ней что хочешь, а мне она не нужна». «Но если бы не она, мы не получили бы эту квартиру», — отвечал отец...

И дальше наша история будет о том, как Широких Н. И. — «очень культурный, вежливый и отзывчивый человек», как он сам писал в одном из судебных заявлений, настойчиво и планомерно выживал дочь из дому. Неужели, спросите вы, четверым так уж тесно в большой трехкомнатной квартире? Неужели пятнадцатилетняя девочка, которая бывает дома всего несколько дней в месяц, может принести столько неудобств, что терпеть ее нет никаких сил?

Нет. Николай Ильич и его супруга Александра Ивановна смотрели в будущее. Не знаю, кто из них смотрел дальше, глубже, прощикновеннее, но обоим виделась уже взрослая дочь, которая может, к примеру, в один прекрасный день выйти замуж и, вполне возможно, останется жить дома. А потом у нее появится ребенок, а где один, там и второй. А тут еще подрастает дочь от второго брака.

И Николай Ильич, начисто отгородившись от здравого смысла и забыв про совесть, пустился во все тяжкие...

Отказ платить за дочь в интернат. Нетерпимая обстановка дома. Девочке негде спать, нечего надеть. «Уходи и больше не приходи» — эти слова она слышала не один раз. Потом ее лишили ключей от квартиры. Теперь она должна была ждать под дверями, пока кто-нибудь вернется и впустит ее в дом. Потом выяснилось, что у нее слишком большой аппетит, о чем ей заявили с подкупающей простотой, которая не допускала двоякого толкования. А кроме того, оставалось еще такое мощное средство воздействия, как явное физическое превосходство отца над дочерью, и доблестный Николай Ильич вовсе не собирался отказываться от этого преимущества. Он все чаще поколачивал дочь, поскольку заметил, что это приносит свои плоды — Люда приходила домой все реже.

Понимая, что все это, так сказать, полумеры, Николай Ильич настойчиво искал такой способ выселить дочь, который бы сразу, одним махом, решил всю проблему. И вот, отпросившись как-то с работы, он понес документы дочери в райком комсомола. Так, мол, и так, сказал он, дочь моя — романтик по натуре, но скромный человек, не решается прийти к вам сама. Она просит послать ее в какой-нибудь отдаленный район на молодежную стройку. Очень просит не отказать. Готова выехать хоть сегодня в ночь. Николаю Ильичу объяснили, что несовершеннолетних детей на молодежные стройки не посылают.

Когда Люде пришлось время получать паспорт, она вдруг обнаружила, что у нее самым странным образом пропало метрическое свидетельство.

— Не страшно, — успокоил ее отец. — Москва и так перенаселена. Получишь паспорт в Казахстане.

Но Люда все-таки получила паспорт. Поступила работать. Сдала экзамены и была принята в медицинское училище. Вступила в комсомол. Она явно, на глазах отца и мачехи, выходила на свою дорогу в жизни. И чем ближе была ее полная самостоятельность, чем становилась она взрослее, тем настойчивее выпроваживали ее из дому. И она бы ушла, давно бы ушла, если бы... было куда уйти.

Сопротивление дочери только озлобляло супругов. И вот «доблестный» Николай Ильич решил покончить с полумерами. Придя вечером домой и неуверенно нащупывая дорогу из одной комнаты в другую, он тем не менее уверенно и твердо сказал дочери, что больше за себя не ручается, что терпение его кончилось...

На следующий день Николай Ильич на работу не явился. И еще две недели не видели его на строительной площадке. Пятнадцать суток ареста получил он за хулиганство и избиение дочери. Приговор Николаю Ильичу не понравился, он показался ему неспра-

ведливым, потому как хулиганят, по его убеждению, только на улице. А дома, дома те же самые действия называются воспитанием.

А что же люди вокруг? Ведь видели они все, слышали. Неужели молчали? Нет. И то, что Николай Ильич получил первое серьезное предупреждение в виде пятнадцати суток лишения свободы, было заслугой соседей. Именно к ним приходила Люда, наткнувшись на закрытые двери, у них ночевала, спасаясь от отца, у них, как говорится, находила и пищу и кров. Чаше она бывала у Колотовых, которые жили рядом, на одной площадке.

Николаю Ильичу не откажешь в инициативе. Пока десятки людей, разбирая его жалобы и протесты, решали — справедливо или несправедливо его осудили на пятнадцать суток, он тем временем нашел Люде «бабку с жилплощадью», которая, по его заверениям, «долго не протянет». Потом он решил было сосватать Люду за дружка, но и это начинание успеха не имело. Тогда он решил выводить дочь в общежитие и уже начал хлопотать насчет документов, подтверждающих, что дочери совершенно негде жить.

Но не успел.

Гагаринский районный отдел народного образования предъявил Николаю Ильичу иск. Состоялся суд. И — лишил Николая Ильича родительских прав.

Двойственные чувства охватили его после суда. С одной стороны, он добился того, чего хотел, — к дочери он теперь не имел никакого отношения, а двадцать рублей алиментов платить оставалось не так уж долго — Люде шел семнадцатый. Маленькая деталь. На суде выяснилось, что Николай Ильич уже платит алименты... своей нынешней жене Александре Ивановне, платит на воспитание дочери, которая живет с ними в одной квартире. Какой, спрашивается, смысл? А смысл есть. Дело в том, что алименты на двоих детей не могут превышать трети зарплаты. Значит, каждой из своих дочерей Николай Ильич будет платить по одной шестой зарплаты, то есть Люде достанется не четвертая часть, а всего шестая.

Через некоторое время состоялся еще один суд, подтвердивший права Люды на маленькую, но изолированную комнату в квартире ее отца. Самые худшие опасения Николая Ильича сбылись. И — поехала-поехала! Многие и многие как районные, так и городские, областные, общесоюзные организации, призванные стоять на страже прав граждан, вскоре зарегистрировали поток жалоб. Это Николай Ильич взымал к справедливости. Он просил повременить со вступлением решения суда в силу, писал заявления, требуя не выдавать дочери отдельного лицевого счета, настаивал на незаконности суда,

лишившего его родительских прав. А увидев, что его усилия не приносят ощутимых результатов, перестал пускать Люду в ее комнату. Так продолжалось, пока наконец в отделении милиции не потеряли терпения. Тогда «в гости» к Николаю Ильичу пришли милиционеры, судебные исполнители, слесари, представители жэка и дружными усилиями врезали в дверь новый замок, а ключ отдали Люде. Кстати, все это время Люда жила у Александра Александровича Колотова и его жены. Вскоре они стали ее опекунами, а потом, привязавшись к девочке, удочерили ее. И стала она Колотовой Людмилой Александровной.

Не будем подробно рассказывать, каких душевных страданий все это стоило Люде. Каждый может легко представить себе и ее положение, и ее чувства, мысли.

Люда заболела, медицинское училище, о котором она столько мечтала, пришлось оставить, год пропал впустую. Все судебные передриги, в которые Николай Ильич втянул семью, отнимали столько времени, здоровья, нервов, что ни о какой учебе не могло быть и речи.

Вряд ли здесь стоит приводить документы, рассказывающие, как Николай Ильич через судебных исполнителей передавал своей дочери ее личные нехитрые вещички.

Но вот одно заявление привести стоит. Оно дает наглядное представление о взаимоотношениях Николая Ильича и его дочери после того, как судом ей была выделена отдельная комната.

«Копия. Заявление. Прошу обследовать в моей квартире кухонный стол Л. Н. Широких и составить соответствующий акт, так как стол негабаритный».

А однажды под хмельком Николай Ильич взял в руку графин с водой и пошел врукопашную с криком... Нет, не будем говорить, с каким криком он пошел отвоевывать когда-то принадлежавшие ему территории. Заглянувший к Люде Колотов был повержен и отеснен на лестничную площадку. Продолжая преследовать отступившего противника, Николай Ильич на какое-то время потерял над собой власть и...

Да, опять состоялось заседание районного суда. И хотя все в зале, включая судью, прокурора и народных заседателей, уже лично знали Николая Ильича, его осудили к одному году лишения свободы.

Вот строчки из дополнения к жалобе — как видите, Николай Ильич писал не только жалобы, но и дополнения к ним, разъяснения, уточнения... «Колотов и его жена задались целью во что бы то ни стало перетянуть мою дочь на свою сторону в корыстных це-

лях — занять двухкомнатную квартиру и еще получить прибыль, так как моя дочь уже самостоятельная и будет работать на Колотова. Колотов и его жена надели на Люду уздечку и правят ею, как хотят. Дочери деваться было некуда...»

В последнем Николай Ильич был совершенно прав — девочке деваться было некуда. И, как говорится, слава богу, что нашлись люди, которые не только взяли ее в свой дом, но приняли как родную, удочерили. Да и так ли уж редко мы встречаем случаи, когда, казалось бы, совершенно чужие люди берут на воспитание ребенка, во всем заменяя ему родителей!

Однако вернемся к Николаю Ильичу, коротающему время в местах не столь отдаленных. На досуге он писал письма дочери... оставляя себе копии.

«Копия. Здравствуй, Люда! Прочти это письмо и подумай, куда тебя могут завести твои хозяева. Ты уже взрослая и должна понимать этот сорт людей. Они для тебя были чужими и останутся чужими, а я был отец и останусь отцом, который подал тебе руку в твою пропасть за несколько тысяч километров, отцом, у которого отсудили тебе жилплощадь... Приходи, я тебе посоветую, как лучше поступить. А когда письмо прочитаешь, сразу порви».

Среди людей с нечистой совестью, попирающих нашу мораль и нравственность, есть и такие, которым очень хочется выглядеть в глазах окружающих вполне респектабельными. Сделав подлость, они запасаются справками и копиями справок о том, что морально устойчивы и вовремя платят за квартиру, каждый свой шаг стараются запротоколировать и «на всякий случай» запастись свидетелями о том, что хорошо относятся к животным. Казаться, а не быть — их кредо. Хорошо зная о своих грешках, они всю жизнь собирают оправдывающие доказательства для грядущего суда.

Вот и сейчас Николай Ильич, отбывший свой срок, как всегда, находится накануне очередного суда. Он подбирает документы, ведет кулуарные беседы с соседями, выясняя их точку зрения, чтобы не попасть впросак с выбором свидетелей. Дело в том, что с тех пор, как Николай Ильич обрел свободу, в его жизни произошли некоторые перемены. Поскольку жить в одной квартире с отцом было невозможно, даже имея ключи от своей комнаты, Люда и Александр Александрович Колотов обратились за помощью в райисполком. Там их выслушали и пошли навстречу. Дали двухкомнатную квартиру, а комнату Люды передали в ведение районного отделения внутренних дел, справедливо решив, что, кроме милиционера, человека, специально подготовленного к неожиданным опасностям,

умеющего ориентироваться в самой сложной обстановке, жить в ней никто не сможет.

«Заявление. Злые соседи Колотовы из седьмой квартиры приглубили мою дочь и разлучили меня с ней».

«Заявление. Председателю комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкоме. Как отец своей родной дочери, я требую организовывать мне встречи и беседы с ней в нечетные числа. Люда в какой-то мере допоймет меня в отношении жилплощади...»

«Заявление. Перейдя к Колотовым, Люда не появляется в обществе, не участвует в массовых гуляниях, что может привести к ее полному одичанию».

«Копия. Добрый день, Люда! Люда-Люда! Почему ты позволяешь себе не знаясь со мной, с кровным отцом?.. Если бы я знал, что ты так со мной поступишь, в жизни бы не поехал за тобой — мне-то и алиментов оставалось платить всего шесть лет. Но я тебя пожалел, не посчитался с трудностями, потратил 250 рублей. А теперь время наступило встретиться с тобой — ты должна уплатить мне 250 рублей по-хорошему, это тебе любой юрист скажет».

И вот мы сидим с Николаем Ильичом за столом в его квартире, а между нами — толстая пачка документов. Он листает эту пачку, и кажется, что он листает дни своей жизни. Каждая бумажка будит в нем воспоминания, бережит незажившие раны, и он готов тут же со страстным негодованием рассказать историю одного из своих поражений.

Вот ответ из Прокуратуры РСФСР, датированный 1970 годом. Ответ прислан вместе с документами жалобщика на тридцати страницах. А вот совсем свежий ответ уже из Прокуратуры СССР. «Ваша повторная жалоба на решение суда по делу о лишении родительских прав рассмотрена и оставлена без удовлетворения. Судом установлено, что Вы злоупотребляли своими родительскими правами в отношении дочери, жестоко обращались с ней, а потому суд в соответствии со статьей 19 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье обоснованно удовлетворил иск Гагаринского роно о лишении Вас родительских прав. Для опротестования решения суда оснований нет.

Приложенные Вами документы на 133 страницах возвращаем».

Сколько же люди потратили времени на разбор всех этих жалоб, заявлений, писем, протестов, адресованных едва ли не во все центральные газеты, горком комсомола, в прокуратуры, начиная от районной и кончая Прокуратурой СССР, в советские и партийные органы!

— Николай Ильич, а зачем вам все это? — спрашиваю я.

— Я хочу, чтобы восторжествовала справедливость. Люда должна вернуться домой.

— Но ведь Люде, простите, уже двадцать два... Неужели вы думаете, что кто-то сумеет заставить ее вернуться к вам?

— Должны заставить. Я ее отец.

— Николай Ильич, поймите, никто не сможет это сделать. Только вы сами. Неужели вам больше не о чем поговорить с ней, кроме как об этой комнате? Ведь дочь все-таки!

— Да, у нее здесь комната. В этой квартире.

— Но это уже не ее комната.

— Нам отсудят ее, когда Люда вернется. Меня лишили родительских прав незаконно. У меня сто двадцать два факта, которые подтверждают, что я относился к ней по-отцовски.

— Какие факты, Николай Ильич?

— Ну как... Я, например, протянул ей кровную руку за несколько тысяч километров и привез ее в Москву, не считаясь с расходами. Я ей из Кисловодска поздравительную открытку послал, больше десяти писем написал...

— А она отблагодарила,— включается в разговор Александра Ивановна.— Нашу квартиру сделала общей. К Колотовым переметнулась, думает — богатые, помрут, мне все достанется. И те рады — зарплату небось им отдает. Корыстолюбцы.

— Послушайте, Николай Ильич,— говорю я,— но ведь вы живете рядом, на одну автобусную остановку ходите... Неужели вы не можете встретиться с Людой, поговорить, вместо того чтобы писать все эти заявления.

— А она не хочет разговаривать. Ей Колотов запретил. А сам Колотов, скажу я вам, третий десяток лет с женой нерасписанный живет!

— Как же они Люду удочерили?

— По знакомству!

— Больше всего мне обидно, что квартира наша общей стала,— с неожиданной болью произнесла Александра Ивановна.

— Ничего,— твердо сказал Николай Ильич.— Я заявление в Верховный суд направил. Мне передали, что... что... В общем, вернем комнату.

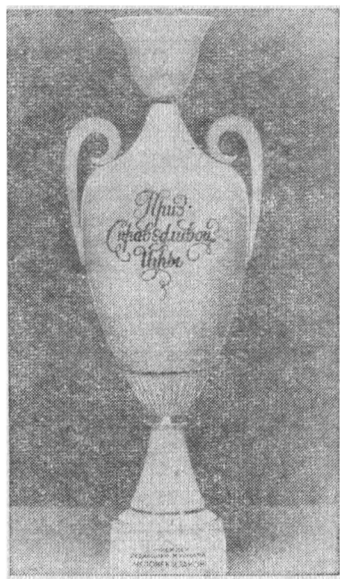
И я подумал — а ведь искренне просил Николай Ильич в телеграмме, адресованной прокурору, сохранить ему жизнь. Ведь для него и Александры Ивановны эти девять метров — жизнь. От всей многолетней нервотрепки у Николая Ильича почти отнялась рука, он не может работать, как прежде, постарел. Не пошли эти годы на пользу и Александре Ивановне. Но энергии супругам не

занимать и сегодня, когда они начинают новый этап своей борьбы. И опять Люда не чувствует себя в безопасности — Николай Ильич заглядывает к ней на работу, чтобы побеседовать с ее начальством, и опять Колотовы, случается, не могут заснуть до глубокой ночи после телефонного звонка или личного посещения Николая Ильича, и опять десятки людей вынуждены копаться в делах десятилетней давности.

Есть люди, которых почему-то знают и в местном исполкоме, и в суде, и в прокуратуре, и в милиции. Везде они свои, везде к ним обращаются по имени-отчеству, а не просто отвлеченно-уважительно — «товарищ». Они приходят в эти служебные коридоры привычно, с деловитой озабоченностью, точно зная, кто принимает сегодня с утра, кто — после обеда, они знают, чья именно подпись нужна под той или иной бумажкой, знают, где чьи права кончаются, а где чьи — начинаются. Бывают случаи, когда эти люди подсказывают должностным товарищам, что им надлежит делать, а чего делать не положено. Иногда они даже пытаются страшать этих должностных товарищей.

Речь идет о людях, которые здесь, в этих коридорах, небольших кабинетах, приемных, залах заседаний, проводят самые активные годы жизни, а страсти, не находящие себе выхода дома, на работе, на стадионе, kloкочут здесь торжествующе и необузданно. Кстати, именно здесь прозвучали впервые слова, вынесенные в заголовок. «Прошу вас сохранить мне жизнь!» — воскликнул в одном из кабинетов Николай Ильич Широких, и лишь потом эти слова уже попались на телеграфном бланке.

Такие вот дела, такая история... Довольно невеселая и пока еще не законченная, но рассказать ее стоило хотя бы для того, чтобы еще раз напомнить, что есть очень хорошие законы, охраняющие наших граждан от всевозможных склочников и сутяг. А раз законы есть, надо применять их, чтобы не оказаться беззащитными, если однажды в нашу дверь вдруг постучит какой-нибудь Николай Ильич и потащит за рукав в помещение ближайшего суда.

ПРИЗ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН» — САМЫМ КОРРЕКТНЫМ ФУТБОЛИСТАМ

Значение футбола во всем мире давно вышло за рамки простой игры в мяч. И в нашей стране футболу отдают свой досуг многие тысячи зрителей и миллионы телезрителей. Красивая, корректная и техничная игра может оказывать большое воспитательное воздействие и на тех, кто в ней участвует, и на тех, кто за нею следит с трибун.

Инициатива нашего журнала учредить приз для награждения самой корректной и дисциплинированной футбольной команды высшей лиги поддержана президиумом Федерации футбола СССР.

Согласован с Федерацией футбола и статут нового приза.

Вот основные его положения. Призом награждается самая корректная футбольная команда высшей лиги, основной состав которой по итогам сезона (только в играх на первенство страны и на Кубок СССР) имеет наименьшее число штрафных очков, определяемых из расчета: одно предупреждение, записанное судьей в протокол соревнования, — 2 очка, одно удаление игрока с поля — 5 очков.

Приз переходящий, вручается представителями редакции журнала и Федерации футбола СССР по окончании футбольного сезона.

Перед началом нового сезона команда — владелец приза сдает почетный трофей редакции журнала.

Приз изготовлен на ленинградском фарфоровом заводе имени М. В. Ломоносова и представляет собой белую вазу с золотым окаймлением, высотой 47 сантиметров. Автор эскиза — заслуженный художник РСФСР В. Л. Семенов.

Перед вручением приза на нем выгравировывается название команды и год присуждения.

Команда, сумевшая завоевать приз три года подряд, получает его навечно, а редакция изготавливает новый приз.

Команды, занявшие в соревновании второе и третье места, награждаются почетными грамотами.

Мы надеемся, что «Приз справедливой игры» послужит стимулом в борьбе против «грязного» футбола, за его техничность и подлинную силу.

Успехов вам в этом благородном соревновании, товарищи футболисты!

МАЛЬЧИК С ЖЕНСКИМ ИМЕНЕМ

Говорят, дети всегда остаются детьми. Даже и трудные, даже те, которых помещают в воспитательно-трудовые школы. Так говорят. Я не согласен.

...Случилось это пятнадцать лет тому назад.

Его привел милиционер. Он подал мне конверт с восковой печатью — его документы. Не на белый конверт я смотрел, а на синие, как фиалки, глаза ребенка. Хотел в них понять все, прежде чем рассмотреть досье. Досье часто обманывает, но детские глаза — никогда.

Коротышка с хорошими чертами лица, в оборванных одежках, в протертых туфельках, с давно не стриженными волосами. Сколько лет? Меньше десяти.

Смотрел в его хитрые глаза и думал: «Когда, братишка, успел стать преступником?»

Его глаза спрашивали: «Будет ли мне хорошо здесь?»

Разговаривали взглядами и молчали.

— Мне нужно идти, — нарушил молчание милиционер.

Подписаны бумаги. Он козырнул и вышел.

Остались мы одни.

— Как тебя зовут?

— Маша.

Удивился. Неужели он из тех, которых называли недоразвитыми? Только этого мне еще не хватало. Нет. Хитрый взгляд говорит об ином.

— А имя-то женское?

— Угу...

Снова замолчали. Не знал, о чем и говорить с ним.

— Будешь учиться у нас.

— Хорошо, дядя.

Не засмеялся, хотя впервые меня называли «дядей». Пригласил дежурного воспитателя, зачислил к нему ребенка, и оба они вышли. Через секунду парнишка снова открыл дверь, показал свое улыбающееся лицо и сказал:

— До свидания! — махнул рукой и исчез.

Я раскрыл конверт с документами. Честно говоря, не все из них я сразу прочитывал. Хотелось сперва видеть ребенка своими глазами, понять его, оценить.

«Направляется к вам... (следовали фамилия, имя), карманный по кличке Маша для определения в школу...» Подпись, печать.

Потом прочитал длинные протоколы следствия...

Отец мальчика исчез неизвестно куда. Просто ушел с другой и больше не давал о себе знать. Трое детей. Маша самый большой. Мать работала весь день, чтобы прокормить их. Начал «работать» и Маша. Сначала «в розницу» — заходил в ближайшую школу и воровал мелкие монеты из ребячьих пальто в раздевалке. Потом переключился на трамваи. Кто может заметить коротышку, затерявшегося где-то у ног людей? Рост как раз на уровне карманов, назначение которых, между прочим, хранить кошельки с деньгами...

А однажды к нему подошли двое. Взрослые. Незнакомые.

— Это ты Маша?

— Я.

— Хочешь выиграть двести левов?

Ребенок вытаращил глаза.

Проинструктировали его. Через час двое вошли в магазин часов и драгоценностей. Они несли с собой два чемодана — один большой, другой — поменьше.

— Хотим купить часы — двое. Но чтобы были хорошие. Деньги не имеют значения.

— Вот вам «Докса». По сто левов...

Они быстро отсчитали деньги.

— Нам хотелось посмотреть Софию, но с этими большими чемоданами... — начал один из них.

— А нельзя ли оставить их здесь? — добавил второй.

Продавщица согласилась.

Было одиннадцать часов. В половине первого она закрыла магазин и пошла обедать. Чемоданы остались. И в одном из них — Маша. Он откинул изнутри крючок, вышел и стал полным хозяином блестящих товаров, хранившихся в магазине. Сначала взял все деньги из ящика. Потом ручные часы и драгоценности, не трогал только то, что на витрине. Затем поискал под столом и в нижних полках. По инструкции он должен брать так, чтобы на первый

взгляд ничего не было заметно... И он строго ее соблюдал. Правда, с маленьким дополнением: взял один будильник, двенадцать ручных часов спрятал в своей одежде. К открытию магазина оба его приятеля пришли и очень заторопились.

— Не успеем на поезд. Спасибо большое.

Продавщица улыбалась.

Через минуту она поняла, что ограблена. Но ей и в голову не пришло, что виноваты эти двое. Позвонила в милицию. Осмотр. Протокол. Никаких следов взлома. Случай, казалось, ясный. Инсценировка. Но грубая. Продавщицу задержали...

А в это время Маша передавал деньги, драгоценности и часы.

— Вот тебе твои двадцать левов.

— Ведь надо было двести?

— Ты не так понял. Двадцать. Но для компенсации возьми и этот будильник. Он большой и дорогой. И самое главное — звонит. Зачем тебе эти мелочи?

И они уехали. Он не знал даже их имен. Приехали и уехали. Только лица запомнил... Потом один из двенадцати спрятанных им часов пошел продавать.

— Дядя, продать тебе часы? Всего за пятнадцать левов.

Незнакомец посмотрел на часы.

— Хорошо. Если есть еще, куплю все.

— У меня еще одиннадцать. Идемте со мной. Но платить будете сразу. Даю часы — даете деньги.

— Согласен.

«Дядя» был оперативным работником милиции.

— Так уж мне повезло, — позднее жаловался Маша мальчикам.

Продавщицу освободили, а Маша приехал к нам. Те двое остались на свободе. Никто не мог сказать о них ничего, даже Маша.

...Да, очень рано ты начал, парень. Но если кто-нибудь начнет обвинять тебя — будет не прав. Пусть-ка он лучше поищет твоего отца. Вот кто настоящий виновник. Его бы отправить кое-куда, а не тебя. К сожалению, до сих пор ни с одного отца не спрашивали за то, что по его вине ребенок стал преступником...

Я держал в руках протоколы и думал...

«Маша, ведь ты в первом классе. Где же будешь учиться, если у нас школьники только с третьего класса? Ничего, пойдешь в соседнюю школу, в сельскую, а жить и заниматься будешь у нас...»

Машу поглотила жизнь в школе, он стал самым маленьким воспитанником, который всегда находился в конце строя. Но никто не обращал на это внимания, как никто не интересовался, почему его продолжают называть нежным женским именем Маша...

Однажды ко мне зашли Васил, Кискин, Пират...

— Разрешите?

— Слушаю.

Они подали мне лист бумаги.

— От имени всех школьников,— торжественно сказал Васил.

На листе было написано:

«Товарищу директору... Заявление. Мы, ученики школы, не бандиты и разбойники, наш коллектив не «бандитская конура», как любят называть нас в селе. Мы решили доказать им это. Просим Вашего разрешения открыть в школе буфет без продавца.оборотные средства будут наши, из личных наших денег. Когда буфет будет иметь свои деньги из прибыли, мы вернем их кредиторам. Знаем, что Вы разрешите, и поэтому ждем Вашего слова...»

Затем следовало сто тридцать подписей. Столько, сколько учеников было в школе.

Почему не разрешить? Разрешил. На общем собрании было избрано руководство — Васил по хозяйственной части, Кискин — бухгалтером, Цане — закупщиком.

За один день в мастерской был сделан шкаф, собраны деньги, закуплены товары — марципаны, шоколад, конфеты, вафли, карандаши, перья, конверты и бумага для писем... Шоколада приобрели мало — тогда он был дорогим, и денег на него не хватало. Для кассы Васил поставил коробку из-под конфет, поднял верхнюю крышку и написал на ней: «В кредит — никому. Честно». А сверху прејскурант.

Было решено каждый вечер проверять состояние кассы.

На первой вечерней проверке Васил докладывал:

— Все в полном порядке.

Школьники радостно закричали «ура».

На следующий вечер Кискин сообщил:

— Ребята, все в порядке.

И мальчики опять кричали «ура».

И так целый месяц.

Однажды вечером Цане сообщил:

— Авария!

Лица построенных воспитанников помрачнели.

— ...В кассе на один лев и две стотинки больше,— добавил он.

Помрачневшие лица засияли. На этот раз соседние села услышали, что где-то кричат «ура».

Один лев и две стотинки! Вы дорожке, чем миллиарды Рокфеллера...

Смотрел на ребят и старался отгадать, кто из них не взял сдачи или опустил деньги, не купив ничего. Кто его знает? Но все равно благодарю вас, друзья.

А в то время крестьяне вокруг возмущались, что учителя в школе «Максим Горький» якобы заставляют ребят каждый вечер кричать «ура». И при этом полным голосом. Так нельзя воспитывать...

Но однажды действительно произошла авария. Кискин с болью сообщил:

— Дефицит из двух и пятидесяти.

Все ждали, что он дополнит: «больше» — и улыбнется, но он грустно отошел в сторону.

В этот вечер в деревне было тихо. На другой вечер опять стояла тишина.

— Не хватает трех левов...

— Созвать общее собрание,— крикнул кто-то.

Созвали. Было решено закрыть буфет, пока не будет найден вор. Вызывающе и страшно повис замок на буфетном шкафу...

Прошла неделя. Вор не выдавал себя. И опять общее собрание.

— Пусть тот, кто посягнул на нашу честь, поймет, как нечисто и нечестно его дело! — сказал председательствующий Павел и объявил решение об открытии буфета заново.

Опять улыбнулись детские лица, опять вызывающе смотрели лакомства из буфета... Но... только один день. А вечером:

— Четыре с половиной лева, братишки,— проплакал Васил.— Голову ему снесу, как клопа раздавлю!..— И убежал в спальню.

На общем собрании бушевал ураган. Я смотрел и слушал. Учителя и воспитатели молчали. Васил бесновался:

— Встань, увидим тебя, негодяя! Червяк ты, не человек! Гадина! Где ты, а?

И он осматривал всех по одному.

— У кого ворует ты, скотина? У себя ворует! Встань, не прячься, совесть нечистая! Доказали, что мы бандиты, разбойники, бандитская конура. Ведь и ты подписался, не так ли? Встань и скажи, кто ты такой!

Никто не вставал. Как улей, жужжала комната...

Тогда Васил подошел ко мне, сунул руку в задний карман и вынул двести левов.

— Товарищ директор, раз никто не встает, значит, вор среди нас не находится. У кого деньги? У меня. Можно ли мне взять, сколько захочу? Возможно, я вор.

— Садись на свое место,— сказал я ему тихо.

— Не сяду,— крикнул он.— Вот ваши деньги, и заставьте меня

уйти домой. Или отправьте меня в тюрьму. Я вор! — громко и гневно повторил он.

— Я не привык, чтобы школьники кричали на меня! — сказал я.

— Я не кричу. Говорю только правду.

— Правда другая.

— Хорошо. Но потом не жалейте! Все свидетели, что я признался и возвращал вам деньги, а вы их не взяли.

И он убрал деньги в задний карман.

Собрание закончилось. Наступила полночь, и школьники пошли в спальню. Завтра их ждали ученье и работа.

Остался я в дирекции один на один со своими мыслями. Их прервал Павел:

— Нет Василя в постели.

Вздрогнул.

— Где он?

— Никто не знает.

На дворе была зима. Холодная, суровая родопская зима... Искали его повсюду. Не было его. Значит, убежал. Даже своей шинели не взял.

Убежал... убежал... убежал... Голова раскалывалась на части. Насколько подло, низко, нечисто! Как потом верить в человека, в доброе начало, заложенное в нем? Не обман ли все, что мы делаем? Может быть, взаимно обманываем друг друга: мы — детей, а дети — нас? Не напрасен ли наш труд, не попусту ли сидим так рано? Нет... нет... нет! Не торопись, товарищ директор. Он, возможно, здесь. Где-нибудь в деревне. Вот сейчас вернется, постучит в дверь и, улыбаясь, скажет: «Васил здесь». Не торопись! Ты так часто торопишься...

Но если не вернется?

Васил не вернулся. Ясно! Он вор. Опытный, подлый, несправильный вор. Ничего. Жизнь у нас продолжается. Нам нельзя останавливаться.

Встал, вышел и распорядился:

— Откройте буфет! Нет среди нас больше вора.

Зазвонил школьный звонок, снова бегали дети, снова толпились они возле буфета рядом с дирекцией, снова входили и выходили из класса преподаватели... Жизнь! Она всегда неутомима — горюпитс, бежит вперед. Она существует и за этими стенами. А у меня на душе холод, отчаяние.

В дверь постучали.

— Входите!

Тишина. Никто не вошел. Наверное, мне показалось. Но через минуту снова постучались — ясно, отчетливо: тук... тук... тук...

— Входите!

Опять никого. Я встал и открыл дверь. В коридоре играл Маша. Он вернулся из школы прежде, чем зазвонил наш звонок.

— Ты стучишь?

— Нет, — удивился он.

Мурашки поползли по моему телу. Вошел в дирекцию. Не схожу ли я с ума? Или это какие-нибудь галлюцинации? Что происходит со мной?

И в это мгновение снова ясное, нервное, быстрое: тук... тук... тук...

Вскочил и быстро открыл дверь. Маша! В трех шагах от двери буфета.

— Почему стучишь?

— Не стучу, товарищ директор.

— Врешь! Скажи, почему стучишь?

Схватил его за воротник, но боялся потерять самообладание, отпустил.

— Но.. Я не стучал, товарищ директор... — И его глаза наполнились слезами.

Кому верить? Ушам своим или его глазам?

Снова пришел в себя. Сжал голову ладонями.

И сразу: тук... тук... тук...

Как будто орудия стреляли рядом со мной...

И в это мгновение поднял меня страшный крик:

— Стой!..

И что-то хлопнуло в коридоре.

Не помню, как очутился там, но то, что увидел, никогда не забуду. Ошетинившийся, посиневший от мороза, Васил держал руки Маши, а в них, в этих маленьких ручонках, — марципаны и шоколад.

— Будешь красть, гадина?

Он хотел ударить мальчика. Я схватил его руку, но он выскользнул, взял звонок и начал изо всех сил звонить. Потом обратился к Маше, который попробовал положить ворованное на место.

— Держи их, подлец, держи! Сжимай! Сейчас увидишь, как они сладки!

Коридор наполнился недоумевавшими школьниками и преподавателями. Все удивлялись, почему не вовремя зазвонил звонок.

— Созывается общее собрание, — громко закричал Васил и повел Машу к большой комнате.

Я понял все. Вором был Маша. Он ведь возвращался из сельской школы, когда наши школьники еще находились в классах. В коридоре в это время никого нет. Вот он и брал все, что захочется. А Васил поймал его. На общем собрании сделал вид, будто обиделся, обидел и меня и как бы убежал. А сам забрался на чердак, поднял крышку и сквозь отверстие, через которое мы залезали туда и которое находилось рядом с дирекцией и над буфетом, наблюдал, кто возьмет товар без денег. И когда увидел, что Маша, боязливо оглядываясь, приближается к буфету, постучал, надеясь, что я выйду из кабинета. Но Маша слышал мое «входите» или мои шаги и отходил подальше от буфета. И тогда Васил понял, что директор в его замысле не разобрался. Он прыгнул с четырехметровой высоты точно тогда, когда Маша запустил руку грабить буфет,— и маленький воришка попался.

Мне было и радостно, и грустно. Почему Васил скрыл свои намерения от меня? Почему не доверился? Всю ночь без шинели и одеяла в январский мороз он провел на чердаке. Одиннадцать часов! Как же мне было стыдно за все плохое, что думал о нем?

Все собрались в большой комнате.

Начался самый страшный суд в жизни Маши.

Воспитанники стояли полукругом, учителя спереди, а перед ними — судьи: Васил, Кискин и Цане. Я сидел в углу. А Маша — в центре круга. Бледный, с поникшей головой, без ремня, неподвижный. Стоял он с зажатыми в руках ворованными марципанами и шоколадом.

Не было прокурора, не было защиты и публики. Только один обвиняемый и много обвинителей.

Мальчишки гневались, ругались, никто не сказал доброго слова о маленьком человечке в кругу. Не было и того, кто мог бы указать на смягчающие вину обстоятельства. Маша молчал, упорно смотрел в пол, поворачивался к каждому, кто высказывался, потому что у нас был такой порядок. Он все больше бледнел, плечи все больше и больше опускались. Казалось, он становился меньше ростом...

— Я предлагаю не разговаривать с ним целый год, пусть становится в строй один в десяти шагах за нами, пусть ест один за столом,— предложил кто-то.

Другому этого мало.

— Я считаю, что нужно незамедлительно выгнать Машу из школы. Как у Макаренко. Становимся в строй, он выходит перед строем, дежурный командир пинком в зад выгоняет его на улицу. Там дорога широкая.

— Нет,— настаивает третий,— пусть останется в школе. Но посадим его в подвал на десять дней на хлеб да воду. Можно и соль. И запретить ему вообще проходить мимо буфета.

— Только битье его исправит. Поэтому предлагаю бить,— выкрикнул крепыш с руками, как лопаты.

Маша сжимал губы, но еще сильнее сжимал марципаны и шоколад в руках, да так, что от них остались только маленькие шарики из фольги и бумаги. Он упорно смотрел поверх своей обуви, и только лицо его говорило, что ему небезразлично то, что здесь говорится и предлагается. Было удивительно, что этот маленький ребенок не плачет. Ведь в таких случаях дети всегда плачут, считая слезы самым надежным средством защиты. А Маша стоял, молчал и не плакал.

Из правого угла поднялась чья-то рука, и мрачная фигура Павла возвысилась над остальными.

— Я слушаю вас, и мне стыдно.

Он говорил медленно, отчетливо.

На красивом его лице можно было прочитать негодование.

— Маша вор, разбойник, мошенник, тип, чучело, пень, червяк. В час болгарского языка захочешь, но не найдешь столько сравнений. А что за вор он? Когда человеку девять лет, он не ворует. Он берет только то, что ему необходимо. Я не защищаю его. Поймите — не защищаю! Он не взял, он вправду своровал то, что ему нужно. Но я спрашиваю вас, почему? У тебя, Петр, есть деньги в кармане, да? Есть, потому что тебе их кто-то шлет. Есть кому слать. А знаешь ли ты, есть у Маши деньги или нет? Не знаешь. И по твоему мнению, мы должны посадить его в подвал на хлеб и воду. И в виде благодеяния давать соль... У тебя, Манол, тоже есть деньги. Даже больше, чем тебе нужно. Поэтому ты на каждой перемене торчишь у буфета, а в столовой мямлишь, что питание недоброкачественное. И ты считаешь, что нужно выгнать этого ребенка из школы... Ты дал бы ему пинок прежде, чем выгнать? Скажи, ударишь ли ты его?

Манол молчал. Молчали все.

— Хорошо, выгоним его. А кто из вас подумал о том, куда он уйдет. Он не знает тех двух «благодетелей», чтобы разыскать их и «работать» на них... У всех вас есть деньги, и вы толкаетесь за лакомствами. Но кто из вас хоть раз спросил, есть ли у Маши стоппики, чтобы и он встал в очередь рядом с вами и купил себе марципан? Есть такие? Пусть встанет, увидим его! Нет таких. С тех пор, как он находится среди нас, не обнаружился никто, кто может выслать их ему. Мать его должна думать об остальных двух детях.

А отец?.. У него нет отца... Пусть простит меня товарищ директор, но и он не догадался отпустить немножко денег для этого ребенка из бюджета школы, чтобы у него было на что купить, а не воровать. Потому что ему больше всех нас хочется сладкого. Я предлагаю: вместо наказания собрать ему по десять стотинков от каждого из нас, чтобы у него было на что покупать. И тогда он не будет красть. Я кончил...

Сел. И стало тихо, тихо, как будто никого не было в комнате.

В кругу плакал Маша. Он все-таки заплакал. Слова Павла открыли плотину в синих его глазах, и из них потекли соленые ручейки детского страдания. Он старался плакать потихоньку, чтобы не нарушить насыщенной виной тишины, давившей на плечи всех нас.

Я смотрел на плачущего ребенка и думал о своей вине, именно о ней напомнил мальчик, вверенный нам для воспитания. И молчал, как все. Виновный всегда должен молчать!

Только Васил нарушил тишину:

— Думаю, что надо изменить порядок голосования. Предложение Павла пойдет в первую очередь, несмотря на то, что оно было последним. Кто согласен с Павлом, пусть поднимет руку.

Голосовали все. Потом все тихо вышли.

Я шел по коридору и думал о том, как мало мы знаем своих воспитанников.

Тогда я понял, что дети всегда остаются детьми. Особенно трудные дети, которых к нам посылают.

И другое понял: один ребенок за минуту стал мужчиной. Девятилетним мужчиной.

Маша оставался в школе еще семь лет. И никогда ничего не воровал...

**г. РАКИТОВО,
ОКР. ПАЗАРЖИК,
НРБ**

Перевод с болгарского Д. ИГНАТОВА.

УИЛЪЯМ ФОЛКНЕР

РАССКАЗ

Попробую рассказать вам о Монахе.

Он был слабоумным, может быть, даже кретином: совершенно незачем было сажать его в тюрьму. Но когда его судили, у нас был тогда молодой окружной прокурор, метивший в конгресс, а Монах не имел ни родственников, ни денег, ни даже адвоката. И по-моему, он вообще не понимал, зачем ему адвокат или хотя бы что такое адвокат. Так что суд назначил ему защитника, тоже молодого человека, только-только принятого в коллегию, который, кажется, знал о практическом применении уголовного права лишь чуть больше самого Монаха. И в ходе суда он, возможно, представил того виновным или просто забыл, что можно сделать заявление об его умственной неполноценности, поскольку Монах ни на секунду не отрицал, что покойного убил именно он. Во всяком случае, никто не помешал Монаху сие утверждать или просто повторять. Он не раскаивался, но и не хвастал. Похоже было, что он пытался кое-что объяснить людям, задержавшим его у труп до прибытия помощника шерифа, помощнику шерифа, надзирателю и соседям по камере (бесшабашным неграм, арестованным за бродяжничество, азартные игры и продажу виски в закоулках), мировому судье, предъявлявшему обвинение, адвокату, которого назначил суд, и присяжным. Через час после убийства он вроде уже не мог припомнить, где это произошло; он даже не мог вспомнить человека, которого, по собственному утверждению, убил; своей жертвой он назвал (да и то по намеку, подсказке) нескольких людей, которые были живы-здоровы, и даже одного из тех, кто в это самое время находился тут же, в конторе мирового судьи. Однако он не отрицал, что вообще убил кого-то. Здесь не было настойчивости, здесь была просто невозмутимая констатация факта; голос Монаха был ясным, искренним и благожелательным, когда он пытался объяснить, рассказать что-то такое, в чем судьи не смогли разобраться и потому отказывались даже его выслушать. Он не раскаивался, не пытался подыскать оснований для снисхождения, чтобы избежать расплаты за содеянное. Казалось, он пытался что-то обосновать, используя представившуюся возможность навести мост через бездну между собой и миром, миром живых людей могучей и многострадальной земли; подтверждением может служить та странная речь, которую он пятью годами позже произнес на эшафоте.

Но, с другой стороны, ему и незачем-то было жить на этой земле. Он появился на свет, точнее, возник; никто не знал, родился он там или нет — в этой холмистой, поросшей сосновым лесом местности в восточной части нашего округа; местности, где двадцать пять лет назад (Монаху было примерно двадцать пять) почти не было дорог и куда не показывался даже окружной шериф; местности непроницаемой, почти дикой, населенной объединенными в кланы людьми, не подчинявшимися никому и ничему. Посторонние не проникали сюда, пока несколько лет назад автомобили по хорошим дорогам не пробились сквозь зеленые твердыни в край, обитатели которого с искаженными шотландско-ирландскими фамилиями женились на родственницах, гнали самогон и стреляли во всех

чужаков из-за бревенчатых сараев и живых изгородей. То были хорошие дороги и переправы, по ним пробрался в Джефферсон не только Монах, но и состоявшая наполовину из слухов легенда о его происхождении. Дело в том, что те люди, среди которых он вырос, видимо, так же мало, как и мы, знали историю старухи, жившей, как отшельница, даже среди этих на редкость обособленных людей в бревенчатом домике, с заряженным дробовиком, стоявшим прямо за наружной дверью, и ее сына, который не ужился с местными жителями, совершил убийство и бежал, а возможно, был изгнан. И никто в течение десяти лет не знал, где он и что с ним, как вдруг однажды он вернулся с женщиной; эту женщину с жесткими блестящими, отливающими металлом городскими волосами и суровым белым тоже городским лицом видели только издали, когда она ходила по двору или просто стояла в дверях и оглядывала зеленую пустыню с выражением холодной, зловещей и невидящей непостижимости. Заряженный дробовик иногда, это было известно, пускала в ход и притом беспощадно, но беспощадно по-змеиному, игнорируя местный почти светский ритуал сперва предупредить, а затем уже браться за оружие. Потом оба исчезли. Никто не знал, когда и почему они скрылись, как не знали, зачем и когда появились. Кое-кто поговаривал, будто однажды ночью старая леди, миссис Одлетроп навела на них дробовик и прогнала из дома и из округи.

Так или иначе, они исчезли; и прошли месяцы, прежде чем соседи обнаружили, что в доме находится ребенок, младенец; принесли его туда или он родился там — опять-таки никто не знал. Это и был Монах. А дальше рассказывалось, что через пять или шесть лет из дома понесло трупным запахом; несколько человек вошли туда, где старая миссис Одлетроп уже с неделю лежала мертвой, и обнаружили маленькое существо в одной рубашке из наматрасника, силившееся подняться дробовик, стоявший в углу рядом с дверью. Они так и не смогли поймать Монаха. То есть им не удалось схватить его сразу, а другой возможности не представилось. Но он далеко не уходил. Люди догадывались, что он откуда-то следил за ними и когда тело готовили к погребению, и когда предавали земле. Некоторое время не попадался на глаза, хотя все знали, что он где-то поблизости, а в ближайшее воскресенье вдруг обнаружили, что он голыми руками и палкой вкапывается в могилу. К тому времени там уже была большая нора. Ее засыпали, и ночью несколько человек устроили в кустах засаду, чтобы поймать мальчика и хотя бы накормить. Но им снова не удалось схватить его — маленькое неистовое тельце (теперь оно было нагим) выскальзывало из рук, словно смазанное, и он скрылся без единого собственного человеку звука. После этого некоторые из соседей стали приносить еду в пустой дом и оставлять ее там. Но никто ни разу не видел ребенка. Лишь через несколько месяцев они услышали, что он живет у бездетного вдовца, старика по фамилии Фрейзер, известного самогонщика. Кажется, он прожил там десять лет, пока Фрейзер не помер. Очевидно, Фрейзер и дал ему кличку, с которой он приехал в город, потому что никому не было известно, как называла его старая миссис Одлетроп. И вскоре уже вся округа знала его или, по крайней мере, привыкла к нему — невысокому парню,

слегка расплывшемуся, словно ему было тридцать восемь, а не семнадцать, с безобразным, совершенно тупым наивным лицом, черты которого, должно быть, в большей степени, чем выражение, снискали ему прозвище Монах. Он платил человеку, подобравшему и выкормившему его, безграничной и нерассуждающей собачьей верностью и, как говорили, в восемнадцать лет гнал фрейзеровский самогон не хуже самого Фрейзера.

Это было все, чему он научился,— тайно гнать и продавать виски, что запрещалось законом. И это еще больше усиливает парадокс той памятной речи в день, когда ему натянули на голову черный капюшон за убийство начальника тюрьмы. Все, что он знал,— это верность человеку, который кормил его и учил что делать, как и когда; поэтому когда Фрейзер умер и кто-то, проезжавший мимо на грузовике или в лимузине, сказал ему: «Давай, Монах, прыгай сюда», он влез в машину, словно бездомная собака, и приехал в Джефферсон. С тех пор местом его жительства стала заправочная станция в двух или трех милях от города, где он спал на тюфяке в задней комнате, если тюфяк не был уже занят клиентом, слишком пьяным, чтобы вести машину или идти пешком; здесь он научился обращаться с бензиновой помпой и правильно давать сдачу, хотя главной его обязанностью было помнить, в каком месте песчаной канавы, прорытой в пятистах ярдах от станции, спрятаны полупинтовые бутылки. Он был уже известен в городе и носил яркую городскую одежду, на которую сменил свой комбинезон: цветные рубашки, линявшие после первой стирки, соломенные шляпы с лентами, расползавшиеся после первых капель дождя, и башмаки со шнурками, разваливавшиеся прямо на ногах,— добродушный, невосприимчивый к обидам, разговорчивый, когда его кто-нибудь слушал, с грубоватым тупым лицом, хитрым и сонным одновременно, бледным даже под загаром, со странными признаками недостаточной связи между чувством и разумом.

Он жил здесь уже семь лет до той субботней ночи, когда на земле позади заправочной станции (он никому не причинял вреда, но, как я уже говорил, у Монаха не было ни денег, ни друзей, ни адвоката) был обнаружен мертвец, над которым стоял Монах с пистолетом в руке. Там были еще два человека, находившиеся с убитым весь вечер, и Монах все старался поведать державшим его, а затем помощнику шерифа то, что потом пытался высказать своим искренним и доброжелательным голосом на суде, словно звук выстрела разрушил в нем тот барьер, за которым он жил двадцать пять лет, и теперь благодаря мертвому телу у своих ног он вдруг преодолел пропасть, отделявшую его от мира живых людей.

Дело в том, что у него было представление о смерти не шире, чем у животного,— и о смерти человека, лежавшего у его ног, и позднее о смерти начальника тюрьмы, и о своей собственной. Вещь эта, у его ног, была просто чем-то таким, что никогда больше не будет ходить, говорить или есть и поэтому ни для кого не будет источником ни добра, ни зла; безусловно, ни добра, ни пользы. Он не обладал чувством утраты, непоправимого конца. Ему было жаль эту вещь, и только. Я не думаю, чтобы он сознавал, что эта смерть повлечет за собой целую цепь, поток воздаяний, которые кому-то придется платить. Ибо он не отрицал, что совершил это,

хотя отрицание не принесло бы ему пользы, так как двое спутников убитого находились там, чтобы свидетельствовать против него. Но он и не отрицал, хотя не мог даже объяснить, ни что произошло, ни из-за чего вышла ссора, ни даже, как я уже говорил, где это произошло и кого он убил, заявив однажды (и это я уже говорил), что жертвой его был человек, стоявший в тот момент в толпе, хлынувшей вслед за ним в контору мирового судьи. Он все время просто пытался высказать то, что накопилось у него на душе за двадцать пять лет и от чего он лишь теперь нашел возможность (или, может, только подходящие слова) освободиться. Но только через пять лет, на эшафоте, ему удалось наконец сказать это (или что-то другое), чтобы в конце концов выяснить свои отношения с древней, могучей, многострадальной землей, сказать то, что стремился сказать, но не мог, потому что его лишь теперь научили, как выразиться. Он пытался объяснить это помощнику шерифа, который арестовал его, и мировому судье, который предъявлял ему обвинение; он стоял в зале суда с таким выражением лица, какое бывает у людей, ждущих возможности заговорить. Когда читали обвинительный акт: **«...Против порядка и достоинства суверенного штата Миссисипи, что вышеназванный Монах Одлетроп, умышленно, злонамеренно и с заранее...»** — он вдруг перебил читавшего пронзительным и высоким голосом, который, замерев, оставил на его лице то же выражение изумления и неожиданности, какое было на всех лицах:

— Меня зовут не Монах, мое имя Стоунволл Джексон Одлетроп¹.

Представляете? Если это было его имя, то он не мог слышать его уже почти двадцать лет, с тех пор, как умерла его бабушка (если та женщина была его бабушкой): ведь он не мог припомнить даже обстоятельств убийства, совершенного месяц назад. И выдумать этого он не мог. Он не мог знать, кто был такой Стоунволл Джексон, чтоб назвать себя так. Он и в школу-то ходил всего один год. Несомненно, старый Фрейзер посылал его туда, но пробыл он там недолго, учеба даже в первом классе сельской школы оказалась ему не по силам. Об этом он рассказывал моему дяде, когда решался вопрос о его помиловании. Он не помнил толком, когда и где была эта школа и почему он ее бросил. Но что ходил туда, помнил, потому что ему там нравилось. Ему запомнилось только, как они все вместе читали по книжке. Что читали, не знал, потому что не понимал, о чем там говорилось; теперь не мог написать даже своего имени. Но он говорил, что было очень хорошо держать книжку и слышать все голоса вместе, а затем ощущать (он говорил, что не слышал собственного голоса) и свой голос среди остальных, потому что, как он выражался, в горле у него свербело. Так что о Стоунволле Джексоне он ни разу не слышал. И все же у него было это имя, унаследованное у земли, у почвы, доставшейся ему от людей, сделавшихся отверженными, — нечто вроде горькой гордости и неукротимой стойкости земли и тех мужчин и женщин, что топтали ее и спали в ней.

¹ Stonewall (англ.) — каменная стена. Так прозвали Джексона, генерала армии конфедератов. (П р и м. п е р е в о д ч и к а).

Его осудили пожизненно. Это был один из самых коротких процессов, когда-либо проводившихся в нашем округе, потому что, как я говорил, никто не жалел убитого, и, казалось, никому не было дела до Монаха, кроме моего дяди Гэвина.

Монах до этого ни разу не ездил в поезде. В вагон он вошел, прикованный наручниками к помощнику шерифа, в комбинезоне, которым кто-то, возможно тот самый суверенный штат, чей порядок и достоинство он оскорбил, снабдил его, и в новой, еще чистой, украшенной яркой лентой шляпе наподобие панамской, которую он купил перед тем роковым вечером (было только первое июня, а он провел в тюрьме шесть недель). Ему досталось место у окна, и он, прижавшись уродливым, пухлым, тупым лицом к стеклу и помахивая пальцами свободной руки, глядел на оставшихся, пока поезд, огромный и закопченный, не тронулся, постепенно набирая скорость и лязгая буферами, увозя его, наглухо запертого, и оставляя всем ощущение безысходности, еще более неотвратимой, чем если бы люди видели, как тюремные ворота уже закрываются за ним, чтобы никогда больше не раскрыться за всю его жизнь. Он оборачивался ко всем, вытягивая шею, чтоб лучше видеть; лицо его за грязным стеклом было бледным и осунувшимся, однако хранило то характерное для него выражение недоумения и по-прежнему было спокойным, энергичным, безмятежным и серьезным. Через пять лет один из спутников убитого в ту субботнюю ночь, миная от пневмонии, признался, что именно он выстрелил в него и вложил пистолет в руку Монаха, сказав: «Гляди, что ты натворил».

Дядя Гэвин добился помилования, он написал петицию, собрал подписи, побывал в законодательном собрании штата, где губернатор подписал и оформил бумагу, потом сам отвез ее в тюрьму и сказал Монаху, что тот свободен. Монах с минуту глядел на него, пока не понял, а потом заплакал. Не хотел выходить оттуда. Теперь он был привилегированным заключенным; он перенес на начальника тюрьмы ту собачью преданность, с которой относился к старому Фрейзеру. Он ничего не умел делать как следует, только гнать и продавать виски, хотя с тех пор, как приехал в город, научился подметать заправочную станцию. Этим занимался и здесь; жизнь его теперь, должно быть, напоминала ему чем-то то время, когда он ходил в школу. Он подметал и содержал в порядке дом начальника тюрьмы, как это делают женщины, а жена начальника научила его вязать; он с плачем показывал дяде Гэвину свитер, который вязал ко дню рождения начальника тюрьмы,— нужно было еще несколько недель, чтобы закончить его.

С тем дядя Гэвин и вернулся домой. Помилование он привез с собой, но не уничтожил его, потому что, как он сказал, оно зарегистрировано, и главное теперь — посмотреть в свод законов, можно ли выставить человека из тюрьмы, как выставляют из колледжа. Но, по-моему, он все еще надеялся, что Монах передумает, вот почему, как мне кажется, он хранил документ.

Потом Монах освободился сам, безо всякой помощи. Это случилось через неделю после того, как дядя Гэвин говорил с ним; дядя, наверно, еще не решил, где хранить помилование, когда до нас дошла эта новость. Она появилась в заголовках мемфисских газет на другой день, но мы услышали ее в тот же вечер по теле-

фону: Монах Одлетроп, очевидно, возглавляя неудавшийся побег, совершенно хладнокровно убил начальника тюрьмы из его собственного пистолета. На этот раз не оставалось никаких сомнений: пятьдесят человек видели, как он сделал это, а несколько заключенных схватили его и отняли пистолет. Да, Монах, тот самый человек, что неделю назад плакал, когда дядя Гэвин сказал ему, что он свободен, возглавлял побег и убил человека (для которого он вязал свитер и плакал, чтобы ему дали закончить) так хладнокровно, что даже сообщники набросились на него.

Дядя Гэвин снова отправился к нему. Теперь Монах находился в одиночном заключении, в камере смертников. Он продолжал вязать свитер. Вязал хорошо, говорил дядя Гэвин, и свитер был уже почти готов.

— У меня остается три дня,— сказал Монах.— Так что мне нельзя терять времени.

— Но почему же, Монах? — сказал дядя Гэвин.— Почему? Зачем ты сделал это?

Он говорил потом, что спицы ни на секунду не останавливались и не сбивались, даже когда Монах смотрел на него с обычным своим безмятежным, доброжелательным и почти восторженным выражением. Потому что у него не было представления о смерти. Мне не верится, что он когда-либо связывал в мыслях своих труп, лежавший в ту ночь у его ног за заправочной станцией, с человеком, который только что ходил и разговаривал, или труп во дворе тюрьмы — с человеком, для которого он вязал свитер.

— Я знал, что гнать виски неправильно,— сказал он.— Я знал, что это не то. Однако я...

Он взглянул на дядю Гэвина. Безмятежность не исчезла с его лица, но на миг что-то проступило за ней: не разочарование, не сомнение, просто что-то ищущее, смутное.

— Однако что? — сказал дядя Гэвин.— Виски было не «то»? Что значит «то»?

— Нет. Не то.— Монах глянул на дядю Гэвина.— Вспомнил про тот день в поезде. Этот человек в фуражке заглядывал в дверь и кричал. Я спрашивал: «Это то? Это здесь нам сходить?», а помощник шерифа говорил «нет». Однако, если бы я был там один и тот человек вошел и крикнул, я бы...

— Сошел не там? Это и есть «то»? А теперь ты знаешь, что правильно и где нужно сходить?

— Да,— сказал Монах.— Теперь я знаю правильно.

— Что? Что правильно? Что ты знаешь теперь, чего тебе не говорили раньше?

И он сказал, что. Через три дня он взшел на эшафот, стал там, где ему велели, и покорно (без всякой просьбы) склонил голову набок, чтобы было удобнее завязывать узел, лицо его было по-прежнему безмятежным, по-прежнему восторженным, с него не сходило то выражение, какое бывает у человека, ждущего возможности заговорить, пока все его не покинули. Очевидно, он принял это за сигнал, потому что заговорил:

— Я согрешил против бога и человека, но уже искупил это своим страданием. А теперь...— говорили, что эти слова он произнес громко, голос его был чист и безмятежен. Эти слова, вероятно, зву-

чали для него громко и неопровержимо, возвышая его сердце, потому что он говорил уже из-под черного капюшона: — А теперь я выйду в вольный мир и начну возделывать землю.

Представляете? Это просто уму непостижимо. Даже если признать, что он не создавал близости смерти, то его слова были лишены всякого смысла. О земледелии он мог знать немногим больше, чем о Стоунволле Джексоне, ибо, конечно же, ничем подобным не занимался. Он, понятно, видел все это — зерно и хлопок на полях и людей, работающих там. Но до сих пор он не хотел заниматься этим, а может быть, и захотел бы, окажись в других условиях. Однако он передумывает и убивает человека, который хорошо отнесся к нему и, создавал он это или нет, избавил того от сравнительного ада; убивает человека, на которого перенес всю меру своей собачьей верности и преданности, из-за которого неделю назад отказался от помилования; причина была в том, что он хотел вернуться в мир и возделывать землю — и эта перемена происходит в нем за одну неделю, после того как в течение пяти лет он был отторгнут и изолирован от мира крепче, чем любая монахиня. Если допустить, что какие-то логические связи существовали в том разуме, которым он обладал, и если допустить, что они были достаточно сильными, чтобы толкнуть его на убийство своего единственного друга (да притом из его собственного пистолета). Начальник хранил пистолет дома, и однажды он исчез, а начальник, держа пропажу в тайне, жестоко избил своего повара-негра, тоже привилегированного заключенного, которого, конечно же, логичнее было заподозрить в краже. Потом Монах нашел пистолет там, где начальник, уже сам вспомнивший об этом, спрятал его, и вернул. Если и допустить все это, то каким образом у него мог возникнуть такой импульс, как желание возделывать землю, там, где он находился? Эти соображения я изложил дяде Гэвину.

— Все это вполне увязывается, — сказал дядя Гэвин. — Просто у нас нет верного шифра. И у них тоже.

— У них?

— Да. Они не повесили человека, убившего Гэмбрелла. Они просто казнили орудие убийства.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Не знаю. И, возможно, никогда не узнаю. Скорее всего не узнаю. Но все это вполне увязывается, как ты выразился. Должно увязываться. В конце концов, и так слишком много фиглярства во всех этих обстоятельствах, не говоря уже об этой глупости в образе человеческого. Но, возможно, последней шуткой обстоятельств будет то, что мы об этом никогда не узнаем.

Но все-таки мы узнали. Дядя Гэвин раскрыл это случайно и не рассказывал никому, кроме меня. Вы поймете, почему.

В то время губернатором у нас был человек без роду и племени, имевший немногим больше оснований для известности, чем Монах; политикан, расчетливый человек, который (многие из нас опасались этого, и дядя Гэвин, и другие деятели штата) пошел бы далеко, будь он жив. Года через три после смерти Монаха он внезапно объявил что-то вроде юбилея. Назначил день заседания совета амнистий в тюрьме, где, как полагали, он будет раздавать помилования так же, как английский король в день своего рожде-

ния раздает рыцарские звания и ордена Подвязки. Конечно, вся оппозиция заговорила, будто он откровенно торгует помилованиями, но дядя Гэвин так не думал. Он сказал, что губернатор более

расчетлив — на будущий год намечены выборы, и он не только собирает голоса родичей тех, кто будет помилован, но и расставляет ловушку пуристам и моралистам, чтобы те обвинили его в продажности, а потом потерпели неудачу из-за отсутствия улики. Было известно, что он полностью держал в руках совет амнистий, так что единственным протестом, какой оппозиция могла выдвинуть, было требование создать присутственные комитеты на этот период, и губернатор (да, он был расчетлив) любезно одобрил такой шаг и даже предоставил транспорт. Дядя Гэвин был одним из делегатов от нашего округа.

Всем этим неофициальным делегатам, говорил дядя, были выданы копии списка лиц, намеченных к помилованию (тех, у кого было достаточно родственников с правом голоса, что, насколько я понимаю, и служило основанием для амнистии). В списке, кроме того, имелись описания преступления, приговора, тюремные характеристики за отбытый срок и тому подобное. Происходило все это в помещении столовой; как говорил дядя, он и другие делегаты расселись на жестких скамейках без спинок, а губернатор и его совет сели за стол на возвышавшейся платформе, где находились охранники. Потом заключенные вошли строем и остановились. Губернатор вызвал первого по списку и велел подойти к столу. Но никто не двинулся с места. Они просто стояли толпой в своих полосатых комбинезонах, негромко переговариваясь друг с другом, пока охранники не закричали тому человеку, чтоб он выходил, а губернатор оторвался от бумаг и взглянул на них, высоко подняв брови. Тут из толпы кто-то сказал: «Пусть Террел говорит за нас, губернатор. Мы избрали его говорить за всех нас».

Дядя Гэвин не сразу поднял глаза. Он просматривал список, пока не нашел эту фамилию: **«Террел Билл. Непредумышленное убийство. Отбывает срок с девятого мая 19... Подавал прошение о помиловании в январе 19... Отклонено начальником тюрьмы К. Л. Гэмбреллом. Подавал прошение о помиловании в сентябре 19... Отклонено начальником тюрьмы К. Л. Гэмбреллом. Характеристика — нарушитель режима».** Потом он поднял взгляд и увидел, как Террел вышел из толпы и подошел к столу — высокий, громадный человек с темным орлиным лицом, напоминающим индейское, светлыми желтыми глазами и копной буйных черных волос. Он подошел к столу со странной смесью надменности и подобострастия, остановился и, не дожидаясь, пока ему позволят говорить, начал странным высоким речитативом, пронизанным той же униженной надменностью: «Ваша честь и уважаемые джентльмены, мы согрешили против бога и человека, но уже искупили это своим страданием. И теперь мы хотим выйти в вольный мир и возделывать землю».

Едва Террел успел договорить, как дядя Гэвин очутился на платформе, склонился над стулом губернатора, а губернатор, обернув свое маленькое хитрое пухлое личико, встретил настойчивость и взволнованность дяди загадочным и лицемерным взглядом.

— Отошлите этого человека на минутку, — сказал дядя Гэвин. — Мне нужно сказать вам кое-что наедине.

С минуту губернатор смотрел на дядю Гэвина, и весь марionеточный совет тоже смотрел на него, и на их лицах, говорил потом дядя Гэвин, ничего не отражалось.

— Да, конечно, мистер Стивенс,— сказал губернатор. Он поднялся и отошел с дядей Гэвином к зарешеченному окну, а этот человек, Террел, по-прежнему стоял перед столом, резко вздернув голову, совершенно неподвижно, и свет из окна пылал в его желтых глазах, словно две спички, пока он, не отрываясь, глядел на дядю Гэвина.

— Губернатор, этот человек — убийца,— сказал дядя Гэвин.

Лицо губернатора ничуть не изменилось.

— То было непредумышленное убийство, мистер Стивенс,— сказал он.— Непредумышленное. И как обыкновенные честные граждане этого штата, и как скромные его слуги, мы с вами, несомненно, можем согласиться с решением присяжных.

— Я не о том,— сказал дядя Гэвин. Он произнес это поспешно, как только мог, словно Террел исчез бы, если бы он не спешил; дядя рассказывал потом, что у него было жуткое ощущение, будто через секунду этот маленький, непроницаемо любезный человек, стоящий перед ним, силой своей холодной воли, властолюбия и аморальной беспощадности магически перенесет Террела за пределы всякого возмездия.— Я говорю о Гэмбрелле и том слабоумном, которого повесили. Этот человек убил их обоих, это так же очевидно, как если бы он выстрелил из пистолета и опустил люк.

Лицо губернатора по-прежнему нисколько не изменилось.

— Это любопытное обвинение, чтобы не сказать серьезное,— сказал он.— У вас, несомненно, есть доказательства?

— Нет. Но я их добуду. Дайте мне провести с ним десять минут наедине. Я получу доказательства от него самого. Я заставляю его дать их мне.

— А,— сказал губернатор. Теперь он не глядел на дядю Гэвина целую минуту. Когда он снова взглянул на него, выражение лица вроде не изменилось, но с него что-то стерлось, словно он сделал это физически, с помощью платка. («Понимаешь, он сделал мне комплимент,— говорил потом дядя Гэвин.— Комплимент моей сообщительности. Теперь он говорил мне абсолютную правду. Он сделал мне высший комплимент, какой только мог»).— И какую пользу, по-вашему, это даст? — спросил он.

— То есть...— сказал дядя Гэвин. Они глядели друг на друга.— Значит, вы все же хотите спустить его с цепи на граждан этого штата, этой страны и всего за несколько голосов?

— А почему бы и нет? Если он опять совершит убийство, то место для него здесь всегда найдется.

Теперь уже дядя Гэвин размышлял с минуту, хотя не опускал глаз.

— Допустим, я повторю где-то то, что вы сейчас сказали. Конечно, у меня нет доказательств, но мне поверят. И это...

— Лишит меня голосов? Да. Но, видите ли, я уже лишен этих голосов, потому что никогда их не имел. Понимаете? Вы принуждаете меня делать то, что, как известно всем, может противоречить моим принципам,— или вы отказываете мне в принципах?

Теперь, говорил дядя Гэвин, губернатор глядел на него с выражением почти теплым, почти сочувственным — и очень странным.

— Мистер Стивенс, вот мой дядюшка назвал бы вас джентль-

меном. Он прорычал бы вам это, ненавидя вас и таких, как вы; он вполне мог бы как-нибудь подстрелить из-за забора лошадь под вами — из принципа. А вы пытаетесь перенести взгляды 1860 года в политику двадцатого столетия. Политика в двадцатом веке — мрачная вещь. Собственно, мне иногда кажется, что и весь двадцатый век — довольно мрачная штука, смердящая до небес и в чей-то там нос. Но дело не в этом, — тут он снова повернулся к столу, и все лица в комнате были обращены к ним. — Послушайте совет доброжелателя, даже если он не может назвать вас другом, — бросьте это дело. Как я уже сказал, если мы выпустим его и он снова совершит убийство, что вполне возможно, то всегда сможет вернуться сюда

— И снова получить помилование, — сказал дядя Гэвин.

— Возможно. Обычаи меняются не так уж быстро — запомните.

— Но вы позволите мне побеседовать с ним наедине, не так ли? Губернатор помедлил.

— Ну, разумеется, мистер Стивенс. Мне приятно будет сделать вам одолжение.

Их проводили в камеру, чтоб и охранник с ружьем мог находиться за решетчатой дверью.

— Будьте начеку, — сказал охранник дяде Гэвину. — Это еще тот негодяй! Не шутите с ним.

— Я не боюсь, — ответил дядя Гэвин; он сказал, что ему теперь незачем быть даже осматрительным, хотя охранник не понял, что он имел в виду. — У меня меньше причин бояться его, чем даже у мистера Гэмбрелла, ибо Монах Одлетроп уже мертв.

И они остались в пустой камере, глядя друг на друга, — дядя Гэвин и похожий на индейца гигант с неистовыми желтыми глазами.

— Значит, это вы зачеркнули меня на этот раз, — сказал Террел тем же странным, почти воющим речитативом.

Мы знали о том случае из миссисипских газет; кроме того, все случилось не так уж давно, и Террел к тому же не был фермером. Дядя Гэвин говорил, что именно это насторожило его, даже прежде, чем он понял, что Террел произнес именно те же слова, что и Монах на эшафоте, но Террел не мог их слышать или хотя бы узнать о них. Насторожило не совпадение слов, а тот факт, что ни Террел, ни Монах не фермерствовали нигде и никогда.

Существовала, правда, еще одна заправочная станция, поблизости от железной дороги, и тормозной кондуктор с ночного товарняка утверждал, что видел, как двое выскочили из кустов, когда поезд шел мимо нее, неся что-то, что впоследствии оказалось человеком, и бросили его под колеса: был он жив в тот момент или нет, кондуктор сказать не мог. Заправочная станция принадлежала Террелу, факт драки был установлен, и Террела арестовали. Сперва он отрицал драку, потом отрицал, что покойный участвовал в ней, потом заявил, что покойный соблазнил его, Террела, дочь и что его, Террела, сын убил этого человека, и он просто старался отвести подозрения от своего сына. Сын с дочерью отрицали все, и сын доказал свое алиби, а Террела, осыпавшего руганью своих детей, выволокли из зала суда.

— Погодите, — сказал дядя Гэвин. — Сперва я хочу задать вам один вопрос. Что вы говорили Монаху Одлетропу?

— Ничего! — сказал Террел. — Ничего я ему не говорил!

— Ну что ж, — сказал дядя Гэвин. — Это и все, что я хотел узнать. Он повернулся к охраннику и сказал:

— Мы закончили. Выпустите нас.

— Постойте, — сказал Террел. Дядя Гэвин обернулся. Террел стоял, как и прежде, высокий, худой, сильный, в своем полосатом комбинезоне с неистовыми безумными желтыми глазами, говоря тем же завывающим речитативом. — За что вы хотите оставить меня запертым здесь? Что я вам сделал? Вы богатый и свободный, вы можете идти, куда хотите, а я вынужден...

Потом он закричал. Дядя Гэвин говорил, что кричал он, совершенно не повышая голоса, так что охранник в коридоре не мог услышать его:

— Ничего, говорю я вам! Ничего я ему не сказал!

Но на этот раз дядя Гэвин не успел даже сделать попытки повернуться. Террел в два шага прошел мимо него, совершенно беззвучно, и выглянул в коридор. Потом он повернулся и взглянул на дядю Гэвина.

— Слушайте, — сказал он. — Если я скажу вам, дадите вы мне слово, что не подадите голоса против меня?

— Да, — сказал дядя Гэвин. — Я не подам голоса против вас, как вы выразились.

— Но как мне узнать, что вы не лжете?

— А как это можно узнать, если не убедиться на опыте? — сказал дядя Гэвин.

Они поглядели друг на друга. На этот раз Террел опустил глаза. Дядя Гэвин говорил, что он держал одну руку перед собой и что он, дядя Гэвин, видел, как медленно белели суставы, когда Террел сжимал ее.

— Похоже, мне придется, — сказал он. — Вот именно, похоже, что придется. — Затем он поднял взгляд, и тут он закричал, не громче, чем кричал до этого: — Но если вы обманете и я когда-нибудь выйду отсюда, то берегитесь! Понятно? Берегитесь.

— Вы угрожаете мне? — сказал дядя Гэвин. — Вы, стоящий здесь в этом полосатом комбинезоне, когда позади вас стена, а впереди запертая дверь и человек с ружьем? Вы хотите рассмешить меня?

— Ничего я не хочу, — сказал Террел. Теперь он говорил почти шепотом. — Я только хочу справедливости. Вот и все. — Тут он снова начал кричать тем же сдавленным голосом, слишком явно глядя на свои сжатые побелевшие суставы. — Я дважды добивался этого; я добивался справедливости и свободы дважды. Но все это он. Все из-за него; и он знал, что я тоже это знаю. Я сказал ему, что я... — он умолк так же неожиданно, как и начал; дядя Гэвин говорил, что было слышно, как он дышит — тяжело, хрипло.

— Это был Гэмбрелл, — сказал дядя Гэвин. — Продолжайте.

— Да. Я говорил ему. Говорил. Потому что он насмехался надо мной. Не нужно ему было этого делать. Он мог подавать голос против меня, и пусть бы так и шло. Только не нужно было насмехаться. Он говорил, что я пробуду здесь столько же, сколько он, или пока он сможет задерживать меня, и что он пробудет здесь всю жизнь. Так и вышло. Он пробыл здесь всю жизнь. Всю жизнь до конца и пробыл.

Но он не смеялся, говорил дядя Гэвин, то была не насмешка.

— Так. И вы, значит, сказали Монаху...

— Да. Сказал. Я говорил, что все мы здесь бедные, темные вахлаки, у которых не было никаких шансов. Что бог создал нас для того, чтоб мы жили вне этих стен в вольном мире и возделывали для него его землю; только мы были бедными и темными и не знали об этом, а богатые не говорили нам, пока не стало слишком поздно. Что мы были бедными темными людьми, ни разу раньше не видевшими поезда; что мы сели в поезд и никто не сказал нам, где сойти и возделывать землю в вольном мире, как того хотел бог, и что это он — тот, кто держит нас здесь, прячет нас под замком от вольного мира, чтобы насмехаться над нами против божьей воли. Но я не говорил ему, чтобы он сделал это. Я просто сказал: «И теперь мы никогда не выйдем отсюда, потому что у нас нет пистолета. Но будь у нас пистолет, мы бы вышли в вольный мир и возделывали бы землю, потому что бог создал нас для этого и мы этого хотим». И он сказал: «Да. Хотим. Этого-то мы и хотим». А я сказал: «Только у нас нет пистолета». И он сказал: «Я могу достать пистолет». А я сказал: «Тогда мы выйдем в вольный мир, потому что мы согрешили против бога и человека, но это не наша вина, ибо мы не знали, для чего он нас предназначил. Но теперь мы знаем, для чего, потому что хотим выйти в вольный мир и возделывать землю для бога!» Вот и все, что я ему сказал. Я не говорил ему, чтобы он что-то сделал. А теперь идите, рассказывайте им. Пусть и меня тоже повесят. Гэмбрелл уже сгнил, и этот придурок тоже сгнил, а теперь и я буду гнить под землей, как гнию здесь. Идите, рассказывайте.

— Да... — сказал дядя Гэвин. — Ладно. Вы выйдете на свободу.

С минутой, говорил дядя, Террел не мог произнести ни слова. Потом спросил:

— На свободу?

— Да, — сказал дядя Гэвин. — На свободу. Но запомните вот что. Вы только что угрожали мне. Теперь я буду угрожать вам. И самое любопытное, что я могу обосновать свою угрозу. Я буду следить за вами. И если еще раз случится что-то подобное, если еще раз кто-то попытается ложно обвинить вас в убийстве и никто не подтвердит, что вас там не было, и никто из ваших родственников не возьмет вину на себя... Понимаете?

Террел поднял глаза, когда дядя Гэвин сказал «на свободу», но теперь он снова глядел вниз.

— Ну? — спросил дядя Гэвин.

— Да, — сказал Террел. — Понимаю.

— Хорошо, — сказал дядя Гэвин. Он повернулся и позвал охранника. — Теперь можете выпустить нас, — сказал он. Он вернулся в столовую, где губернатор вызывал людей одного за другим и вручал им бумаги. Губернатор снова сделал паузу, его спокойные, непроницаемые глаза глядели на дядю Гэвина. Он не стал дожидаться, пока дядя Гэвин заговорит.

— У вас, как я вижу, удача, — сказал он.

— Да. Хотите услышать...

— Мой дорогой сэр, нет. Мне придется воздержаться. Даже выражусь резче: я должен отказаться. — Снова, говорил потом дядя

Гэвин, он глядел на него с тем же выражением — сердечным, недоумевающим, почти соболезнующим, однако глубоко настороженным и пытливым. — Я всерьез думаю, что вы не отказывались от надежды изменить это дело, верно.

Теперь дядя Гэвин с минуту не отвечал. Потом сказал:

— Нет. Неверно. Так, значит, вы собираетесь освободить его? На самом деле?

И тут, говорил потом дядя, сердечность и соболезнование исчезли, и теперь это лицо было таким, как он увидел его впервые: льстивым, совершенно непроницаемым, совершенно лживым.

— Мой дорогой мистер Стивенс, — сказал губернатор. — Вы уже почти убедили меня. Но неужели вы думаете, что сможете убедить этих джентльменов?

И дядя Гэвин сказал, что он оглядел их всех — однотипные лицемерные лица семи или восьми соратников губернатора и соратников доморощенных полковников.

— Нет, — сказал дядя Гэвин. — Не смогу, — и направился к выходу. Время шло к полудню, было жарко, но он сразу же отправился в Джефферсон. Он ехал по широкой, в жаркой дымке земле, мимо хлопка и зерна на неистощимых безмятежных акрах господ бога, которые переживут любую продажность и несправедливость. Он радовался жаре, говорил он потом; радовался тому, что потел, изгоняя из себя с потом запах и привкус того, что его только что окружало.

Перевод с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧА.

Рис. В. СЕЛИВАНОВА.

НО КИРНИЧКУ...

ФЕЛЬЕТОН

Наукой точно установлено: человек невидимкой быть не может. А между тем на практике мы еще нет-нет, да и сталкиваемся с удивительными явлениями, как бы опровергающими выводы ученых мужей.

Скажем, исчезают с предприятия те или иные детали, материалы, продукция — и все разводят руками. Кто, как, куда вынес? Никто вроде нападения на предприятие не совершал, никто охранников не связывал и кляпа в рот не вставлял, да и замки все до единого в полной исправности. А факт фактом — ценности исчезают.

Вот тут-то и приходит на ум мысль о человеке-невидимке.

Но тащат абсолютно реальные люди. Видимые самым невооруженным глазом, осязаемые и даже обоняемые. И имена их известны. Не видят их лишь те, кто по каким-либо причинам не хочет видеть.

А зовут всех этих «невидимок» расхитителями.

ЖИЗНЬ И САТИРА

Если разобраться повнимательнее, то имеются в этой среде разветвления. Они — эти разветвления — зависят чаще всего от того, какой общественный продукт данному субъекту ближе.

Ежели подобный субъект числится в штате на кирпичном заводе, то тянет он, естественно, кирпич.

Ежели на сахарном — рафинад.

На посудном — тарелки.

На резиновом, само собой, тянет резину.

И так далее...

И что обидно — ведь этот «свой» где ворует, там и зарплату получает, и путевочки в дома отдыха или санатории, и материальную помощь, и премии всякие, и прогрессивки...

Так что тащит он продукцию с родимого предприятия вроде уже как сверхпремию, изобретая при этом всякие новые, прогрессивные методы умыкания.

Возьмем хотя бы филиал № 4 Черновицкого чулочно-производственного объединения. Люди объединились здесь с благородной целью выпускать чулки, без которых жизнь милых женщин была бы какой-то неудобной. Ведь не круглый же год на дворе лето!

Но вот оказалось, что работник этого объединения Богайчук, игнорируя благородные цели коллектива, упорно и настойчиво создавал свой филиал филиала № 4.

Да, вместо личного вклада в производство он создал личный склад. Из готовой ворованной продукции. Причем вынесена им за ворота была не какая-то жалкая пара чулок, и даже не десять и не тридцать. А двести пятьдесят пар. Тащить так тащить!

Расхититель наконец был схвачен за чулок, торчавший у него из-под полы. Той самой, из-под которой он торговал краденым. Ну, как при этом не воскликнуть — почему же так поздно?

Ведь слепым же надо быть или в лучшем случае близоруким, чтобы не увидеть такого. И, наверное же, видели, знали о проделках Богайчука если не соседи, то сослуживцы, если не сослуживцы, то какие-то знакомые люди. Кто-то ведь и чулки у него покупал. Со скидкой. Где же были все они, почему упорно молчали, почему вовремя не бросили ему: «Что ты делаешь? У кого ворует, в какой чулок упрятал, накрепко завязав узлом, свою совесть?» Но это больше вопросы морального порядка. А с другой стороны — охранник на предприятии находится на страже не столько морали, сколько государственного имущества.

Именно это требование прошло как-то мимо сознания охранника Черновицкого масложиркомбината Никитина. Это он находился на посту, когда на территорию проникли трое злоумышленников. На-

брав разных товаров, они стали не спеша подтаскивать их к ограде. И тут перед ними внезапно возник грозный силуэт Никитина. Еще мгновение — и карающая десница опустится на головы непрошенных гостей. Но тут один из них подмигнул силуэту, другой что-то доверительно шепнул, третий дружески хлопнул по плечу. И страж жиров растаял, и дальше пошло все как по маслу. Поскольку вышеозначенному Никитину была обещана солидная доля от благоприобретенных товаров.

Помогать красть то, что тебе поручено охранять, — не правда ли, острая ситуация? К сожалению, Никитин не уникален.

Вспоминается в этой связи случай, происшедший некоторое время назад на Тернопольском хлопчатобумажном комбинате. Тут уж обмешурился не рядовой охранник, а заместитель начальника отдела снабжения комбината Мацебура.

Вместо того чтобы неустанно заботиться о снабжении комбината необходимыми материалами, он с особым рвением эти материалы прикарманивал. И надо сказать, до поры до времени довольно успешно. Сумма в 25 тысяч рублей говорит сама за себя.

Нет, Мацебура не обматывал себя материей и не пролезал сквозь искусно прорытые подземные ходы. Не устраивал он тайников и в автомашинах. Он лишь в совершенстве освоил технику оформления различных товарных накладных. И именно тут обнаружил немало не видимых постороннему глазу лазеек... Он, например, с помощью фиктивных счетов оформлял отпуск тканей якобы на детские интернаты. А фактически — все шло налево. Так действовал Мацебура не день и не неделю, а многие месяцы...

И снова возникают старые, как мир, но не переставшие быть злободневными вопросы: позвольте, товарищи дорогие, сослуживцы и начальники Мацебуры, а где же элементарный учет? Куда смотрели ревизоры? Или, может быть, они не смотрели, а толковали о капризах погоды? Или обсуждали последний выпуск телепередачи «Следствие ведут Знатоки»? Иначе невозможно объяснить, например, такое чудо в одном из весьма уважаемых производственных коллективов.

Начальник отдела малой механизации ПМК-20 треста «Мособлстрой-10» Лотарев задумал построить личный гараж. Идея не такая уж оригинальная, если не считать того, каким образом он добывал материал.

Для начала он выписал себе за сущий пустяк кубометр битого кирпича. Но что ему делать с битым кирпичом? Рассудив, что, умело действуя, кое-где можно за один битый кирпич взять много небитых, Лотарев отправился на подведомственный строительный объ-

ект. Там, прикрываясь, как фиговым листком, накладной, он увез-таки тысячу целехоньких кирпичей. То, что надо!

Строитель гаража действовал не как тать в ночи. Не надевал на лицо маску и не менял голоса и походки. Он твердым шагом шел к намеченной цели — своему личному гаражу. И никто не встал на его пути, никто не схватил его за руку, хотя многие видели: не оттуда кирпич и не туда! И те, кто давал разрешение, и те, кто оформлял, и те, кто отпускал, и те, кто пропускал.

Да, мы знаем, как много полезного делает с помощью общест-венности наш народный контроль. В самом широком его понимании.

Но, увы, не всегда и не везде. Конечно, куда как легче произне-сти страстную речь на собрании или оформить несколько плакатов об охране социалистической собственности, чем по-деловому эту собственность охранять.

И расхитителю это, конечно, на руку.

На ту самую нечистую руку, перехватить которую можно лишь всем вместе, сообща.

Потому что общественное достояние — это наше, кровное!

ГРИГОРИЙ КРОШИН

А ЕМУ ХОТЬ БЫ ЧТО

РАССКАЗ

— Товарищ сержант, вот как все было. Главное, я ж к нему, как к человеку, а он... Ведь какая жарница на улице после получ-ки! Пить охота. Жажда не отпускает. Смотрю, метрах в полста двое стоят. Правда, это мне тогда от жажды так искаженно померещи-лось. Ну, значит, стоит этот ростом с меня, тоже красный от жары, да еще подмигивает. Я подошел и говорю: «Давай-ка, друг, стака-чик пропустим». И деньги кладу, как полагается. А у него, знаете, один глаз вроде прикрыт, видать подбили, а оставшийся на меня смотрит. Но молчит. Думаю: может, мало я ему дал? Еще даю, как

полагается. Опять полный молчок. Игнорирует. Прямо как в рот воды набрал. Я, конечно, привыкший, чтоб со мной так нахально молчали, но на всякий случай потрянул его так дружелюбно, дескать, может, ты на бюллетене и говорить стесняешься... Ноль внимания. Ну, раз так, говорю, тогда хоть деньги верни, хоть мне и не жалко для хорошего человека, будь ты проклят. Молчит, и все тут. Но, товарищ сержант, видит бог, я пытался с ним по-человечески, а он... Словом, стукнул я его разок-другой-третий-лишний. Не отдает. Не понимает человеческого обращения. Я тогда его сильнее, чтоб понял он наконец, что я к нему, как к человеку, а он... А он весь красный, уже, правда, не подмигивает, как-то сник сразу, но молчит, не раскалывается. Народ, конечно, собрался, делать-то людям нечего, разняли нас, не дали из него всю эту дурь выбить. К вам вот в отделение привели. А обидно — у меня все руки в синяках, а ему хоть бы что!

...Все я признаю, все. И действительно, если трезво взглянуть на это дело, правильно дружки говорили, мол, не связывайся ты с ним, Вася, не человек это... Ну и что же, что автомат? Но ведь кто-то же должен мне мои три копейки вернуть?!

Побасенка

Папашин гнев

— Пей дома! —

Сыну так сказал отец,

Семейной жизни пламенный

ревнитель.

— Я не какой-нибудь купец,

Чтоб каждый день платить

за вытрезвитель.

Н. КИРЮХИН
САРАТОВСКАЯ ОБЛ.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ВЕРЕН СЕБЕ

Во время разбирательства в японском городе Киото судебного дела вора-рецидивиста Хайято Нишимура произошел любопытный инцидент. Когда осужденного усаживали в тюремную машину, чтобы отвезти обратно в камеру, у него обнаружили двое часов, портфель и очки. Эти вещи Хайято Нишимура похитил во время судебного заседания у охранявших его полицейских, адвоката и председателя суда.

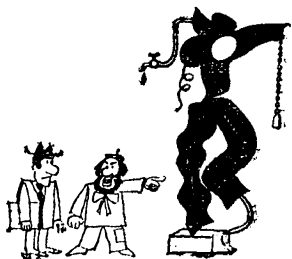

ДЕЛО О «ХАОСЕ»

Выслеживая контрабандистов, швейцарские таможенники наткнулись на подводу, груженную металлоломом. Чиновники основательно перетряхнули груз, но, не найдя ничего запретного, отпустили владельца подводы с миром.

Вскоре таможенников вызвали в суд. Оказалось, что обыскивали они вовсе не металлолом, а «произведение искусства», названное автором «Хаос», и при этом, по его мнению, повредили.

Судья долго ломал голову, прежде чем вынести решение. Наконец он его огласил: «Считать таможенников невинными, так как после произведенного ими обыска хаос в шедевре полностью сохранился».

КОНКУРЕНЦИЯ

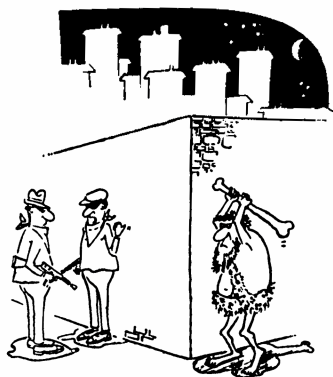
Пятеро мужчин, проникшие в магазин готовой одежды в Индианополисе, едва успели наставить свои револьверы на продавцов, как были ошарашены появлением другой группы людей. Тоже вооруженные пистолетами, они пришли сюда с той же целью, что и первая банда. С минуту члены обеих банд озадаченно разглядывали друг дру-

га, а затем спешно покинули злополучный магазин, очевидно испугавшись, что «конкуренция» может закончиться стрельбой.

Рис. Г. МЕТЧЕНКО.

Зарубежный юмор

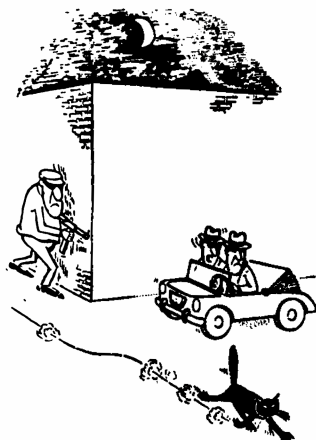
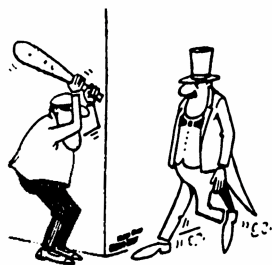
— Это очень старомодный бандит...

— Не буду с тобой работать, пока ты не купишь очки!..

— Странно, идет дождь...

— Надеюсь, ты не суверен...

Без слов.

НА ПЯТИ
УГЛАХ

Цена 25 коп.

Индекс 71075

Груз должен быть размещен и при необходимости закреплен на транспортном средстве так, чтобы он не подвергал опасности пешеходов и других участников движения, не выпадал и не волочился...

(Из статьи 153 Правил дорожного движения)